

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DK112

K67

1864

БЫЛЪ ЛН
ЛЖЕДИМИТРІЙ І ѿ
ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ

КТО БЫЛ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ?

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Н. КОСТОМАРОВА.

Вообще въ грамотахъ того времени не заботи-
лись о согласномъ свидѣтельствѣ, а выставляли
событія смотря по обстоятельствамъ.

Соловьев. Ист. Рос. IX, 23.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОВАРОВА И К^о.

1864

АНЛ 9120

ПЛАН СТИ

СВЕТОВИ ДИПЛОМАТИ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Дозволено ценсурю. С.-Петербургъ. 17 септембра 1864 года.

С. ПЕТЕРБУРГЪ. 17 СЕПТЕМБРА 1864 ГОДА.

5 13

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ?

У насъ общепринятое мнѣніе о самозванцѣ, царствовавшемъ въ Москвѣ подъ именемъ Дмитрія Ивановича, есть то, что онъ былъ чернецъ Чудова монастыря Гришка Отрепьевъ. Это мнѣніе считалось и считается у насъ какъ бы доказаннымъ окончательно. Историкъ смутнаго времени Вутурлинъ выразился такъ: «первымъ Лжедмитріемъ въ Россіи былъ Отрепьевъ, и противорѣчить еще сему свойственно было бы только тѣмъ, кои, увлекаясь суетнымъ мудрованіемъ, тщатся опровергать всѣ историческія истины единственно чтобы мыслить иначе, чѣмъ мыслили ихъ предшественники». (Ист. См. Вр. 1, 278). Между тѣмъ, до сихъ поръ остались не разобранными, неизслѣдованными и неповѣренными мѣста изъ историковъ, на которыхъ основывается это мнѣніе.

Наши лѣтописныя сказанія и большая часть иностранныхъ источниковъ о смутной эпохѣ составлены уже впоследствии, а потому оцѣнка взгляда ихъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ оцѣнки первоначальныхъ свѣдѣній, болѣе близкихъ какъ ко времени, такъ и къ самому вопросу. Они считали загадочное лицо, о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ или другимъ, на основаніи такого или иного образовавшагося мнѣнія, и потому важнѣе всего добратъся, какъ эти мнѣнія сложились и откуда получили начало.

Самозванецъ, какъ мы докажемъ впоследствии, появился въ Польскихъ владѣніяхъ въ 1600—1601 годахъ, а первыя заявленія о томъ, что онъ—Гришка Отрепьевъ, явились въ 1604 году, и

положительно—только къ концу этого года. Первымъ протестомъ изъ Московскаго государства противъ него были двѣ грамоты отъ пограничныхъ Черниговскихъ воеводъ: одна отъ князя Михаила Кашина-Оболенскаго, другая отъ князя Татева. Въ обѣихъ извѣщается, что называющій себя Дмитриемъ былъ бѣглый чернецъ; но онъ не называется Гришкою (*Suppl. ad Hist. Russ. monum.* 410).

Изъ сношенія нашихъ бояръ съ Польскими послами уже черезъ полтора года послѣ воцаренія Шуйскаго видно, что тогда бояре указывали, будто въ 1604 году они посылали для обвиненія самозванца дядю Гришки Отрепьева — Смирного Отрепьева въ папамъ, требуя отъ нихъ, чтобы они, племянники пап, не допустили его до этого. Въ отвѣтъ на это польскіе послы упрекали ихъ и объясняли, что Смирной Отрепьевъ прѣдъкалъ ересь и не другими дѣлами, съ двумя грамотами: одна была къ воеводѣ Вилновскому съ жалобой, что не посланы судьи со стороны короля для разбора дѣлъ о грабѣжах и пограничныхъ недоразумѣніяхъ, и другая — къ Литовскому канцлеру по поводу того, что, вопреки праннимъ обещаніямъ, берутъ съ московскихъ купцовъ новые поборы. О личности же Дмитрія не было ни слова; и даже самъ Смирной не сказалъ имъ, что онъ былъ посланъ — посланникомъ или попомъ, какъ всегда дѣлалось; а въ одной изъ грамотъ не упомянуто было и его имя. «Какъ же можно, — говорили поляки, — чтобы Смирной, съ такими грамотами, присланный отъ другихъ совершенно дѣлахъ, могъ домогаться очной ставки съ Дмитриемъ, которого вы называете сыномъ его брата? Если бы онъ и домогался, то нельзя было ему повѣрять, когда въ грамотѣ обещано велѣнаеиано. Сверхъ того, вы сами говорите, что посланъ Смирной тогда уже, когда еще не имѣли Ожарскую землю; то какъ же намъ было искать его въ такомъ государствѣ? Если бы вы хотѣли добра вашему царю Борису, то слѣдовало бы намъ только имѣть разсказъ о немъ, тогда бы мы съяснились съ королевемъ и съ сенаторами, и тогда бы мы могли бы и представить очевидное и явное доказательство; а что

во, прислалъ Смирновъ съ поручениемъ и другому о сего
предметѣ... о дѣлахъ пограничныхъ, поносящихъ каждаго чинуду
нѣсколько рублей, о такомъ же важномъ дѣлѣ: неслучайно
ему ни слова.

«Отъ протестація намяновъ въ силу ярости върошій, потому
что намяновъ не было и необходимости въ этомъ случаѣ говорить
неправду. Еслибъ Смирновъ призналъ всѣ порученія, само-
званцы, были бы все равно не могли удовлетворить его, но слѣдомъ
впередъ — нечего было бы заираться, что не зная такого по-
ручения. Притомъ же они не заирались, что Постники Огаре-
ревъ, вѣрѣ за Смирновымъ, на посылъ былъ — и вѣдно вре-
мя приѣзжавшій въ Польшу, имѣлъ порученіе отъ Дмитрія. Не
понему же по такому важному государственному дѣлу Смир-
новъ Отрепьевъ послалъ московскія боярскія посланцевъ на-
мѣтъ, а не московскій государь къ польскому королю?»

«Постникъ Огаревъ, дворянинъ, посланъ былъ Борисомъ ок-
тября 14. Цари въ тѣхъ же самарѣ и послѣдующихъ отноше-
ніяхъ объясняли боярамъ, что этотъ посланникъ пріѣзжалъ
отъ грамоты отъ Бориса собственно о пограничныхъ недоразу-
мѣніяхъ, но между прочимъ грамоте касалась и того, что
повѣдѣнія короля находятся въ общій монаръ Гринка. Отъ
решень, называющійся Дмитріемъ Углицкимъ, онъ посылаетъ
грамоты въ украинныя города Московскаго государства. При-
казали народу поймать его и казнить. Король отвѣчалъ,
что такъ какъ этотъ монаръ находится уже въ предѣлахъ
Московскаго государства, то такъ его удобнее поймать. (Дѣла
Арх. Ист. Д. М. № 26, 27. Suppl. ad Hist. Russ. tom. 413).

«Въ то же время въ Радзивиляхъ считали, записано, что царь
сунулся въ стѣну (слѣдовательно въ первый разъ царь усталъ),
что намяновъ въ Литвѣ веру, который называется Дмитріемъ
Углицкимъ. И тутъ же слѣдуетъ заключеніе, что этотъ веръ
долженъ быть Гринка. Отрепьевъ (объявлявшій въ 1603 году
(111) въ Смирнову землю съ червонемъ Мисаиломъ Повади-
нымъ. Онъ пришелъ въ Печерскій монастырь и тамъ разбо-
лѣлся, призвалъ игумена исповѣдываться и сознался ему, что

онъ царевичъ Димитрій и ходять непостриженъ въ искусь, избѣгая царя Бориса. Игумень сталъ его чтить, объявилъ о немъ и сказалъ королю.

Бояре, въ сношеніяхъ своихъ съ польскими послами, уже послѣ убіенія Лжедимитрія, ссылались еще на то, что патріархъ послалъ къ воеводѣ кіевскому, князю Острожскому, сына боярскаго Аванасія Пальчикова извѣстить, что называвшій себя Димитріемъ и проживавшій въ его воеводствѣ—бѣглый монахъ-чернокнижникъ, и просилъ выдать его. Острожскій, признавая бѣглеца истиннымъ царевичемъ, не только не выдалъ, но задержалъ Пальчикова, а сынъ Острожскаго Янушъ томилъ его въ оковахъ долгое время, также признавая бродягу царевичемъ. На это извѣстіе поляки отвѣчали, что не знаютъ ничего о такомъ посольствѣ. Замѣтитъ слѣдуетъ, что и Константинъ Острожскій и сынъ его Янушъ не мирволили самозванцу. Въ дневникѣ Борша (*Рукоп. Библ. Гермер. Штаба*), бывшаго въ первомъ полчищѣ, съ которымъ претендентъ двинулся изъ Украины въ московскія владѣнія, говорится, что они боялись даже, чтобъ Острожскій не ударилъ на нихъ вооруженною силою, а на переправѣ черезъ Днѣпръ Острожскій велѣлъ угнать прочь всѣ суда и паромы. Отъ князя Януша сохранилось того времени письмо (*въ Дл. Литовск. Мстр.*), гдѣ онъ вовсе не одобряетъ намѣреній помогать Димитрію и не считаетъ его истиннымъ царевичемъ. Поэтому нельзя повѣрить, чтобы Острожскіе задержали гонца патріархова, признавая самозванца настоящимъ царевичемъ.

Существуетъ въ спискѣ напечатанный на 164 страницѣ II-го тома Румянцовскихъ грамотъ приговоръ о высылкѣ патріаршихъ, митрополичьихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ на службу, подписанный числомъ 12 іюня 1604 года. Тамъ Гришка Отрѣньевъ упомянутъ по имени, но число и мѣсяцъ, означенные на приговорѣ, какъ и время его составленія, невѣрны, ибо тамъ говорится о вступленіи самозванца въ Московское государство тогда, когда онъ еще не вступалъ.

Этот приговоръ могъ состояться уже послѣ половины августа 1604 года.

Если исключить семительныя посольства Смирного и Пальчикова, то до 1605 года только въ посольствѣ Постника Огарева и въ приговорѣ о высылкѣ на службу (*) видны шаги къ тому, чтобъ назвать самозванца опредѣленнымъ именемъ Гришкин Отрепьева. Народу не говорили ничего о таинственномъ лицѣ, старались даже не говорить съ нимъ объ этомъ, и ему не позволяли о немъ говорить. Между тѣмъ народъ все болѣе и болѣе увлекался новизною.

Въ то время когда успѣхи самозванца въ Сѣверской землѣ дѣлали его очень опаснымъ для Бориса, когда народныя симпатіи склонялись повсюду на сторону Димитрія, необходимы были сочинить повсемѣстный обрядъ проклятій надъ этимъ врагомъ Бориса. Но для этого нужно было объявить народу положительно, кто таковъ именно человекъ, взявшій на себя роль Димитрія. И вотъ патріархъ въ январѣ 1605 года разсылаетъ грамоту (А. Э. II, 78), гдѣ не ограничивается однимъ глухимъ намекомъ на то, что называвшій себя Димитріемъ есть Гришка, но рассказываетъ подробно его происхожденія. «Этотъ человекъ звался въ мірѣ Юшка Богдановъ сынъ Отрепѣвъ, проживалъ у Романовыхъ во дворѣ, сдѣлалъ такое-то преступленіе, достойное смертной казни и, избѣгая наказанія, постригся въ чернцы, ходилъ по многимъ монастырямъ, былъ въ Чудовомъ монастырѣ дьякономъ, бывалъ у патріарха Іова во дворѣ для книжнаго письма, потомъ убѣжалъ изъ монастыря съ двумя товарищами, монахами Варлаамомъ Яцинымъ и Михаиломъ Поваднымъ».

До сихъ поръ патріархъ говоритъ то, что ему могло быть извѣстно лично. Далѣе идутъ свѣдѣнія, которыя онъ могъ имѣть только получивши отъ другихъ, а именно:

---

*) Приговоръ напечатанъ въ Собр. Госуд. Гр. II, 164, іюня 12, вѣроятно въ ошибочномъ спискѣ. Тамъ опредѣляется клясть Отрепьева, тогда какъ грамота о проклятій была выдана уже въ январѣ 1605 года.

в 1) Чернеца Пимена, постриженника Смоленскаго монастыря.

2) Чернеца Венедикта, Троицкаго монастыря.

3) Стефанъ, иконникъ, яросланца, и торгованнаго въ Кіевѣ иноками! Стефанъ и Венедиктъ, бывши въ Литвѣ, Пиментъ говоритъ, что они встрѣтились съ нимъ въ Новгородѣ-Объярскомъ; Григорій былъ съ Верлаамомъ и Мисанломъ Понадинимъ; а Пиментъ проводилъ ихъ на рубашъ въ Литовскую землю, а самъ воротился назадъ въ Московское государство.

Венедиктъ былъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ, тамъ видѣлъ Гришку въ Печерскомъ и Никольскомъ, и у князя Острожскаго; воеводы кіевскаго Гришка служилъ въ дѣконскомъ чинѣ. Потомъ Гришка уклонился въ литорамъ, ахалъ въ ересь и черновикіа, сталъ ѣсть мясо, совязался съ запорожцами и ушелъ изъ монастыря на Запорожье. Венедиктъ жаловался на него печерскому игумену, и тотъ послалъ къ запорожцамъ взять его; тогда Гришка ушелъ ко князю Адаму Вишневецкому. Стефанъ иконникъ видѣлъ Гришку въ Кіевѣ; онъ принудилъ къ нему въ лавку съ запорожцами, тогда онъ двинулся въ Печерскомъ и въ Никольскомъ монастыряхъ и у князя Острожскаго.

Венедиктъ и Стефанъ иконникъ свидѣтельствовали, что Гришка, убивавши къ Адаму Вишневецкому, тамъ, по умишленію князей Вишневецкихъ, и по королевскому повелѣнію, началъ называться княземъ Димитріемъ Урядникомъ.

Изъ этихъ извѣстій невозможно вывести несомнѣнно, чтобъ самозванецъ, вошедшій тогда въ Сѣверскую землю, былъ именито Гришка. Патріарху извѣстно было только то, что былъ въ Чудовомъ монастырѣ монахъ Гришка, Отранцевъ; онъ бѣжалъ въ Литву, обыкновенный пріютъ множества бѣглецовъ того времени. Самъ патріархъ болѣе ничего сказать не въ силахъ. За тѣмъ три его свидѣтели что говорятъ? Первый вовсе обвиняетъ Гришку въ самозванствѣ. Остатки другіе два. Но если дать имъ довѣріе какъ очевидцамъ, то они намъ сообщаютъ

единственно то, что Гришка жилъ въ Клевѣ въ Петерскомъ монастырѣ; а Венедиктъ прибавляетъ, что и вѣсть себя дурно. Это они говорятъ ками очевидцы. Что же до того, что Гришка ушелъ въ Вишневецкому и тамъ назвался Димитріемъ, то ни Венедиктъ, ни Стефанъ Иконникъ не называютъ себя очевидцами и свидѣтелями этого происшествія. Они не могутъ даже сказать, что именно Гришка, а не другой кто либо названъ себя Димитріемъ у князя Адама Вишневецкаго; какъ разнѣ не показываютъ откуда они знаютъ, что Гришка ушелъ именно въ Вишневецкому. Венедиктъ и Стефанъ не постыдывались за Гришкинъ, оставались въ Клевѣ; Гришка также не сказалъ ницъ, что поидеть въ Вишневецкому. По собственному признанію Венедикта, за нимъ изъ монастыря послали, а онъ спрятался и ушелъ. Если онъ прятался, то безъ сомнѣнія не открывалъ ему, куда они уходятъ. Слѣдовательно, при самой полной добросовѣстности этихъ показаній, источникъ сообщеннаго здѣсь можетъ быть только слухъ и собственное соображеніе. Венедиктъ и Стефанъ Иконникъ могли угадывать, что пронырливый называющій себя Димитріемъ Углицкимъ, и, вспомнивъ бывшаго бродягу Гришку, сообразили: ужъ не Гришка ли этотъ новоявленный Димитрій? Такъ могло быть только при полной добросовѣстности. Но сама грамота патриархова не признаетъ за ними этого качества, напротивъ, называетъ ихъ ворами: *которые товарищи его воры въ Литву за рубежъ его привели и которые про него подложно ездываютъ, и въ Литву съ ними жалеютъ.* Если они воры, то есть преступники, то, слѣдовательно, могли ждать за добродетель свое наказанія. А въ такомъ случаѣ нѣтъ было естественно думать то, что можетъ избавить ихъ отъ наказанія или облегчить его тяжесть. Такииъ дѣломъ и было сообщенъ правительству всен, которыя были для него необходимы; а въ то время нѣтъ болѣе или менѣе вѣрныи свидѣнія, подтверждающія, что самозванецъ Гришка Отрепѣевъ, было дѣломъ первой важности. Но по добросовѣстности трехъ бродягъ мыло можно толковать, когда тогдашніе извѣстны по этому дѣлу, исходящіи прямо отъ патриарха и

другихъ важныхъ лицъ разнорѣчать между собою и передаваемое ими не согласуется съ строгой истиной. Напримѣръ, патріархъ писалъ окружную грамоту о проклятіи Гришки, гдѣ выставилъ народу то, что ему было извѣстно объ этомъ лицѣ, и скоро послѣ того писалъ грамоту въ Вильно къ католическому духовенству и въ ней допустилъ противорѣчіе тому, что писалъ своему народу. Такъ, въ окружной всенародной грамотѣ, какъ выше сказано, было объявлено, что Гришка *прежде* своего постриженія *заворовался*, сдѣлать что-то достойное смертной казни и, избѣгая ее, постригся въ монахи. А въ грамотѣ къ католическому духовенству, напротивъ, онъ пишетъ, что Гришка, уже постригшись, надѣлалъ преступленій, и избѣгая смертной казни, ушелъ въ Литву. Это измѣненіе противъ прежняго извѣстія, конечно, сдѣлано съ тою цѣлю, чтобы болѣе уронить самозванца и оправдывать требованіе выдачи его. Въ Соборной грамотѣ ко князю Острожскому (Доп. I, 255) говорится, что Гришка, живучи въ Чудовѣ монастырѣ, былъ уличенъ въ чернокнижествѣ, призываньи нечистыхъ духовъ и отреченіи отъ Бога, и за то осужденъ не на смерть, а на тюремное заточеніе въ Каменномъ монастырѣ. Сверхъ того въ грамотѣ, отправленной въ Польшу, сказано, что самъ Іовъ патріархъ посвящалъ его въ діаконы; а въ окружной грамотѣ этого не говорится, напротивъ—смыслъ выходитъ такой, что Гришка прежде поступленія во дворъ къ патріарху былъ дьякономъ и былъ взятъ во дворъ уже носивши дьяконскій чинъ: *и былъ по многимъ монастыремъ и въ Чудовѣ во дьяконствѣ, да у меня Іова патріарха во дворъ для книжнаго писанья побылъ во дьяконствѣ дсе*. На это могутъ возразить: патріархъ могъ ставить Гришку прежде, чѣмъ взялъ во дворъ. Посвященный въ діаконы Гришка ходилъ по разнымъ монастырямъ а потомъ уже взятъ во дворъ къ патріарху. Но во первыхъ, если бъ патріархъ его ставилъ, то конечно въ Чудовомъ монастырѣ, и тогда въ грамотѣ было бы поставлено имя Чудова монастыря прежде, а не послѣ безымянныхъ многихъ монастырей, здѣсь же изображается,

что Гришка былъ въ званіи дьяконскомъ во многихъ монастыряхъ, а потомъ пришелъ въ Чудовъ. Если же предположить, что Гришка былъ во многихъ монастыряхъ не дьякономъ, а пришедши въ Чудовъ получилъ дьяконство, то этому противорѣчитъ складъ рѣчи: тогда патріархъ или употребилъ бы два раза слово *былъ* (*и въ Чудовѣ былъ въ дьяконствѣ*), или, по крайней мѣрѣ, сказалъ бы: *а въ Чудовѣ*, тогда какъ одинъ глаголѣ для *многихъ* монастырей и для Чудова, равнымъ образомъ союзъ *и* показываютъ, что пребываніе Гришки принимается одинаковымъ, какъ въ многихъ монастыряхъ, такъ и въ Чудовомъ. Во вторыхъ, для чего было патріарху не сказать народу о томъ, что онъ самъ поставилъ Гришку, когда онъ сообщаетъ объ этомъ польскимъ духовнымъ? И почему не оповѣститъ народу вначалѣ о тѣхъ преступленіяхъ, о которыхъ писано было впослѣдствіи Острожскому? Не скорѣе ли видно тутъ, что писавшимъ грамоты въ Польшу и къ Острожскому приходили въ голову новыя удачныя выдумки, которыя случайно не приходили тогда, когда писалось окружное посланіе.

Извѣстно, что кто вымышляетъ, тому рѣдко удастся повторить свой вымыселъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ изложилъ его первый разъ.

Когда послѣ низложенія самозванца, въ царствованіе Шуйскаго, патріарха Іова привезли въ Москву изъ Старицы для разрѣшенія народа отъ наложенной имъ на него клятвы, то патріархъ объявилъ, будто Гришка разстригся прежде чѣмъ бѣжалъ въ Литовское государство (А. Э. 11, 153): *Научи его (дьяволъ) презже отступити отъ Творца нашего Бога и попрасти иноческій святолюбный образъ и дьявольскій чинъ, потомъ же вложи въ него злохитрый лѣвъ и бѣсовскій явелекъ естество и злобу лукавства своего вложи въ сердце его: и по наученію дьявольскому, той пресекероченный врагъ Божій разстрига Гришка Остретова, избавивъ отъ Російскаго государства въ Литовскую землю, и проч.* Потомъ въ другомъ мѣстѣ той же грамоты: *про разстригу извѣщали надлинно, какъ онъ*

поверти *иноческій* и *дьяволенскій* *чистъ* и *накъ* *избависа* *изъ* *Рав-*
скаго *государства* *въ* *Литовскую* *землю*. Здѣсь патріархъ
какъ-будто противорѣчить прежней своей грамотѣ, на кото-
рую тутъ же ссылается. Положить, что выраженіе *попротвъ*
иноческій образъ можно принимать за риторическій способъ,
что видѣсь смыслъ: Гришка сталъ жить недостойно *иноческа-*
го сана; но слово *поверъ* прямо выражаетъ тотъ смыслъ,
что Гришка снялъ съ себя *иноческій санъ*, прежде бывша
въ польскія владѣнія, ибо выраженіе повертнуть, свергнуть
санъ употреблялось у насъ не въ общемъ смыслѣ поступковъ,
достойныхъ лишенія сана, а именно въ смыслѣ действительна-
го снятія съ себя сана. Между тѣмъ, по извѣстіямъ, сообщен-
нымъ прежде отъ имени того же патріарха Іова, не видно было,
чтобъ Гришка снялъ съ себя *монашескій санъ* до побѣды въ
Клевѣ; напротивъ въ Клевѣ еще ходитъ въ *монашескомъ платьѣ*
и служилъ въ *дьяконскомъ санѣ*. Собственно это разнорѣчіе
само по себѣ не важно, но оно въ числѣ другихъ указываетъ,
что въ официальныхъ актахъ отнесшихся къ этому времени,
не держались строгой одинаковости изложенія событій, а во-
бращали ихъ такъ, какъ въ данную минуту казалось прилич-
нѣе и выгоднѣе изобразить.

Гораздо важнѣе слѣдующее разнорѣчіе. Написанная отъ
имени патріарха въ 1606 году грамота, гдѣ излагались въ
первый разъ народу свидѣтельства о томъ, что явившійся подъ
именемъ Дмитрія есть Гришка Отрепьевъ, была разослана по
епархіямъ; архіереи должны были сообщать народу тѣ вѣсти;
какіе сообщалъ имъ Іовъ, и безъ всякаго сомнѣнія русскіе архіе-
реи не имѣли тогда иного источника, кромя грамоты патріаршей,
ибо переписывали ее слово въ слово. Но при этомъ они говорили не
совсѣмъ то, что говорилъ патріархъ. Напримѣръ, въ грамотѣ Нон-
дора, митрополита Новгородскаго (А. О. III. 81), говорится о
Стефанѣ Изюмнинѣ, что онъ видѣлъ Гришку у Адама Витовцевича
наго и слышалъ, какъ онъ назывался *дворничемъ* Дмитріемъ;
а въ опричьей грамотѣ патріарха не говорится, чтобы Стефанъ
его видѣлъ у Адама Витовцевича, а во знакомствѣ его съ

Пришло ограничивалось тѣмъ, что модифицировать заграничные чернила приходило къ его лапѣ. Откуда же это разнообразіе? Конечно, въ грамотѣ Новгородскаго митрополита Гринина, свидѣніе для того, чтобы помянуть Стефана Ивановича имѣло какую-нибудь цѣльность, ибо въ патріаршей грамотѣ оно должно возбуждать сомнѣніе въ его самостоятельности. Сверхъ того въ суровой грамотѣ патріарха, въ посланіи Венедикта, говорится, что Гринин прислалъ къ Дмитрію, «и у Исидора это обстоятельство упускается» за то говорится, будто Венедиктъ видѣлъ Гринина въ Никольскомъ монастырѣ разстриженнымъ, чего нѣтъ въ патріаршей грамотѣ.

Итакъ, Грининъ слагался и обмывался въ то время, когда для спасенія Борисова правленія необходимо было, чтобы кто-то называлъ себя Дмитріемъ, представлялъ быть народу не безыменнымъ верою, но съ какою-нибудь положительною иконою. Ибо это было оставить неопредѣленнымъ было ономъ. Если онъ не Дмитрій, то все-таки—кто же онъ? выраженный бы царь? А коль скоро онъ—выраженъ, то, что потому же онъ не Дмитрій? И почему правительство можетъ знать, что онъ не Дмитрій, когда сознается, что не знаетъ, кто онъ? Для тайны на народъ, рѣшившей предать проклятію вора. Но кто проклянетъ? Никто было не было. Что оно было крайне нелепо, показаны послѣдствія. Когда послѣ смерти Бориса написана престолональная записка, гдѣ не упомянуто ни имени Гринина, ни другого опредѣленного имени, а выраженысь о самозванцѣ какъ о неопредѣленномъ вора, то перешедше къ самозванцу, считая эту неопредѣленность въ преемникѣ, шло для себя достаточно извѣдѣемъ. Видно только, что когда нужно было доислаться, кто бы могъ быть называющійся Дмитріемъ, то патріархъ вспоминалъ, что въ Чудовомъ монастырѣ бѣжалъ монахъ Грининъ. Офрѣшевъ, бывавшій у него во дворѣ для личнаго письма и бывавшій въ Москвѣ этимъ собственноручно ограничивался положительными свидѣніями о Грининѣ въ Москвѣ. Что касается до его преступленій, то относительно этого митрополитъ зачитался въ древнихъ грамотахъ, а въ одной изъ

нихъ обвиняеть Гришку въ преступленіи, сдѣланномъ до постриженія въ монахи, не говоря о его преступленіяхъ въ монашествѣ, а въ другой, не говоря, чтобъ причиною поступленія въ монашество было желаніе избѣжать кары за преступленія, говорить, что Гришка, уже постригшись въ монахи, сдѣлалъ что-то достойное смертной казни. Затѣмъ подтвержденіемъ догадкамъ, явившимся въ Москвѣ, послужили неясныя показанія трехъ бродягъ, которымъ было естественно сочинить что-нибудь о Гришкѣ и доставить правительству услугу сообщеніемъ нужныхъ ему объясненій. Но если они говорили и правду, то ничего не сказали важнаго, ибо не объяснили, почему они считаютъ, что назвавшій себя Димитріемъ былъ Гришка, а не иной кто-нибудь.

Какъ сторонникъ Бориса, патріархъ могъ и долженъ былъ изъ видовъ политики прибѣгать ко всевозможнѣйшимъ выдумкамъ, чтобъ спасти престолъ своего покровителя. Патріархъ уже прежде доказывалъ, что готовъ былъ жертвовать истинною политическимъ видамъ Бориса. Проволя на царство Бориса, патріархъ употреблялъ всевозможныя уловки, очень недобросовѣстныя. Теперь для того, чтобы удержать Бориса на царствѣ въ критическое время, патріарху Іову было извинительно назвать неизвѣстное лицо извѣстнымъ именемъ бѣжавшаго бродяги; тѣмъ-болѣе что онъ самъ, если не былъ увѣренъ, что самозванецъ есть Гришка Отрепьевъ, то, по своимъ соображеніямъ и догадкамъ, считалъ это возможнымъ.

Замѣчательно, что въ то время проглядываютъ черты, которыя давали право думать, что правительство не увѣрено было въ томъ, что утверждало всеародно, — будто самозванецъ былъ Гришка. Напримѣръ, въ посольской грамотѣ, посланной къ королю Сигизмунду съ Постникомъ Огаревымъ, было сказано, что еслибъ это лицо и былъ настоящій Димитрій, то и тогда бы онъ не имѣлъ права на престолъ Московскаго государства, какъ незаконнорожденный сынъ. Поляки объясняли это желаніемъ обезпечить за собою право, еслибъ оказалось, что претендентъ былъ не только не Гришка, но даже настоящій

Димитрій. Имѣлъ ли право на престолъ Димитрій, или не имѣлъ, для Бориса должно было быть все равно, если только онъ былъ увѣренъ, что Димитрія нѣтъ на свѣтѣ. По крайней мѣрѣ, Поляки, вносѣдствіи, придирались къ этой оговоркѣ и доказывали русскимъ, что Борисъ самъ не знаетъ навѣрное, что назвавшій себя царевичемъ былъ дѣйствительно бѣглый монахъ Гришка Отрепѣевъ. Подобное невѣдѣніе, кто именно былъ самозванецъ, проглядываетъ въ упомянутой нами выше крестоцѣловальной записи на вѣрность Θεодору Борисовичу, гдѣ сказано: *и того вора, что называется Димитріемъ Улицкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣти нехотѣти* (Собр. Гос. гр. II, 192). Объ этомъ ворѣ нѣсколько разъ упоминается въ этой грамотѣ, и все безымянно. Не доказываетъ ли это того, что, признавая называвшаго себя Димитріемъ воровъ-обманщикомъ, неуѣрены были, точно ли это Гришка Отрепѣевъ? По крайней мѣрѣ современники, не хотѣвшіе присягать по этой крестоцѣловальной записи, такъ понимали смыслъ этого неопредѣлительнаго выраженія. Самое то обстоятельство, что войско, до сихъ поръ воевавшее за Годуновыхъ противу претендента, не хотѣло болѣе воевать за нихъ съ той минуты, когда того, съ кѣмъ они боролись, правительство не назвало именемъ Гришки, показываетъ, какъ слабы казались русскому уму доказательства, что тогдашній Димитрій и Гришка Отрепѣевъ одно и тоже лицо.

Пушенная Борисовымъ правительствомъ мысль, что бродяга, называвшій себя Димитріемъ, есть Гришка Отрепѣевъ, служила однако предлогомъ для враговъ Димитрія во время его царствованія. Чуть только кто былъ недоволенъ царемъ, то имѣлъ способъ выразить свое неудовольствіе, назвавши его Гришкою-разстригою. Это было естественно послѣ того, какъ уже по всей Московщинѣ его проклинали подъ именемъ Гришки Отрепѣева. Авраамій Палицынъ характеризуетъ такъ царствованіе Лжедмитрія: «отъ злыхъ же враговъ, козаковъ и холопей вси умніи токмо плачуще, слова же рещи не смѣюще: аще бо на кого нанесутъ, яко рострига нарицаеть кто, и той человекъ безвѣстно

погибаетъ (стр. 27). Такие слухи (если только здѣсь не преувеличеніе, какъ вообще все, что рассказывали о дурныхъ старикахъ, Дмитрія) не развѣснѣли ничего въ вопросѣ о Гришии, ибо обвиненіе было уже изготовлено и распространено самыми удобными способами, посредствомъ патриаршей грамоты. На принятіе всенародной громадой въ Московскомъ государствѣ оно осталось въ народной памяти, и точно такъ (представлялось) боярскимъ, браннымъ, эпитетомъ для того, кто разсудится на царя. Вѣднѣе было бы свидѣтельство того же Авраамія, буди самозванца, обвиняли Острепьевымъ мать Острепева, Варвара, его дядя и его братья. Но объ этомъ только и говорить одному Авраамію. Палицынъ, тогда какъ всѣ самне враждебные самозванцу лѣтоисписи, и официальныя извѣстія не упоминаютъ объ этомъ ничего, тогда какъ это было бы самымъ важнѣйшимъ укоромъ ему, въ самозванствѣ. Навязывая предположить, что оба тѣ, которые, сколько возможно болѣе могли оцѣнить самозванца, упустили такое важное обстоятельство. Несобразность этого дѣйствія усиливается еще болѣе отъ того, что Авраамій говорить, будто это обвиненіе произошло до суда надъ Шуйскимъ. Судъ произошелъ чрезъ нѣсколько дней послѣ Дмитріева рожденія. Следовательно, обвиненіе Острепева, его сѣмьею происходило бы тогда, по вступленіи самозванца въ Москву: это, было до того поразительно, что не могло оставаться никакъ незамѣченнымъ, кромѣ одного человека, и то писавшаго исторію много лѣтъ спустя послѣ того, какъ происходило то, что онъ описываетъ. Слѣдуетъ того, если бы такъ было, возможно, да и то, что Шуйскій, по вступленіи своемъ на престолъ, упустилъ это обстоятельство, тогда оно болѣе отъ того, что нѣтъ другой могло обвинять бывшаго царя въ самозванствѣ? Не смѣялъ ли здѣсь Авраамій Палицынъ того обвиненія, которое происходило по убійствѣ самозванца, и по которому говорилъ Голландецъ, бывшій тогда въ Москвѣ? Кромѣ обвиненій въ самозванствѣ, приписываемыхъ матери дядѣ и брату Гришии, рассказываютъ еще и о другихъ, а именно:

Дворянинъ Петръ Тургеневъ обвинялъ царя Дмитрія, что онъ не истинный сынъ Ивана Грознаго, но говорить имъ при этомъ, что онъ Гришка Отрепьевъ, незначительно. Ему струбачили голову. Объ этомъ событіи говорить Авраамій Палладинъ; упоминаетъ о томъ же и Никоновская летопись. Двойное свидетельство, заслуживаетъ въѣзжанія. Авраамій говоритъ, что это проклятіе случилось прежде дѣла Шуйскаго, Спасеніе Шуйскаго приписывали ходоулаисту, подана реформата Бучинскаго, но самъ Бучинскій говоритъ (*Собр. гос. гр.* II. 261), что онъ, напротивъ, совѣтовалъ не милловать Шуйскихъ, а Дмитрія, сказать, что онъ далъ обѣтъ отнюдь не проливать крови, и по своему обѣту милуетъ Шуйскаго. Самоуверенный долженъ былъ бы избрать другой мотивъ для своего милосердія, еслибы дни въ два или за три проходила ту же добродѣль. Отъ этого вѣроятно, что казнь Тургенева, произошла еще до приѣзда самозванца въ Москву, но когда уже народъ московскій присогласился ему, и хоти быть мучить, онъ самъ находимъ въ Тулѣ или Серпуковѣ, созвонилъ на то, но такъ какъ это было еще до его приѣзда, то просѣ того онъ могъ показывать видъ, что это случилось еще до него, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ, далъ обѣтъ, что казней не будетъ.

Вмѣстѣ съ Тургеневымъ, по извѣстію Авраамія, былъ казненъ Федоръ калачникъ, который называлъ Дмитрія посланцемъ отъ сатаны; но называлъ ли онъ его при этомъ Гришкою разстригою, незначительно (*Авраам.* 14). Впрочемъ, еслибы называлъ, то подробное обвиненіе, какъ и обвиненіе Тургенева, могло быть послѣдствіемъ, заявленнымъ отъ Бориса и Патриарха Іова обвиненій, безъ новыхъ доказательствъ. Важнѣе всего было бы для насъ дѣло Василия Ивановича Шуйскаго, еслибы мы знали, о немъ подробно. Всѣ почти историческіе источники, относящіеся къ эпохѣ перваго Лжедмитрія, согласны въ томъ, что Шуйскихъ судили, приговорили Василия къ смерти, вывели на мѣсто казни, но царь, а именно ему самаритянъ, казнь отсрочилъ, наравнѣ съ его братьями

ями, а чрезъ нѣсколько времени принялъ его и всю родню его снова въ милость. Въ повѣствованіи, вошедшемъ въ Никоньевскій сборникъ, говорится, что Шуйскіе, видя на православную вѣру гоненіе, начали помышлять, чтобъ православная вѣра до конца не разорилась; а Димитрій для суда надъ Шуйскими созвалъ соборъ не только изъ бояръ, но изъ простыхъ; и никто на этомъ соборѣ не пособствовалъ сторонѣ Шуйскихъ. Въ вариантѣ того же повѣствованія, изданномъ Оболенскимъ, подъ именемъ «Новаго Лѣтописца», прибавляется, что всѣ на соборѣ были увѣрены, что царь—Гришка Отрепьевъ, да сказать не смѣли. Въ повѣствованіи, помѣщенномъ въ разныхъ хронографахъ (изд. въ *Временникъ Моск. Обш. Ист. и Древн.* № 16), приводится сущность приговора, читаннаго Басмановымъ надъ Шуйскими. Изъ него видно, что Василій Шуйскій осужденъ за то, что называлъ царя Григоріемъ Отрепьевымъ. Въ хроникѣ Буссова разсказывается, безъ точнаго указанія времени, что былъ составленъ противъ царя заговоръ и открылось, что Шуйскій глава его. Его вывели на площадь казнить, а потомъ объявили, что царь, по своему милосердію, и этого преступника прощаетъ (Bussov. 40). Маржеретъ говоритъ глухо, что его судили за оскорбленіе величества. Паэрле говоритъ, что Шуйскій разглашалъ въ народѣ, что царь не сынъ царя Ивана, а разстрига (*стр.* 35), Время суда и казни Шуйскаго хронографы наши опредѣляютъ чрезъ нѣсколько дней послѣ прибытія самозванца въ Москву. День смерти по однимъ вариантамъ назначается 25-го (*Времен. Моск. Обш. Ист. и Древн.* № 16 и 30), по другимъ 30-го іюня. Левицкій, іезуитъ, бывшій тогда въ Москвѣ, сообщаетъ, что Шуйскій оговаривалъ царя въ оскорбленіи церкви, и указываетъ день казни 10-го іюля (то есть 30-го іюня стараго стиля) (*Ciampi Notizie* 182). Вообще видно, что это событіе произошло тотчасъ послѣ прибытія Димитрія въ Москву. По извѣстію «Сказанія еже содѣяся» (напечатаннаго въ *Чтеніяхъ Моск. Обш. Ист. и древн.* № 9, 1847 г.), Шуйскій разглашалъ въ народѣ чрезъ своихъ агентовъ, торговаго человека Федора Конева съ товарищи, что уцѣлвшійся на престолѣ не настоящій Димитрій, а

воръ, растрига Гришка, присланный отъ короля польскаго разорить христіанскую вѣру (стр. 17). Это послѣднее Сказаніе, согласно хронографамъ, Лавицкому и Паэрле, полагаетъ событіе совершившимся въ первыхъ дняхъ по воцареніи самозванца. Мы не знаемъ доводовъ, какіе тогда представлялись съ обѣихъ сторонъ; не знаемъ: доказывалъ ли на соборѣ Шуйскій, что царь самозванецъ, и не доказалъ этого, или же онъ оправдывался и заперся въ томъ, что говорилъ, будто царь Гришка Отрепьевъ, и былъ уличенъ; но еслибъ онъ стоялъ твердо на томъ, что царь—Гришка, то не могъ бы ужь никакъ возвратиться въ милость царя. Впослѣдствіи, мы знаемъ, что онъ притворился и признавалъ царя сыномъ Ивана Грознаго.

Надобно обратить вниманіе, что судъ надъ Шуйскими былъ совершенъ боярами и выборными изъ всѣхъ сословій, слѣдовательно Леонидомъ сильно рисковалъ тогда, предавая собственное дѣло на обсужденіе націи. Значитъ, онъ былъ твердо увѣренъ, что невозможно доказать, что онъ Гришка Отрепьевъ. По свидѣтельству нашихъ и иностранныхъ историковъ, тогда никто не оправдалъ Шуйскаго, никто не изъявилъ подозрѣнія, что царь не Димитрій, а Гришка. Еслибъ были явныя улики,—явились бы свидѣтельства, и царь не усидѣлъ бы на престолѣ. Этотъ судъ собора, созваннаго изъ всѣхъ сословій, фактически былъ для Димитрія законнымъ признаніемъ всей страны. Дѣло его было обсуждено и порѣшено въ его пользу. Онъ былъ въ рукахъ враговъ своихъ какъ нельзя болѣе; они имѣли всякую возможность обличить его, еслибъ могли; а когда не обличили, то значить не было у нихъ надлежащихъ доказательствъ. Кого и чего могли бояться члены собора? Польскаго отряда, поддерживавшаго царя? Всего въ городѣ было нѣсколько польскихъ ротъ, провожавшихъ его; не могли же они защищать его отъ цѣлой націи. Положимъ: прежде, изъ ненависти къ Борису и его фамиліи, могли инне насильно закрывать себѣ глаза и принуждать самихъ себя признавать вѣдомаго бродягу царскимъ сыномъ; теперь Годуновыхъ уже не было. Что же могло привлекать къ Гришкѣ?

Сообразивъ эти обстоятельства, нельзя не признать, что

въ то время не было доказательствъ, что царь былъ Гришка Отрепьевъ, разстрига, бѣглецъ Чудовскаго монастыря.

Есть свидѣтельство Авраамія, что Чудовскій игуменъ Пафнутій зналъ прежде Гришку и узналъ его въ царѣ; но не объявилъ этого въ его время. Свидѣтельство очень важное, но оно произнеслось уже тогда, когда самозванца не было на свѣтѣ, когда въ угодность врагамъ его было выгодно чернить всѣми возможными способами этого человека. Если Пафнутій не имѣлъ на столько гражданскаго мужества, чтобы обличить разстригу, когда послѣдній былъ въ силѣ и власти, то, конечно, могъ имѣть на столько малодушія, чтобы говорить про него наобумъ тогда, когда прахъ его развѣянъ по вѣтру, а память предали проклятiю.

Вотъ все, что во время царствованія Димитрія проглядывало какъ бы обличеніе, что онъ Гришка Отрепьевъ. Въ минуты его убійства, заговорщики, взявши его съ фундамента Борисова дома, внесли во дворецъ и стали допрашивать: «говори, кто ты таковъ? кто твой отецъ?» Не показываетъ ли этотъ вопросъ, что заговорщики не знали совершенно, что онъ Гришка Отрепьевъ; иначе, зачѣмъ спрашивать его? Тогда они бы прямо обличали бы его, что онъ Гришка. Валуевъ, передъ тѣмъ какъ застрѣлилъ его, сказалъ: «вотъ я поблагословлю этого польскаго свистуна». Это выраженіе какъ будто показываетъ, что Валуевъ считалъ его полякомъ, а не Гришкою Отрепьевымъ. Такія черты свидѣлствуютъ, что враги, считая его самозванцемъ, не имѣли несомнѣнной увѣренности, что онъ Гришка Отрепьевъ.

По смерти его, Шуйскій разослалъ по всему Московскому царству грамоту о низложеніи прежняго царя и о собственномъ восшествіи на престолъ. Если гдѣ, то въ этой грамотѣ должны были быть собраны всѣ очевидныя доказательства, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ Гришка Отрепьевъ. И, однако мы, къ удивленію нашему, не встрѣчаемъ тамъ этого; все усиліе направлено лишь на то, чтобы уличить бывшаго царя въ измѣнѣ православной вѣрѣ и русскимъ обычаямъ; наброшено на него множество обвиненій, очевидно не-

лѣныхъ, какъ напримѣръ, попытка объяснить затѣваемый за городомъ турниръ — умысломъ побить всѣхъ бояръ и передать управление въ московскомъ государствѣ польскимъ панамъ; но объ его самозванствѣ сказано коротко какъ уже о фактѣ извѣстномъ и доказанномъ... *богоотступникъ, еретикъ, розстрица, воръ Гришка Бѣдановъ сынъ Отрепьевъ своимъ воровствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Удѣшскимъ, омраченъ бѣсовскими прельщеніемъ многихъ людей* (А. Э. II, стр. 100). А чѣмъ же это было доказано? Самый способъ его низложенія и смерти какъ нельзя яснѣе показываетъ, что нельзя было уличить его не только въ томъ, что онъ Гришка, но даже и вообще въ самозванствѣ. Зачѣмъ было убивать его? Почему не поступили съ нимъ именно какъ онъ просилъ: почему не вынесли его на площадь, не призвали ту, которую называлъ онъ матерью? Почему не изложили передъ народомъ своихъ противъ него обвиненій? Почему наконецъ, не призвали матери, братьевъ и дядю Отрепьева, не дали имъ съ царемъ очной ставки и не уличили его? Почему не призвали архимандрита Пафнутія, не собрали чудовскихъ чернецовъ и вообще всѣхъ знавшихъ Гришку, и не уличили его? Вотъ сколько средствъ, чрезвычайно сильныхъ, было въ рукахъ его убійцъ, и они не воспользовались ни однимъ изъ нихъ! Нѣтъ, они отвлекли народъ, науськади его на поляковъ, сами убили царя скопомъ, а потомъ объявляли, что онъ Гришка Отрепьевъ, и все темное, непонятное въ этомъ вопросѣ объясняли чернокнижествомъ и дьявольскимъ прельщеніемъ. Но Шуйскій ошибся въ расчетѣ, какъ часто ошибаются плуты, искусные настолько, чтобы, какъ говорится, подвести механику, но близорукіе для того, чтобы видѣть послѣдствія.

Народъ любилъ Дмитрія и не хотѣлъ знать въ немъ Гришки; народъ со всѣхъ сторонъ протягивалъ руки къ тѣни Дмитрія даже и тогда, когда она еще не обозначалась явственно. Шаховской провозгласилъ, что Дмитрій спасся, и Московское государство потряслось до основанія. Не поморло Шуйскому даже торжественное открытіе и перенесеніе изъ Углича въ Москву

мошей Дмитрія царевича. Среди стѣсненныхъ обстоятельствъ, когда Болотниковъ стоялъ подъ Москвою, держалъ ее въ осаду, а въ Москвѣ ждали только обѣщаннаго царя Дмитрія, чтобъ выдать ему Шуйскаго, явилась челобитная Варлаама, того самаго, о которомъ въ окружной грамотѣ патріарха Іова было сказано, что съ нимъ убѣжалъ изъ Москвы Гришка Отрепьевъ. Мы не станемъ ее приводить здѣсь цѣлкою; всякій можетъ прочитать ее въ *актахъ Археографической Экспедиціи, томъ II, стр. 141* и въ *хроногр.*, помѣщенномъ во *Временникъ*. Когда прочитаешь ее, то съ перваго раза она какъ будто носитъ печать истины; но всмотрѣвшись пристальнѣе, увидишь много несообразностей, обличающихъ умышленную составленность:

1) Въ ней говорится, что Гришка спознался съ нимъ и убѣжалъ изъ Москвы въ 1602 году, въ великій постъ. Тогда какъ поляки сообщали, что монахъ, который объявился подъ именемъ Дмитрія, уже въ 7109-мъ году (то есть съ сентября 1600 по сентябрь 1601-го года) былъ въ Кіевѣ. Сообразно тому и Маржеретъ говоритъ, что уже въ 1600 году пронесся слухъ о явившемся Дмитріѣ. Многія письма Польскихъ пановъ между собою (о чемъ скажемъ ниже) показываютъ, что лицо, назвавшее себя Дмитріемъ, должно было явиться въ Польшу раньше того, какъ приводить Варлаамъ своего Гришку въ Польшу.

2) Варлаамъ рассказываетъ, что, проживши въ Печерскомъ монастырѣ три недѣли, Гришка задумалъ итти ко князю Острожскому. Тогда Варлаамъ извѣщалъ на него архимандриту, чтобъ тотъ удержалъ его; ибо если онъ пойдетъ, то скинетъ съ себя иноческое платье. Но архимандритъ сказалъ ему: «здѣсь земля вольная,—въ какой вѣрѣ кто хочетъ, въ той и пребываетъ.» Послѣ этого самъ Варлаамъ отправился съ Гришкою въ Острогъ. Странно, что Гришка отправился вмѣстѣ съ человѣкомъ, который на него уже доносилъ и наблюдалъ надъ нимъ. Трудно предположить такую неосторожность въ плутѣ, затѣвующемъ важное плутовство.

3) Варлаамъ рассказываетъ далѣе, что Острожскій отослалъ его, Варлаама, и товарища Мисаила Повадина въ Дермянскій монастырь, а Гришка ушелъ въ Гощею (Гощу), гдѣ сталъ учиться полатинѣ. Варлаамъ извѣщалъ на него Острожскому и просилъ взять его изъ Гощи и принудить оставаться въ монашескомъ діаконскомъ чинѣ, но Острожскій отвѣчалъ точно такъ, какъ и Печерскій архимандритъ: «здѣсь земля вольная, — кто какъ хочетъ, въ той вѣрѣ и пребываетъ.» Потомъ весной 1603 года, послѣ паски — Гришка пропалъ безвѣсти изъ Гощи. Какъ Гришка жилъ въ Гощѣ и какъ бѣжалъ, — Варлаамъ знаетъ объ этомъ только по слухамъ, а уже не какъ очевидецъ. Потомъ, по словамъ Варлаама, Гришка очутился въ Брагинѣ, во дворѣ князя Адама Вишневецкаго, и назвался тамъ царевичемъ Дмитріемъ. Изъ Брагина князь Адамъ возилъ его по роднымъ, и мовезъ въ Вишневецъ; тамъ Гришка пробылъ лѣто и зиму, а весной 1604 года, послѣ паски, Адамъ Вишневецкій мовезъ его къ королю. Изъ словъ самого Варлаама видно, что онъ не видалъ Гришки съ лѣта 1602-го года; самъ онъ пребывалъ въ Дермянскомъ монастырѣ, а Гришка въ Гощѣ и у Вишневецкаго; все это онъ могъ писать только по слухамъ и по соображеніямъ. И дѣйствительно, что ни шагъ, то ошибка, показывающая, что челобитную писалъ человекъ не бывшій близко къ дѣлу. Мнишекъ, знавшій хорошо все дѣло, на допросѣ, учиненномъ ему въ Москвѣ по убіеніи Дмитрія, сказалъ, что Адамъ Вишневецкій, у котораго открылся претендентъ, передалъ его князю Константину Вишневецкому, своему родному брату, и претендентъ жилъ не у Адама, а у Константина, не въ Вишневецѣ, а въ Жалозицахъ, потомъ приѣхалъ съ нимъ въ Самборъ, а потомъ уже Мнишекъ съ Константиномъ Вишневецкимъ повезли его къ королю въ Краковъ.

4) Варлаамова челобитная рассказываетъ пребываніе Гришки у короля и приводитъ длинную рѣчь, которую будто бы говорилъ Гришка королю. Изъ Кракова претендентъ уѣхалъ въ Самборъ къ Мнишку. Какимъ образомъ могъ слышать эту рѣчь Варлаамъ? Уже это одно приведеніе рѣчи въ такомъ

подробномъ видѣ побуждаетъ подозрѣвать справедливость всей челобитной. Дѣло въ томъ, что еслибъ тотъ, кто писалъ челобитную, зналъ близко дѣло, то не сдѣлалъ бы такой капитальной ошибки, указавши свиданіе самозванца съ королемъ послѣ пасхи 1604 года, когда оно происходило непременно ранѣе, еще въ 1603 году. Такъ агентъ Борисовъ на границѣ съ Польскою Украиной Кіевскій мѣщанинъ Валковскій-Овсяннѣй, проживавшій съ октября 1603 года въ Черниговѣ, въ донесеніи своемъ Борису Θεодоровичу говорить, что *царь, который прозвался Димитріемъ, былъ уже у короля, и король тотчасъ его отъ себя отослалъ и далъ ему въ Польскаго палатышника на прожитокъ. Уже въ концѣ 1603 года Димитрій, усидѣвши побывать у короля, дѣйтельно сносился съ Запорожцами, а король Сигизмундъ поступалъ очень двулично: поласкавъ неинного Димитрія; въ подлинность котораго ни онъ, ни паны не вѣрили, онъ, однако, отъ 12 декабря 1603 года издалъ строгій универсалъ въ украинскимъ старостамъ, чтобъ они не пускали Украинцевъ въ козацкіи пайки, которыя собирались для того, чтобъ вести самозванца въ Московщину, и не продавали бы имъ боевыхъ запасовъ. Кіевскій подписокъ Гаврило Круповичъ въ февралѣ 1604 года писалъ такое извѣстіе къ Борисову агенту: «возаки съ Запорожцы послали до того нещоты-господарчина, абы имъ нагороду дать, а они его на Москву вести подымались; который имъ то обѣщаль, жа, повѣда, «гды мене до Путивля перевесете; заразъ нагороду каждому дамы»; и съ тымъ ихъ отправилъ». Что король видѣлся съ самозванцемъ ранѣе того времени, явкъ указиваетъ Варлаамъ; и что самозванецъ былъ уже довольно значителенъ въ то время, когда по сказанію Варлаама онъ только что открылся царевичемъ; показывають современныя письма короля и пановъ. Напримѣръ; изъ письма отъ короля къ Замойскому отъ 28 марта. (Hist. Japn. Karoſ. Choſſk. 215) ясно видно, что уже заранѣе прежде этого времени король видѣлъ Димитрія. Еще ранѣе, въ началѣ 1604 года, Чарниковскій писалъ къ королю*

о томъ, что въ Украинѣ козаки и всякаго рода украинское гультайство стремились помогать ему и вороваться въ Московское государство, никакъ не одобрялъ королевскаго намѣренія оказывать ему помощь, доказывалъ необходимость передать дѣло обсужденію сейма. а самого называющаго себя Димитріемъ арестовать для того, чтобъ онъ могъ послужить пугаломъ Борису, залогомъ заключенія съ Московскимъ государствомъ мира на выгоднѣйшихъ условіяхъ (*Письмо изъ книги Литовской метрики, № 53*). Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что въ концѣ 1603 года и началѣ 1604-го самозванецъ находился въ такомъ состояніи, что уже воротился отъ короля и къ нему собирались козаки и разные охотники, вести его на московскій престолъ. Это могло случиться только тогда, когда вѣсть объ немъ могла распространиться повсюду, а для этого нужно было достаточно времени. Но сообразно челобитной Варлаама, самозванецъ въ то время сидѣлъ въ Вишневецѣ и еще не представлялся королю, и слѣдовательно не могъ быть слишкомъ извѣстенъ. Противорѣча въ показаніи времени свидѣтельствамъ, указывающимъ на пребываніе самозванца въ Польшѣ, Варлаамъ противорѣчитъ и тому, что записано въ Разрядныхъ книгахъ о Гришкѣ, будто онъ убѣжалъ въ 1603-мъ году. Странно, какъ въ Москвѣ могли ошибиться о времени бѣгства монаха изъ Москвы, если только считали это бѣгство достойнымъ замѣчанія!

Далѣе Варлаамъ говоритъ, что онъ извѣщалъ королю о томъ, что называющій себя Димитріемъ есть Гришка Отрепьевъ. Король, не повѣривъ ему, отправилъ его къ Гришкѣ въ Самборъ. Тамъ товарища его Якова Пыхачева казнили, а его бросили въ тюрьму. Сендомирскій воевода съ Гришкою отправились въ походъ, а онъ остался въ тюрьмѣ, потомъ уже жена Мнишкова и дочь Марина освободили его. Здѣсь странно то, что Варлаамъ, разставшись съ Гришкою еще въ 1602 году и оставшись въ Дерманскомъ монастырѣ, не говоритъ, какимъ образомъ онъ услѣдилъ, что называвшій себя Димитріемъ былъ Гришка, и какъ очутился въ Краковѣ у короля. Странно и то, почему одного казнили, другого только въ тюрьму заключили,

когда слѣдовало бы казнить Варлаама, ибо Варлаамъ, а не Яковъ, извѣщалъ королю, слѣдовательно Варлаамъ былъ опаснѣе Якова.

Замѣчательно противорѣчіе между челобитною Варлаама и грамотою патріарха Іова. Въ грамотѣ патріаршей Варлаамъ названъ монахомъ Чудовскимъ, а въ челобитной онъ себя самъ называетъ постриженникомъ Пафнутьевскаго Боровскаго монастыря. Варлаамъ говоритъ, что Гришка прожилъ въ Кіевѣ всего три недѣли, ушелъ прочь изъ Кіева въ Острожскій, и когда онъ уходилъ въ Острожскому, то это, считалось удаленіемъ изъ монастыря. А въ грамотѣ Іова, въ показаніи Венедикта, — что Гришка, живя въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ, служилъ въ то же время и у Острожскаго въ Кіевѣ, какъ у Кіевского воеводы и чрезъ это не разрывалъ своей связи съ Печерскимъ монастыремъ. Варлаамъ говоритъ, что когда онъ сдѣлалъ извѣтъ, что Гришка хочетъ уйти въ Острожскому, архимандритъ сказалъ, что здѣсь земля вольная, кто какъ хочетъ, въ такой вѣрѣ тотъ и пребываетъ. А въ показаніи Венедикта говорится, что тотъ же самый архимандритъ посылалъ достать Гришку; тогда онъ ушелъ не въ Острожскому, какъ показываетъ Варлаамъ, а въ Запорожцамъ. Венедиктъ показываетъ, что Гришка убѣжалъ ко князю Адаму Вишневецкому отъ Запорожцевъ. Варлаамъ показываетъ, что онъ туда убѣжалъ изъ Гощи. По грамотѣ патріарха Іова, какой-то червецъ Пименъ водилъ Гришку съ товарищами черезъ границу; Варлаамъ не знаетъ Пимена, а знаетъ въ этомъ случаѣ иное лицо, какого-то Ивашку-вожа.

Всѣ историки и лѣтописцы, признающіе Дмитрія Гришкой, повторяютъ, съ разными видоотличіями, слухи, которые образовались первоначально вслѣдствіе внушеній отъ власти, что обманщикъ былъ Гришка. Уже послѣ смутнаго времени появился рядъ повѣствованій и рассказовъ о приключеніяхъ Гришки Отрешьева. Они одинъ другому противорѣчатъ. Очевидно, Гришка сдѣлался мнѳомъ, о немъ ходили сказки и легенды въ различныхъ отиѣнахъ. Достаточно взглянуть на глав-

нѣйшіе изъ этихъ разсказовъ, чтобъ видѣть, какъ они не-
сходны и между собою и съ челобитною Варлаама, и съ па-
триаршею грамотою.

Вотъ для примѣра разсказъ изъ Никоновской лѣтописи и
изъ Лѣтописи о мятѣжахъ.

Тамъ говорится, что Гришка, до монашества Юрій, былъ
родомъ изъ Галича. Отецъ его назывался Богданъ. Онъ от-
далъ его учиться грамотѣ. Гришка постригся въ монашество
въ Спасо-Ефимьевскомъ монастырѣ.

Въ сказаніи, занесенномъ въ хронографы, говорится напро-
тивъ, что отца его звали Яковомъ; Юшка остался послѣ отца
младъ зле, и отдалъ матерью учиться грамотѣ, и началъ
жить въ Москвѣ; тамъ игуменъ Трифонъ, Вятской области,
города Хлынова, уговорилъ его постричься въ монашество
(Ил. сказан. о самозв. 10).

Бояре въ сношеніяхъ съ польскими панами разсказывали
(Дѣла польск. № 36), что отца Григорьева Богдана зарѣ-
залъ Литвинъ въ Нѣмецкой слободѣ; а онъ, Юшка, сынъ его,
пошелъ въ холопы и жилъ у Романовыхъ и у князя Черкас-
скаго, а потомъ заворовался и постригся въ монахи въ Суз-
дальскомъ Спаскомъ монастырѣ. Далѣе разсказывается, что
онъ перешелъ въ Галичскій монастырь Іоанна Предтечи, хо-
дилъ по другимъ монастырямъ, наконецъ билъ челомъ, чтобъ
архимандритъ Чудовскій Пафнутій принялъ его въ Чудовъ
монастырь, гдѣ жилъ въ монашескомъ званіи дѣдъ Отрепьева
Замятня. Пробывъ годъ во дьяконахъ, онъ поступилъ во дворъ
къ патриарху для книжнаго письма; но скоро впалъ въ ере-
тичество, и за нѣкія богомерзкія дѣла его хотѣли сослать на
смерть въ заточеніе, а онъ ушелъ съ Варлаамомъ и Мисан-
ломъ, проживалъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ и Никольскомъ
монастырѣ, и тамъ, по совѣту Сендомирскаго воеводы и Виш-
невцевскихъ и другихъ пановъ, принялъ на себя имя Димитрія.

Этому официальному извѣстію служила основаніемъ грамота
патриарха Іова и его посланіе къ католическому духовенству;
но противорѣчія въ этихъ грамотахъ тутъ сглажены и сла-

женн; ватѣмъ прибавляется нѣсколько свѣдѣній о постриженіи Гришки.

Въ Никоновской лѣтописи ведутъ Гришку изъ Суздальскаго монастыря не въ Галичъ, а на Куксу, потомъ въ Чудовъ монастырь; будучи въ послѣднемъ монастырѣ, онъ сталъ вхожъ къ патріарху, между тѣмъ разспрашивалъ объ убіеніи царевича Дмитрія и говорилъ какъ будто на сибѣхъ: а царемъ буду въ Москвѣ; старцы сибѣлись надъ нимъ и плевали на него; но митрополитъ Іона Ростовскій не поставилъ этого въ шутку, а донесъ патріарху. Патріархъ не придалъ этому значенія; Іона сказалъ царю. Борисъ приказалъ дьяку Смирному-Васильеву послать Гришку въ Соловки подъ крѣпкое начало. Смирной передалъ порученіе дьяку Семейкѣ, а дьякъ Семейка былъ Гришкѣ свой человѣкъ и сталъ укрѣпать его, и молилъ Смирного, чтобъ не исполнять вскорѣ царскаго указа; а тѣмъ временемъ Гришка убѣжалъ.

Такимъ образомъ Никоновская лѣтопись противорѣчитъ важнѣйшей частіи официальнаго заявленія бояръ. Въ послѣднемъ, какъ и въ грамотѣ патріарха Іова, умисель принять на себя имя Дмитрія приписывается кознямъ поляковъ; а въ Никоновской, напротивъ, говорится, что Гришка возымѣлъ его еще тогда, когда проживалъ въ Чудовомъ монастырѣ. По официальному заявленію бояръ, Гришка убѣжалъ изъ Москвы прямо въ Литву; по Никоновской лѣтописи, онъ бѣжалъ изъ Москвы въ Галичъ на Желѣзной Ворокѣ; потомъ въ Муромъ въ Борисоглѣбскій монастырь, а въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ строитель далъ ему лошадь, и Гришка поѣхалъ на ней въ Брянскъ въ Свинскій монастырь; тутъ онъ сошелся съ Мисаиломъ Поводинимъ и товарищемъ его (Варлаамомъ?) и съ ними отправился въ Новгородъ-Сѣверскій, а изъ Новгородсѣверскаго монастыря, подъ предлогомъ будто ѣхать въ Путивль, повернулъ въ Кіевъ. На память игумену Новгородсѣверскому онъ оставилъ записку, гдѣ сообщалъ ему, что онъ царевичъ Дмитрій. Здѣсь Никоновская лѣтопись противорѣчитъ и официальному сказанію бояръ, и челобитной Варлаама, по кото-

рымъ Гришка сошелся съ Варлаамомъ и Мисаиломъ въ Москвѣ, и вовсе не былъ въ Брянскѣ, но прямо ѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскій и оттуда прямо въ Кіевъ.

Въ «Иномъ сказаніи» (изъ хронографа) рассказывается еще иначе: проживши въ Чудовѣ, Гришка перешелъ къ Николѣ на Угрюпу и тамъ впалъ въ еретичество; оттуда ушелъ въ Кострому, изъ Костромы снова пришелъ въ Москву, и оттуда уже убѣжалъ въ Литву, подговоривши съ собой Варлаама и Мисаила.

Въ другихъ хронографныхъ сказаніяхъ рассказывается, что Гришка постригся не въ Суздальскомъ монастырѣ, какъ говорятъ нѣкоторые, а въ монастырѣ Борки, Галичской земли; и оттуда перешелъ въ Чудовъ монастырь, вовсе не бывавши въ Суздальскомъ монастырѣ; въ Чудовѣ монастырѣ лешель въ него сатана и общалъ ему царствующій градъ покорити; онъ бѣжалъ въ Кіевъ (*Четыре сказ. о Лжедм. 1863*).

Въ «Сказаніи еже содѣяся» рассказывается еще иначе, и съ большими подробностями, чѣмъ гдѣ нибудь. По этому сказанію, Гришка, еще до постриженія, обвиненъ былъ въ преступленіи по тому поводу, что былъ вхожъ въ домъ Черкасскихъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Повадимымъ, родомъ изъ Серпейска. Это заставило его, избѣгая опалы, постричься въ Стодольскомъ монастырѣ; потомъ онъ прибылъ въ Чудовъ монастырь, посвященъ во діаконы, вошелъ къ патріарху, а потомъ подобралъ себѣ товарищей Мисаила и Варлаама, дали они взаимную клятву пребывать неразлучно, и ушли въ Свинскій монастырь. Двое товарищей его любили пить, а Гришка ничего не пилъ, и тѣ на него сердились за это. Потомъ все трое ходили по Оверской землѣ и собирали милостыню на монастырь. Такимъ образомъ они пришли на Литовскій рубежъ и вошли въ домъ къ одной женщинѣ, и тутъ узнали, что по повелѣнію царя поставлена застава стеречь кого-то, кто убѣжалъ изъ Москвы. Гришка помертвѣлъ отъ страха, спросилъ у женщины дорогу на Черниговъ, и отправился съ товарищами въ Черниговъ. На дорогѣ онъ сообразилъ имѣть, что

застава поставлена на него, припомнилъ товарищамъ данную въ Москвѣ клятву, и убѣдилъ ихъ идти съ нимъ въ Кіевъ. Далѣе разсказывается подробно, какъ они пробывали въ домахъ пановъ Воловичей и пана Прокулищеаго, какъ, наконецъ, добрались до Кіева. Сказаніе не говоритъ, долго ли пробывали они въ этомъ городѣ; но изъ Кіева оно ведетъ ихъ въ Острогъ, называемый Остроженоль, ко князю Константину Острожскому; тутъ описывается, какъ встрѣтилъ пришельцевъ этотъ князь, малый ростомъ, съ такою большою бородою, что когда онъ сидѣлъ, то постилалъ платокъ, на которомъ укладывалась его громадная борода. Острожскій, принявъ ихъ у себя, черезъ два мѣсяца отпустилъ въ Печерскій монастырь. Такимъ образомъ, противно челобитной Варлаама, гдѣ они изъ Печерскаго переходятъ въ Острогъ, здѣсь наоборотъ—они изъ Острога ѣдутъ въ Печерскій монастырь. Соскучившись въ Печерскомъ монастырѣ, Гришка убѣжалъ къ Запорожцамъ, вступилъ въ роту Герасима Евангелика, и съ козаками безчинствовалъ около Кіева ради прибытка. Дошла вѣсть до Острожскаго. Князь приказалъ поймать Гришку. Между тѣмъ, погуливши у Запорожцевъ, Гришка опять пришелъ въ монастырь; тутъ его хотѣли задержать; на счастье его, архимандрита не было въ монастырѣ. Гришка смекнулъ, что ему плохо будетъ, и ушелъ въ Самборъ, который неправильно называется имѣніемъ князей Свирскихъ и пановъ Ратомскихъ. Здѣсь у Свирскихъ въ католическомъ монастырѣ Стодольскомъ открывается Гришка въ первый разъ монаху греку Арсенію, что онъ Димитрій царевичъ. Вѣсть о появленіи челоуѣка, называющаго себя Димитріемъ, дошла до Бориса. Царь послалъ къ Острожскому съ просьбой выдать вора. Сказаніе совсѣмъ иначе представляетъ въ этотъ случай поступокъ Острожскаго, чѣмъ представляли его бояре польскіимъ посланъ. Кіевскій воевода отправилъ двоихъ монаховъ, его товарищей, Варлаама и Мисаила для обличенія; но они поклонились Гришкѣ и признали его царевичемъ. Паны Свирскіе извѣстили о явившемся царевичѣ королю. Сигизмундъ отправилъ въ Самборъ провѣдать о Димитріѣ двухъ московскихъ людей, братьевъ Хри-

нуновыхъ, давно уже отбѣхавшихъ въ Литву. Тѣ, увидѣвши Гришку, тотчасъ признали его царевичемъ и увѣрили, будто знали Дмитрія въ младенствѣ. Тогда король пригласилъ его въ Краковъ, и посовѣтовавшись съ панами, обѣщалъ ему помогать, если онъ приметъ католическую вѣру. Гришка отказался. Король призналъ его царскимъ сыномъ, пригласилъ къ себѣ и угощалъ. Разсказъ о свиданіи съ королемъ противорѣчитъ разсказу Чилли, бывшаго свидѣтелемъ этого свиданія. Папа услышалъ о явленіи русскаго царевича въ Польшѣ, сталъ побуждать короля обратить его въ католическую вѣру. Гришка, пробывъ долгое время въ Краковѣ, познакомился съ католическою вѣрою, и наконецъ согласился. Тогда король созвалъ сеймъ (небывалый) въ Лашевѣ и тамъ предать дѣло Дмитрія разсмотрѣнію. Измѣнники московскіе люди въ польскихъ владѣніяхъ увѣрили всѣхъ, что это истинный царевичъ. Съ этого сейма взялъ Гришку къ себѣ въ Сендомирь (а не въ Самборъ) Мнишекъ, и у него въ Сендомирь Гришка влюбился въ дочь его Марину.

Это сказаніе отъ начала до конца оказывается невѣроятнымъ, и еще Карамзинъ называлъ его *баснословнымъ*. Дѣйствительно, подробности о мелочныхъ событіяхъ, которыя могъ знать только очевидецъ, приведеніе разговоровъ, которые могъ только участвовавшій въ нихъ или слышавшій ихъ, и самые грубые анахронизмы, показываютъ, что все это составлялось человекомъ, жившимъ въ далеки отъ описываемаго театра событій. Если по способу изложенія и по множеству неѣжественныхъ анахронизмовъ «Сказаніе еже содѣяся» перешагнѣло другія наши лѣтописи въ повѣствованіи о Гришкѣ, тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія вѣрить другимъ разсказамъ больше, чѣмъ этому. Что ни лѣтопись, то новый разсказъ! Согласить ихъ и сшивать на-обумъ — было бы дѣломъ произвола, слишкомъ противнаго исторической критикѣ. Соглашать разнорѣчія, дополнять одно сказаніе другимъ, можно только тогда, когда есть доказательства, что авторы были поставлены въ такія условія, когда одинъ могъ видѣть то, чего не могъ

видѣть другой, или одинъ долженъ былъ смотрѣть съ иной точки зрѣнія, чѣмъ другой. Въ разсказахъ о самозванцѣ нельзя одеретись на такой точкѣ зрѣнія: всѣ они смотрятъ на самозванца одинаково враждебно; всѣ писаны были въ Россіи, очевидно, лѣтъ смутнаго времени. Во всемъ этомъ историческаго можно усмотрѣть только вотъ что: когда появился въ польскихъ владѣніяхъ лицо, называвшееся Димитріемъ, въ Москвѣ пустились въ догадки — кто бы это былъ, и такъ какъ лицо это явилось прежде въ монашескомъ видѣ, то и стали отыскивать и предполагать — не Гришка ли Отрепьевъ онъ, дѣйствительно бѣжавшій изъ Чудова монастыря; и такъ какъ монастырь этотъ находился на виду у патриарха, то происходившее тамъ прежде могло быть ему извѣстнѣе, чѣмъ происходившее въ другихъ монастыряхъ. Когда же оказалось нужнымъ во что бы то ни стало дать въ глазахъ народа какое-нибудь имя страшному неизвѣстному челоѣку, называвшему себя грымъ именемъ, тогда употребили имя Гришки Отраѣева, тогда подъ этимъ именемъ патриархъ произнесъ проклетіе на самозванца. Какъ слабо на народное чувство подѣйствовала эта мысль, доказываютъ слова лѣтописца, который сознается, что никто не вѣрилъ ей (*Ил. сказ. о самозв.* 21); проклетіе не дѣйствовало на народъ: всякій шагъ патриарха приписывали Борисову умыслу; народъ пошелъ за Димитріемъ. Въ его царствованіе не было никакой возможности обличить, что онъ Гришка, и когда пришлось низложить и убить его, враги все таки не могли найти никакихъ доказательствъ; оставалось, однако, невольное сомнѣніе, зароненное патриархомъ, и послѣ смерти царствовавшего подъ именемъ Димитрія, Шуйскій употреблялъ всѣ усилія, чтобъ очернить его память и утвердить въ народѣ мысль о томъ, что онъ Гришка Отрепьевъ. Долго эти мѣры дѣйствовали слабо. Большинство народа пошло за вторымъ Лжидимитріемъ. Бездѣлства подьяковъ, его союзниковъ, отрезвили Москвитину; народъ, не терпя Шуйскаго, собрался около него не ради защиты его, презираемаго Россією, а за вѣру и независимость земли своей. Называвшій себя Димитріемъ

былъ не первый и не послѣдній. Не онъ одинъ явно обличенъ въ самозванствѣ; явилась вуча ножныхъ царевичей: Федоръ, Клементинъ, Петръ, Савелий, Семены, Василій, Ерошевъ, Гавриилъ, Мартинъ. Всѣ они исчезли безслѣдно. Убить второй Димитрій, явился третій, и также убить. Помянуто, что при такомъ множествѣ ложныхъ царевичей, явно оказавшихся самозванцами, представленіе о спасенномъ чудесно лицѣ царственной крови потеряло въ народѣ окончательное и вѣру и сочувствіе. Тогда не осталось ни у кого сомнѣнія, что и первый Димитрій былъ не настоящій; а такъ-какъ враги давно уже постоянно объявляли его Гришкою, то и утвердилось мнѣніе, что онъ Гришка Отрѣпьевъ. Воображеніе создавало разныя подробности о немъ. Когда минула эпоха, смуть и Московское государство успокоилось, взялись писать о событіяхъ прошлаго времени, и по письменнымъ намятникамъ и по памяти и по слухамъ; въ писанія вошли разные рассказы о явленіи перваго самозванца, ходившіе изъ устъ въ уста, а въ нихъ имя Гришки, брошенное изначала патриархомъ и Борисомъ, приняло право исторической достоверности, перешло во всѣ исторіи, и до сихъ поръ соединяется съ личностію перваго самозванца. Стоитъ только сличить всѣ эти сказанія, чтобъ видѣть въ нихъ господство вымысла и отказать имъ во всякомъ правѣ на авторитетъ.

Между тѣмъ существуютъ прямые свидѣтельства современниковъ, опровергающія что самозванецъ былъ Гришка. Укажемъ на Маржерета. Онъ говоритъ, что вскорѣ по воцареніи Бориса убѣжалъ изъ Москвы секретарь патриархій Гришка Отрѣпьевъ въ Польшу. «Я знаю навѣрное, — говоритъ Маржеретъ, — что тогда убѣжало въ монашескомъ видѣ двое, одинъ Гришка Отрѣпьевъ, другой безымянный. Борисъ разослалъ гонцовъ ловить ихъ и стеречь всѣ дороги. На границѣ учредили заставы, и три или четыре мѣсяца трудно было ѣздить изъ города въ городъ. Когда называвшій себя Димитріемъ прибылъ въ Московское государство, то привелъ съ собою Гришку Отрѣпьева. Ему было отъ роду за 35 лѣтъ, тогда-какъ само-

званцу было не болѣе 23 или 24-хъ. Вскорѣ самозванецъ сослалъ Гришку Отрепьева въ Ярославль за пьянство и безпутное поведеніе. Одинъ изъ жившихъ въ Ярославлѣ въ домѣ Англійской компаніи рассказывалъ Маржерету, что когда самозванца убили, то Гришка Отрепьевъ сталъ увѣрять всѣхъ, что убитый вовсе не Гришка, и указывалъ въ доказательство на свою личность. Василій Шуйскій признавалъ его отыскать и неизвѣстно что съ нимъ сдѣлалъ. Маржеретъ—писатель умный, безпристрастный и добросовѣстный. Если у него и есть невѣрности, то развѣ отъ незнанія, а не отъ умышленной лжи. Онъ хотя и остается въ томъ убѣжденіи, что самозванецъ былъ настоящій Димитрій, но убѣжденъ не наобумъ, а приводитъ доказательства, которыя настолько сильны, что должны были убѣдить его въ то время, при естественномъ отдаленіи иностранца отъ условій нашей русской жизни. Пристрастія къ самозванцу въ немъ нѣтъ; онъ не скрываетъ его дурныхъ сторонъ. Всеъ тожъ его сочиненія побуждаютъ довѣрять ему тамъ, гдѣ онъ выступаетъ какъ очевидецъ или какъ близко знающій то, о чемъ рассказывается. Впрочемъ, если нужно свидѣтеля, который бы непременно не признавалъ самозванца Димитріемъ, и за этимъ дѣло не ставеть. Въ хроникѣ Буссова, далеко не такъ умнаго и безпристрастнаго, какимъ былъ Маржеретъ, но тѣмъ не менѣе очевидца событій, притомъ вовсе не расположеннаго считать самозванца настоящимъ царевичемъ, личность его также различается отъ личности Гришки Отрепьева. Буссовъ говоритъ, что Гришка Отрепьевъ бѣжалъ изъ монастыря съ тѣмъ, чтобы отыскать кого-нибудь, кто бы рѣшился назваться Димитріемъ. Въ Поднѣпровскихъ краяхъ онъ нашелъ такого молодца, а самъ отправился къ козакамъ и подстрекалъ ихъ подняться за явившагося Димитрія (*стр.* 19). Такъ и Кобѣржидкій (*стр.* 57), считая самозванца отнюдь не Димитріемъ, а обманщикомъ и приницемъ изъ Московіи, не называетъ его Гришкою Отрепьевымъ. Другой польскій историкъ, Лубенскій (*стр.* 28), считая его также обманщикомъ, изымляетъ

сомнѣніе къ тому, чтобъ онъ былъ Гришка Отрепѣвъ, какъ москвитяне считаютъ его.

Барамзинъ, Соловьевъ и вообще наши историки, соблазняясь свидѣтельствомъ современниковъ (не имѣвшихъ никакой причины лгать) о различіи Гришки отъ самозванца, думали объяснить это различіе извѣстіемъ, вошедшимъ въ Морозовскую лѣтопись и рукописную «Повѣсть о Борисѣ и Розстригѣ», что Гришка, самъ назвавшись Димитріемъ, нарекъ своимъ именемъ другого. Но Морозовская лѣтопись говоритъ, что эту роль Гришки на себя взялъ чернецъ Пимень: — умышленная и неудачная ложь, ибо мы знаемъ изъ патріаршей грамоты, что чернецъ Пимень былъ въ концѣ 1604 года въ Россіи (если вѣрить ей въ этомъ); проводивши Гришку Отрепѣва до границы Литовской, онъ воротился назадъ. «Повѣсть о Борисѣ и Растригѣ» говоритъ, что это былъ Леонидъ, инокъ Крыпецкаго монастыря, который сопутствовалъ самозванцу вмѣстѣ съ Мисаиломъ Повадинымъ и Варлаамомъ. Но странно, что объ этомъ Леонидѣ упоминается въ одномъ только сочиненіи, и то единственно для того, чтобъ указать, что онъ замѣнилъ собой настоящаго Гришку. Почему же ни въ патріаршей грамотѣ, ни въ челобитной Варлаама, ни въ одномъ изъ рассказовъ, вошедшихъ въ хронографы и лѣтописи, нѣтъ имени этого Леонида? Не показываетъ ли это, что имени Леонида не осталось даже по преданіямъ въ числѣ спутниковъ самозванца, и выдуманно кѣмъ-то уже впослѣдствіи? Да и какъ можно вѣрить вообще, что кто-то, въ угодность самозванцу, принялъ на себя имя Гришки Отрепѣва, не бывши имъ въ самомъ дѣлѣ, когда объ этомъ говорятъ только два позднѣйшіе источника, да и тѣ разногласятъ между собою?

Есть, однако, разнорѣчіе между Маржеретомъ и Буссовымъ. По Маржерету, самозванецъ, не будучи Гришкою Отрепѣвымъ, по видимому бѣжалъ все-таки въ Польшу изъ Москвы; а по Буссову, онъ и произошелъ въ Польшѣ. Но это разнорѣчіе показываетъ только то, что Буссовъ, какъ это видно во многихъ мѣстахъ его хроники, ошибался въ тѣхъ случаяхъ, когда

шла рѣчь о событіяхъ, происходившихъ далеко отъ его сферы и о которыхъ онъ писалъ по слухамъ. Маржереть говоритъ сообразивъ съ истиною и съ большею осторожностью. Онъ выдаетъ за вѣрное, что Гришка Отрепьевъ другое лицо, а не тотъ, который царствовалъ подъ именемъ Дмитрія, и указываетъ только, что кромѣ Гришки бѣжалъ еще изъ Москвы кто-то безымянный. Важно то, что Маржереть прибавляетъ, что въ его время такъ думали вообще русскіе, то есть отличали царствовавшего подъ именемъ Дмитрія отъ Гришки Разстриги.

Дѣйствительно, самозванецъ бѣжалъ изъ Московской земли; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Всѣ польскіе источники согласно свидѣлствуютъ о томъ, что онъ явился изъ Московщины. Мнишекъ въ своемъ допросѣ объявилъ, что онъ явился въ Кіевѣ въ монашескомъ платьѣ, потомъ перешелъ къ Випневцкимъ и тамъ объявилъ себя царевичемъ. Мнѣніе о томъ, что онъ былъ полякъ, настроенный іезуитами, разбивается въ прахъ отъ слѣдующихъ очевидныхъ доказательствъ:

1) Онъ не твердо зналъ латинскій языкъ (вопреки Вассенбергу, ошибочно говорящему, будто онъ его зналъ хорошо); а это было бы невозможно, еслибъ онъ былъ воспитанникъ іезуитовъ.

2) Онъ говорилъ по русски какъ природный великороссіянинъ.

3) Еслибъ онъ былъ воспитанникъ іезуитовъ и даже просто полякъ того времени, то оказывалъ бы гораздо больше рвенія къ католичеству, чѣмъ сколько было въ немъ его видно; ибо хотя онъ и писалъ къ папамъ двусмысленныя увѣренія въ преданности и готовности слѣдовать ихъ наставленіямъ и быть полезнымъ апостольскому престолу (— выраженія, которыя католическое духовенство, по обычаю изъ малаго заключать великое, растолковало совершеннымъ принятіемъ римскокатолической религіи и готовностію вводить ее въ Московскомъ государствѣ); но царствуя на престолѣ подъ именемъ Дмитрія, въ теченіи года только и сдѣлалъ для католичества, что до-

пускалъ свободное обращеніе католиковъ наравнѣ съ прочими иновѣрцами, да толковать о союзѣ съ западнымъ христіанствомъ противъ турокъ; важнаго же ничего къ осуществленію заветныхъ наміреній папы не дѣлать вовсе, даже свою жену обязывать поститься по уставамъ православной церкви и причащаться отъ патріарха; а подѣ коонецъ уже разочаровалъ и папу Павла V и всю католическую пропаганду въ ихъ блестящихъ надеждахъ.

Наковецъ 4), еслибъ онъ былъ полякъ, то московскіе бояре, постоянно говорившіе, что его научили поляки, не преминули бы указывать на это; но видно, что съ перваго взгляда чересчуръ видно было его великорусское происхожденіе, когда его поспѣшили признать скорѣе своимъ бѣглымъ бродягою, чѣмъ иноземцемъ. Оттого, вѣроятно, и назвали его Гришкою, что онъ явился бѣглецомъ изъ Москвы въ монашескомъ платьѣ, въ какомъ ходилъ дѣйствительный Гришка.

Дѣйствительно ли тотъ безымянный, о которомъ говорить Маржеретъ, былъ нашъ самозванецъ? Отвѣтъ на это скажется самъ собою, но прежде нужно изслѣдовать другой вопросъ: Какимъ образомъ спасшійся отъ насильственной смерти выдавалъ себя самозванецъ?

Есть много иностранныхъ рассказовъ о томъ, какъ спасся Димитрій царевичъ отъ подосланныхъ убійцъ. Всѣ они если не есть, то кажутся сокращеніемъ подробной повѣсти объ этомъ, находящейся въ рукоп. Публ. Библ. № 33 и напечатанной Когновцкимъ во второмъ томѣ его Сапѣгъ (*Życie Sapiegi*) и приписываемой какому-то Товіанскому. Тамъ рассказывается, что спастъ его докторъ Симеонъ, подмѣнивша другимъ мальчикомъ, котораго убійцы, почитая за царевича, зарѣзали ночью соннаго, а настоящий передать на сохраненіе князю Мстиславскому. Впослѣдствіи, послѣ разныхъ приключеній, царевичъ поступилъ въ монастырь, желая укрыться отъ преслѣдованій Борпса. Эта повѣсть съ перваго взгляда показываетъ такое же легендарное происхожденіе, какъ и наши затѣйливые рассказы о похожденияхъ Гришки Отрепьева. Писана она

со слуховъ, ходившихъ изъ устъ въ уста въ Польшѣ и заходявшихъ въ Западную Европу. Въ сокращенныхъ видахъ это сказаніе повторяется Пясецкимъ (стр. 221), Гревенбрухомъ (стр. 14), Петрицкимъ (13), Бареццо-ди-Барецци (стр. IV). Но то, что у нихъ рассказывается, точно ли было рассказано Димитріемъ и въ такомъ ли видѣ рассказано? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Рассказы эти черезчуръ противорѣчатъ истинѣ, и самозванецъ былъ бы черезчуръ неловкій обманщикъ, еслибъ прибѣгнулъ къ такого рода вымысламъ. Такъ, напримѣръ, подлогъ на канунѣ убійства и ночное убійство мальчугана, подложеннаго вмѣсто царевича, не сходятся съ обстоятельствами, сопровождавшими убійство настоящаго царевича Димитрія въ Угличѣ. Убійство это произошло не ночью, а днемъ. Цѣлый городъ въ продолженіи трехъ дней смотрѣлъ на мертвое тѣло царевича и всѣ могли узнавать въ немъ того самаго, который былъ живъ наканунѣ убійства. Справедливо смѣялся надъ этою сказкою великій гетманъ и канцлеръ польскій Янъ Замоискій. «Замыслили убить наследника престола и ошибиться въ убитомъ, — (говорилъ онъ) — да это можно только барана или козла зарѣзать, и не посмотрѣть кого зарѣзали». Притомъ же въ извѣстіи Товіанскаго говорится и то, что докторъ Симеонъ, спасши царевича, сохранилъ его у князя Ивана Мстиславскаго въ украинныхъ земляхъ Московскаго государства, когда никакого Мстиславскаго тамъ не бывало. Князь Иванъ умеръ въ 1586 году, и никогда не былъ сосланъ въ украинные города. Неужели нареکشій себя Димитріемъ могъ не знать этихъ обстоятельствъ и выдумать такіа небылицы, которыя легко могли опровергнуться съ перваго раза, когда были другіе способы гораздо хитрѣе и ловчѣе скрыть обманъ! Всякому читающему эти сказки можетъ придти въ голову: почему бы этому плуту, вмѣсто того чтобъ говорить, что его подмѣнили наканунѣ убійства, не сказать, что его подмѣнили гораздо раньше? *).

---

*) Также точно мы считаемъ чистымъ вымысломъ письмо, приписываемое

Дѣйствительно такой способъ объясненія и былъ въ ходу въ то время. Англичанинъ Смитъ, посѣтившій Россію во время гибели Борисова дома и воцаренія самозванца, объясняетъ тайное спасеніе царевича, безъ сомнѣнія такъ, какъ онъ слышалъ отъ русскихъ. Богданъ Вѣльскій былъ удаленъ отъ двора. Его друзья ему сообщали обо всемъ, что дѣлается при дворѣ *); и по этимъ извѣстіямъ Вѣльскій сообразилъ, что Борисъ замышляетъ истребить Димитрія. Онъ вошелъ въ сношеніе съ его матерью; мальчика подмѣнили, на его мѣсто подставили сына какого-то священника, который былъ однихъ лѣтъ съ Димитріемъ и похожъ на него. Этотъ поповъ сынъ воспитывался подъ именемъ царевича Димитрія, и однажды, когда онъ игралъ съ дѣтьми, ему перерѣзали горло, будто случайно, желая разрѣзать шейное ожерелье. Тѣло его лежало впродолженіи трехъ дней всенародно; всѣ думали, что это Димитрій, а между тѣмъ настоящій Димитрій проживалъ въ неизвѣстности **).

Ижедимитрій, въ Борису, находящ. рукописи въ Публ. библ. № 33 и приведенное въ отрывкахъ Соловьевымъ. Это письмо напечатано до такой степени анахронизмами, до такой степени не похоже на слогъ писемъ этого чловека, что намъ не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія въ его подложности. Очень вѣроятно, что Ижедимитрій, вступая въ Московское государство, писалъ къ Борису, изчислялъ всѣ злодѣянія, предлагалъ отречься отъ престола и за то обѣщалъ свое покровленіе; но та польская редакція которая находится въ означенной рукописи, не можетъ считаться подлинною. Во многихъ мѣстахъ совершенная безмыслица, и это вынуждало г. Соловьева приводить ее только въ отрывкахъ.

*) Andrea Shultan (Щекаловъ) and Andrea Clyakenine being his the instruments that wrought for him.

**) Sir Thomas Smithes Voyage and entertainment in Russia. London. 1606. стр. 45—46: «Bogdan (knowing the ambitious thirst of Borris to extirpate the race of Evan Vassilewich) took deliberation with the old Emperesse (mother of Demetre) for the preservation of the child. And seeing a farre off arrowes aimed at his life, which could very hardly be kept off, it was devised to exchange Demetre for the child of a churchman (in yeares and proportion somewhat resembling him) might live safe though obscure.

This counterfet churchmans sonne being then taken for the laful

Не смотря на нѣкоторые анахронизмы, неизбежныя у иностранца, не знающаго ни русскаго языка, ни русской жизни и сообщающаго извѣстія по слухамъ, рассказъ Смита заключаетъ и много вѣрнаго и показываетъ, что рассказчикъ писалъ то, что ему говорили московскіе люди. Это подтверждается еще болѣе, когда мы сопоставимъ извѣстіе англичанина съ другими источниками того времени. Изъ рассказа Смита видно, что Богдана Бѣльскаго считали избавителемъ царевича Димитрія въ младенчествѣ, а Буссовъ и Петрей повѣствуютъ, какъ этотъ самый Богданъ Бѣльскій увѣрялъ народъ, что вопарившійся подъ именемъ Димитрія есть дѣйствительно Димитрій.

Въ тотъ день, когда самозванецъ въѣхалъ въ Кремль, Богданъ Бѣльскій явился на площадь и съ лобнаго мѣста говорилъ народу: «Какъ бы васъ лихіе люди ни смущали, ничему не вѣрьте. Это истинный сынъ царя Ивана Васильевича. Святый Николай чудотворецъ помогаль ему до сихъ поръ во всѣхъ бѣдахъ его и къ намъ его привелъ. Верегите же его, любите его, почитайте его, служите ему и прямите безъ хитрости, ни на что не прельщаясь.» Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ цѣловалъ крестъ, на которомъ было изображеніе Николая чудотворца (Bussov chronic 36. Petrei 176).

prince, was attended on and associated according to his state: with whom one day, another child (that was appointed to bee his play-fellow) disporting themselves, finding faulte that the collar which the supposed Demetre wore about his necke (as the fashion of the countrey his) stood awry, preparing to mende it, with a sharpe knif (provided as seems of purpose) cut his throat.

The report of this arrived presently at court the usurper makes shew of much lamentation yet to salisfy the people and seat himself faster in his throne the dead body was openly showne three daies to the eyes of all men. Many arguments were drawne to make the world beleewe that Boris sonne sought the death of this his brother in lawes childe, and to weane the peoples loves and hopes they had from him, as first to have it spred abroad, that Demetre was like to prove like his father that to say a Tyrant becuse, even in his childhood, he tooke delighte to see hennes and chickens kilde; and to bath his hands in the blood, adde

Сообразно съ выдумкою о ранней подмѣнѣ Димитрія сыномъ священника, и «Василій Ивановичъ Шуйскій передъ извоженіемъ Борису сына Федора сиротенный народомъ, объяснилъ, что Димитрій избѣжалъ Годуновскаго преслѣдованія, а вмѣсто его убитъ и царски погребенъ священническій сынъ; а настоящій Димитрій идетъ въ Москву и находится въ Тулѣ. Объ этомъ сообщаетъ только Петрей (Chronis. Moscov. 174), но свидѣтельство его имѣетъ, по нашему мѣтнію, всѣ признаки достовѣрности. Многіе говорятъ, что съ прочими боярами Василій Шуйскій ѣздилъ кланяться самозванцу въ Тулу. Польскіе паны, въ спорахъ своихъ съ боярами, припоминали, что всѣ бояре, въ томъ числѣ избранный ими царемъ Василій Ивановичъ, кланялись ему въ Тулѣ. Этого не опровергали и не могли опровергнуть бояре. А коль-скоро Шуйскій ѣздилъ кланяться самозванцу, то нѣтъ ничего невозможнаго, если онъ и народу торжественно заявилъ, что этотъ самозванецъ настоящий царь. Не только умѣстно было народу спросить Шуйскаго, но даже необходимо, ибо Шуйскій производилъ слѣдствіе объ убійствѣ царевича и лучше чѣмъ кто другой могъ знать: убитъ ли настоящій царевичъ, или нѣтъ? Хитрому Шуйскому въ то время былъ прямой расчетъ объявить такимъ

unto this, the poisoning of his nurse, besides it was forbidden to have him praised for, as the rest of the Emperors children were because hee should be utterly forgotten. To conclude an old over-worne law buried long in forgetfulness was now againe freshly revived, and that was, that the child of a sixth wife was not to inherit (yet the murder beeing acted). Boris the usurper, to blind the eyes of the world, and to weare a cunning maske over his owne. Sent a nobleman with divers other, to take strict examination of each particular circumstance, and to imprison all those that had the gurdiance of him, yea to put some of them to tortures and to death, which was done accordingly. But heaven protected the lawfull, to be an instrument for the usurpers confusion. Obscurely lived this wronged prince, the changing of him being made private to none but his own mother, who now living, and to Rodan Belskey; but upon wheele his various fortunes have bin turned (which of necessity much needs be strange) came not within the reach of our knowledge being there.

образомъ народу, чтобъ погубить Годуновыхъ, въ увѣренности, что самозванецъ недолго продержится на престолѣ, а послѣ него Московскій престолъ останется не занятымъ и взойдетъ на него онъ, какъ старшій изъ князей Рюрикова дома. Не только въ Россіи, но даже въ Польшѣ признавали за нимъ это право. Въ рѣчи Яна Замойскаго, послѣдней въ его жизни, говоренной имъ на сеймѣ, канцлеръ, отвергая подлинность назвавшего себя Димитріемъ, замѣтилъ, что если нужно Годунова свергнуть какъ похитителя, то Московскій престолъ по праву наслѣдства долженъ достаться князю Шуйскому.

Сообразно этому мнѣнію и Маржеретъ, видѣвшій, какъ мы замѣтили, близко эти обстоятельства, говорить : весьма вѣроятно, что мать и знатнѣйшіе бояре, какъ Нагіе, Романовы, угадывая, чего желаетъ Борисъ, употребили всѣ способы для избавленія младенца отъ гибели. Спаси же царевича они иначе не могли, по моему мнѣнію, какъ подмѣнивъ его и воспитавъ тайно, доколѣ настанетъ лучшее время, пока разрушатся планы Бориса Ѳеодоровича. Сей пѣли они достигли какъ нельзя лучше : кромѣ вѣрныхъ соучастниковъ, никто не вѣдалъ о подлогѣ ; царевичъ воспитывался тайно ; по смерти же брата своего Ѳеодора, когда избрали царемъ Бориса, вѣроятно удалился въ Польшу вмѣстѣ съ разстригою, одѣвшись монахомъ, чтобъ перейти русскую границу.

На это мнѣніе человѣка, стоявшаго такъ близко къ событіямъ, слѣдуетъ само собою смотрѣть какъ на отголосокъ тѣхъ мнѣній, которыя вращались въ средѣ, гдѣ жилъ онъ. Не посвященный въ тайны боярскія, Маржеретъ слышалъ, что Димитрія спасли бояре, и по догадкамъ могъ называть Нагихъ и Романовыхъ, какъ людей, облагодѣтельствованныхъ Димитріемъ. Но имена эти только приведены для примѣра и какъ поясняющія понятіе о знатнѣйшихъ боярахъ, а не навѣрное, что именно эти бояре, а не другіе, и только эти, а не другіе съ ними, считались виновниками спасенія Димитрія. Для насъ важно то, что и Маржеретъ, подобно Смиуту, говорить, что царевича подмѣнили задолго до углицкаго убійства.

Въ двухъ грамотахъ самозванца, писанныхъ еще до прибытія въ Москву, глухо и неясно говорится о его спасеніи. Первая такъ выражается (*Акты. Эксп. II, 89*): «извѣнники наши послали насъ великого государя на Угличъ, и толикое утѣшеніе нашему царскому величеству дѣлали, что и подданнымъ дѣлти было негодно: прислали многихъ воровъ и велѣли насъ портити и убити; и милосердый Богъ насъ великого государя отъ ихъ злодѣйскихъ умысловъ укрылъ, оттолъ даже до лѣтъ возраста нашего въ судьбахъ своихъ сохранилъ.» Въ другой, отъ іюня 12, говорится: «Божіимъ произволеніемъ и его крѣпкою десницею сокровеннаго насъ отъ нашего измѣнника, отъ Бориса Годунова, хотящаго насъ злой смерти предати, и Богъ милосердый, не хотя ему злокозненнаго помысла исполнити, и меня, государя вашего прироженнаго, Богъ невидимою силою укрылъ и много лѣтъ въ судьбахъ своихъ сохранилъ» (*ibid. 97*).

Эти неясныя фразы, если не подтверждаютъ извѣстія о томъ, что спасеніе царевича приписывали друзьямъ его задолго до убійства, то и не противурѣчаютъ ему.

Въ Ростовской лѣтониси разсказывается, что когда самозванецъ открылся Вишневецкому, то показалъ свитокъ, гдѣ было объяснено его спасеніе такъ: «когда повелѣлъ его Борисъ убити, и его Богъ укрылъ, мѣсто его убиша Угличаго попова сына, а его будто скрѣпа бояре и дѣяки Щелкаловы, по приказу отца его царя Ивана Васильевича, (*рукоп. Археограф. ком. № 5, F 13*). Здѣсь также нѣтъ противорѣчія извѣстіямъ Смита и Маржерета.

Въ допросѣ, сдѣланномъ Мнишку по смерти самозванца, Мнишекъ объявилъ, что, пришедши къ Адаму Вишневецкому, самозванецъ показалъ, что Господь Богъ его отъ смерти спасъ помощію доктора, положившаго на мѣсто его иное дитя, которое вмѣсто его въ Угличѣ зарѣзали; а потомъ докторъ отдалъ его на воспитаніе къ одному сыну боярскому, который присовѣтовалъ ему спрятаться между чернецами (*Собр. Госуд. гр. и д. II, 294*).

По видимому, здѣсь-то и корень всѣхъ нелѣпныхъ разсказовъ о подмѣнѣ Симеономъ Димитрія. Но собственно это мѣсто двусмысленно. Можно дѣйствительно понимать и такъ, что докторъ подложилъ вмѣсто царевича другого предъ убійствомъ; но можно понимать и такъ, что онъ сдѣлалъ этотъ подмѣнъ и раньше. Во всякомъ случаѣ, однако, видно, что въ разсказѣ о спасеніи своемъ самозванецъ говорилъ въ Польшѣ о какомъ-то докторѣ; но замѣчательно, что по этому извѣстію докторъ отдалъ его не Ивану Мстиславскому, какъ говорится въ сказаніи Товіанскаго, а какому-то сыну боярскому.

Такимъ образомъ ничто здѣсь собственно не противорѣчитъ извѣстію Смита, показывающему, что спасеніе Димитрія приписывали Богдану Бѣльскому и его друзьямъ ранѣе убійства, совершеннаго въ Угличѣ, подкрѣпляемому свидѣтельствами Буссова и Петрея, сообщающими, что Бѣльскій увѣрялъ народъ крестнымъ цѣлованіемъ, что пришедшій въ Москву есть истинный Димитрій, и, наконецъ, сообразному съ мнѣніемъ Маржерета, на которое слѣдуетъ смотрѣть, какъ на выраженіе мнѣній извѣстнаго круга людей въ то время.

Если вопросъ ставить такимъ образомъ, что спасеніе Димитрія приписывалось партіи друзей его, то открывается, что личность эта должна быть орудіе партіи ненавидѣвшей Бориса, и тотъ самый Богданъ Бѣльскій, который такъ энергически увѣрялъ народъ въ истинности прибывшаго въ Москву Димитрія, былъ со своими друзьями и виновникомъ его самозванства. По извѣстію Маржерета, слухъ о Димитріѣ возникъ въ 1600 году, именно около того времени, когда Поляки указываютъ время прибытія его въ Кіевъ, въ 7109 году (съ сентября 1600 по сентябрь 1601 года). Съ этихъ поръ, говоритъ Маржеретъ, Борисъ занимался только истязаніями и пытками (*tourmenter et gehepner*). Рабъ, обвиняющій своего господина, хотя бы и ложно, въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ царя награжденіе, а господина или его главнаго служителя подвергали пыткамъ, дабы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они никогда не слыхали и не вида-

ли. Димитріеву мать вывели изъ монастыря и удалили отъ Москвы верстъ за 600. Въ столицѣ очень немногіе изъ знатныхъ родовъ спаслись отъ подозрѣній тирана, котораго прежде считали милосерднымъ государемъ, ибо во все время своего царствованія до появленія Димитрія онъ не казнилъ и десяти человѣкъ всенародно, исключая воровъ». (Estat de l'empire de Moscovie Paris, MDCLXIX, стр. 110).

Извѣстіе современника—чрезвычайно важное. Указываемое имъ время совпадаетъ дѣйствительность эпохою гоненій и преслѣдованій знатныхъ фамилій. Борисъ сдѣлался подозрителенъ, хотѣлъ все знать, говоритъ нашъ лѣтописецъ (*Лѣтоп. о мѣтежахъ*, стр. 54, *Никоновская*, 14), и началъ награждать холопей боярскихъ за доносы. Началось съ Воинка, холопа князя Феодора Шестунова, который донесъ на своего боярина. Царь публично на площади приказалъ объявить ему похвалу и наградить помѣстьемъ. Съ его легкой руки и начались доносы холопей на бояръ; за доносами пытки, ссылки, заточенія, казни. «Жены на мужей своихъ доводиша, а дѣти на отцовъ, якоже отъ такия ужаси мужіе отъ женъ своихъ таяхуся; и въ тѣхъ оказанныхъ доводѣхъ многія крови пролишася неповинныя и многіе отъ пытокъ попроша: иныхъ казняху, иныхъ по темницахъ разсылаху и дома ихъ разоряху; ни при которомъ государѣ такихъ бѣдъ никто не видѣ!».

Эта ужасная картина, сходная съ изображеніемъ Маржерета, поясняется послѣднимъ. Царь хотѣлъ все знать, — говорятъ наши лѣтописцы. Маржеретъ поясняетъ, что онъ хотѣлъ знать: его встревожилъ слухъ о Димитріѣ; онъ догадался, вѣроятно, что ему готовятъ Димитрія, и хотѣлъ во что бы то ни было отыскать и самаго Димитрія и тѣхъ, кто ему готовить его. Тогда постигла печальная участь роды Романовыхъ; Черкасскихъ, Репнинскихъ, Сицкихъ, Карповыхъ и множество менѣе знатныхъ, и потому неизвѣстныхъ по именамъ. Тогда же постигла кара и Богдана Вѣльскаго. Этотъ бояринъ въ концѣ царствованія Грознаго былъ его другомъ и самымъ могущественнымъ человѣкомъ. Царь назначилъ его послѣ себя

однимъ изъ пяти правителей государства, по случаю слабоумія Θεодора, и сверхъ того воспитателемъ другого сына—Димитрія. Въ ночь, послѣ того когда Грозный умеръ, Димитрія съ матерью сослали въ Угличъ, и удалили его родственниковъ съ матерней стороны, Нагихъ. Говорили, что это было слѣдствие какихъ-то замысловъ въ пользу Димитрія, руководимыхъ Бѣльскимъ. Враждебные ему бояре взбунтовали московскую чернь и дворянъ, находившихся въ Москвѣ на службѣ. Подъ предводительствомъ рязанцевъ Ляпуновыхъ и Кикиныхъ, они требовали выдачи Бѣльскаго и обвиняли его, будто онъ извелъ царя Ивана Васильевича и хочетъ извести Θεодора, чтобъ самому править государствомъ. Бѣльскаго сослали въ Нижній Новгородъ. Матеевъ этотъ до того представленъ сбивчиво, что нѣтъ возможности изслѣдовать его поводовъ и побужденій. Въ 1591 году Бѣльскій снова былъ уже въ столицѣ. Ясно, что личность Бѣльскаго была связана съ личностью Димитрія. Понятно, что когда разнесся слухъ, что Димитрій живъ, Годуновъ не могъ не подозрѣвать Бѣльскаго. Поводомъ къ его опалѣ наши лѣтописцы поставляютъ то, что Бѣльскій получилъ порученіе стащить въ Полѣ городъ Борисовъ, и будучи очень богатъ, въ короткое время на собственные средства поставилъ его такъ, что онъ имѣлъ подобіе города, Бѣльскій укрѣпилъ его башнями и стѣнами, Бѣльскій поилъ, кормилъ ратныхъ людей, давалъ имъ деньги, платье и запасы, словомъ—привязывалъ къ себѣ, готовился къ какому-то замыслу. Борисъ приказалъ его привести, разорить, взявъ у него всѣ вотчины, позорилъ его, поругался надъ нимъ и сослалъ куда-то въ низовые города въ тюрьму. Таже участь постигла и его друзей дворянъ, между которыми лѣтописецъ называетъ Аѳанасія Зиновьева. Иностранцы рассказываютъ при этомъ, что Борисъ приказалъ одному своему доктору нѣмцу выщипать у Бѣльскаго бороду, якобы за то, что, будучи въ Борисовѣ, онъ на пиру расхвастался и промолвилъ: «царь Борисъ—въ Москвѣ царь, а я въ Борисовѣ царь». Этотъ рассказъ о бородѣ правдоподобенъ, ибо сходится съ глухимъ извѣстіемъ нашихъ лѣтописцевъ о

томъ, что Борисъ позорилъ Вѣльскаго и поругался надъ нимъ. Если въ комъ, то въ Вѣльскомъ Борисъ дѣйствительно поразилъ своего врага; но Дмитрія онъ все таки не доискался. Маржеретъ говоритъ, что вѣсть о Дмитріѣ сдѣлала переѣмъ въ образъ дѣйствія Бориса. И въ русскихъ лѣтописяхъ тиранства Бориса изображаются въ видѣ переѣмны въ его характерѣ. Прежде, когда онъ вступалъ на престолъ, то казался «естествомъ свѣтлодушнѣмъ, нравомъ милостивѣмъ, паче же рещи—нищелюбивѣмъ; отъ него же многіе добродѣтели потоки приѣмше, и отъ любодаровитыя его длани въ сытость напитавшеся: всѣмъ бо неоскудно даваніе простираше, не точію ближнимъ, но и страннымъ» (*Степ. м.*); а потомъ: «да никтоже не похвалится чистъ быти отъ сѣни неприятельственнаго злокозньства врага, отъ клеветующихъ нѣкія извѣты нечестиваго совѣта приѣмаше и сего ради въ ярость суетно приходяше». Подобнаго проявленія мрачной подозрительности и варварства въ характерѣ нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что Борисъ, вообще опасавшійся за свою корону и жизнь, въ это время былъ встревоженъ чѣмъ-то важнымъ, искалъ какой-то тайно грозившей ему опасности, и потому прибѣгалъ къ такимъ суровымъ средствамъ. На это, конечно, могутъ возразить, что наши лѣтописцы, описывая тиранства Бориса, не говорятъ, однако, чтобъ поводомъ къ его свирѣпствамъ было опасеніе Дмитрія, и Борисъ, отыскивая тайные замыслы враговъ, не говорилъ, что они хотятъ выдумать противъ него страшилище въ образѣ углицкаго царевича. Но обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что если до Маржерета въ 1600 году доходилъ слухъ о Дмитріѣ, то уже безъ сомнѣнія онъ доходилъ до Бориса. А что Борисовы преслѣдованія и гоненія не совершались гласно ради Дмитрія, то это въ порядкѣ вещей: Борису имя Дмитрія было до такой степени страшно, что онъ не рѣшался и не долженъ былъ рѣшиться проносить его громко на всю Русь. Это былъ для него только слухъ. Объявить гласно, что онъ боится Дмитрія, значило бы рисковать вызвать на свѣтъ этотъ призракъ; тѣмъ болѣе, что самъ Бо-

рисъ не могъ быть вполне увѣренъ, что Дмитрій убитъ: онъ самъ не былъ въ Угличѣ; тѣхъ кто убилъ его, не могъ спросить, ибо ихъ на свѣтѣ не было; а на преданность Шуйскаго, производившаго слѣдствіе, онъ никакъ положиться не могъ. Да еслибъ онъ и былъ вполне увѣренъ, что въ Угличѣ дѣйствительно совершилось убійство дитяти, которое считалось царевичемъ, то кто могъ поручиться ему, что проникая его козни, заранѣе не подмѣнили Дмитрія, что не случилось именно то, чѣмъ морочили народъ во время самозванца. Какъ тиранъ подозрительный, но вмѣстѣ осторожный, Борисъ старательно укрывалъ—какого рода извѣстны и замысловъ онъ ищетъ; онъ только преслѣдовалъ тѣхъ, кого, по своимъ соображеніямъ, считалъ себѣ врагами, чтобъ случайно напасть на слѣдъ искомаго. Для этого-то онъ и употреблялъ холоновъ, надѣясь такимъ путемъ знать всю подноготную того, что происходить въ подозрительныхъ для него домахъ. Ему не удалось. Многихъ онъ перемучилъ, перессылалъ, переморилъ; а тотъ, кого ему подготовили враги, успѣлъ уйти и надѣлать кутерьмы. Замѣчательно извѣстіе Маржерета, что когда ушло двое, Гришка Отрепьевъ, а другой безымянный, то Борисъ приказалъ поставить заставы по границѣ и не пропускать никого даже съ прѣзжими памятьми. Не ясное ли дѣло, что Борисъ уже зналъ о Дмитріи. Не ради же Гришки Отрепьева были поставлены эти заставы! Ни патріархъ въ своемъ окружномъ посланіи и въ своихъ письмахъ, ни Борисъ въ своей грамотѣ къ польскому королю о выдачѣ вора, не говорили, чтобъ Гришка Отрепьевъ еще прежде заявлялъ намѣреніе назваться царевичемъ; болѣе въ своихъ отвѣтахъ польскимъ посламъ тоже этого не говорили. Московское правительство постоянно твердило, что вора научили въ Польшѣ назваться Димтріемъ. Невозможно, чтобъ ради Гришки Отрепьева или какихъ бы то ни было подобнаго рода бѣглецовъ были поставлены такія крѣпкія заставы; изъ Московскаго государства бѣгало очень много дворянъ и дѣтей боярскихъ въ Литву, и однако не ставили ради ихъ такихъ заставъ, чтобъ не пропускать никого даже съ прѣзжими па-

матем; это уместно только тогда, когда ожидают побѣга какого-нибудь лица, которое, убѣжавши въ чужую землю, можетъ принести вредъ государству, изъ котораго вышло, и притомъ таковаго лица, которое убѣжало подъ чужимъ именемъ. Такииъ важнымъ и опаснымъ для державы Бориса лицомъ и былъ въ то время Димитрій, о которомъ слухи уже носились, по свидѣтельству современника и очевидца событій. Безъ сомнѣнія, Борисъ слышалъ о Димитрѣ, — быть можетъ, зналъ навѣрное, что есть уже такое подготовленное лицо и готовится убѣжать въ Польшу; но гдѣ оно, какое имя носить, это было ему неизвѣстно, и потому онъ приказывалъ останавливать встрѣчнаго и поперечнаго. Когда, наконецъ, разнеслась вѣсть о томъ, что Димитрій открылся, Борисъ, патриархъ и всѣ ихъ шлевереты — стали соображать и догадываться, кто бы это былъ изъ бѣжавшихъ; напали на имя Гришки Отрепьева, монаха, дѣйствительно бѣжавшаго изъ Чудова монастыря, стали подозрѣвать въ немъ Димитрія, а когда пришла необходимость увѣрить народъ, что явившійся подъ именемъ Димитрія вовсе не Димитрій, и назвать вора другимъ именемъ, то и употребили Гришкино имя. Когда же именно бѣжалъ этотъ Гришка, объ этомъ представляется, какъ мы видѣли, разнорѣчье. Въ выпискѣ изъ Розряда говорится, что онъ убѣжалъ въ 111 году, а въ челобитной Варлаама по одному списку въ 110-мъ, по другому — въ 111-году; въ патриаршей грамотѣ не говорится, когда именно случилось бѣгство. По смыслу Маржеретова сказанія выходитъ, какъ будто Гришка бѣжалъ изъ Москвы разомъ съ тѣмъ, кто назывался Димитріемъ, слѣдовательно — въ 1600 году. Для насъ собственно это не важно, а челобитная Варлаама явно невѣрная вещь, уже и потому что Варлаамъ рассказываетъ, что онъ познакомился съ Гришкою на улицѣ передъ своимъ уходомъ изъ Москвы, тогда какъ въ патриаршей грамотѣ этотъ Варлаамъ называется монахомъ Чудова монастыря, слѣдовательно долженъ былъ знать Гришку, какъ жившаго съ нимъ въ одномъ монастырѣ. Если вѣрить Розрядной выпискѣ, то Гришка ушелъ въ концѣ 1602 или

въ первой половинѣ 1603 года, и значить не разомъ съ Димитріемъ. Можетъ быть въ списокѣ невѣрность, а можетъ быть и Маржереть здѣсь невольно впалъ въ ошибку: съ одной стороны онъ зналъ, что слухъ о Димитріѣ былъ въ 1600 году и тогда уже ставили заставы по границѣ, а съ другой, что судьбу Гришки соединяли съ судьбою самозванца, и притомъ Гришка пришелъ вмѣстѣ съ самозванцемъ въ Москву; поэтому Маржереть ошибочно могъ отнести ихъ бѣгство изъ Москвы къ одному времени.

На основаніи всѣхъ упомянутыхъ здѣсь обстоятельствъ, мы признаемъ самозванца твореніемъ боярской партіи, враждебной Борису. Борисъ былъ въ этомъ убѣжденъ, и когда ожидаемый давно и не дававшій ему покоя призракъ царевича Димитрія отозвался въ Польшѣ и началъ существовать подъ этимъ именемъ, Борисъ не задумался сказать боярамъ: «вотъ наконецъ что вышло! я вижу, откуда онъ идетъ; вотъ она измѣна и крамола князей и бояръ; знаю, — это ваше, ваше дѣло: вы хотите погубить меня!» (Bussow, 27). Какія же лица, кромѣ Бѣльскаго, благопріятствовали дѣлу явленія Димитрія? Сказать положительно невозможно; только однихъ Щелкаловыхъ именуетъ самъ претендентъ. Дьякъ Василій Щелкаловъ былъ дѣйствительно въ эпоху казней въ опалѣ и удаленъ отъ дѣлъ; при самозванцѣ былъ въ чести, и, какъ его приверженецъ, подвергся опалѣ при Шуйскомъ. По кое какимъ признакамъ можно было бы еще бросить подозрѣніе на родъ Романовыхъ и ихъ свойственниковъ, на которыхъ и указываетъ Маржереть. 1) Романовы пострадали въ то время, когда Борисъ узналъ о Димитріѣ, и безъ сомнѣнія, Борисъ ихъ болѣе всего подозрѣвалъ, ибо на нихъ особенно разъярился; 2) Романовы были въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бѣльскимъ, ибо Филаретъ Никитичъ, сосланный въ Сіи́йскій монастырь, отзывался о немъ, какъ о самомъ способнѣйшемъ и достойнѣйшемъ между боярами; 3) Когда самозванецъ шелъ на Бориса, Филаретъ (какъ доносилъ приставъ, который за нимъ присматривалъ) измѣнилъ свой старый образъ поведенія и оказывалъ радость и надежды.

4) Самозванецъ, вступивши на престолъ, облагодѣтельствовалъ въ особенности фамилію Романовыхъ и такъ уважалъ ее, что даже кости умершихъ въ смыслѣ приказалъ съ честію перевезти въ Москву. Но такіе признаки недостаточны. О Филаретѣ Никитичѣ, напримѣръ, мы знаемъ впослѣдствіи болѣе: онъ жилъ въ лагерѣ Тушинскомъ, именовался московскимъ патріархомъ, именемъ его писались патріаршія грамоты, наконецъ польскіе источники выставляютъ его какъ одного изъ главныхъ предателей Московскаго государства въ руки Сигизмунда послѣ бѣгства Тушинскаго вора. Всѣ обстоятельства слишкомъ очевидны противъ этого человѣка, и однако тотъ, кто наиболѣе долженъ былъ бы обвинять его, какъ восхитившаго патріаршіи санъ, патріархъ Гермогенъ не только защищаетъ и оправдываетъ Филарета, но самое пребываніе его въ Тушинскомъ лагерѣ и почести, которыя ему тамъ оказывали, считаетъ за мученичество.

Если Лжедмитрій былъ твореніемъ враждебной Борису партіи, хотѣвшей подорвать его державу и наслѣдіе рода, то былъ ли онъ сознательнымъ, или безсознательнымъ ея орудіемъ? Сознавалъ ли онъ, что онъ плутъ, обманщикъ, или же онъ былъ самъ обольщенъ, обманутъ и вѣрилъ, что онъ нѣ самомъ дѣлѣ царевичъ Дмитрій?

Нашъ историкъ Соловьевъ полагаетъ послѣднее. «Чтобы сознательно принять на себя роль самозванца, сдѣлать изъ своего существа воплощенную ложь, надобно быть чудовищемъ разврата, что и доказываютъ намъ характеры самозванцевъ, начиная со втораго.» (Т. VIII. стр. 2). На это можно бы возразить достоуважаемому историку, что быть можетъ достаточно быть пустымъ вѣтреннымъ лугономъ, шалуномъ въ родѣ Гоголевскаго Хлестакова. Но такое возраженіе имѣетъ только отчасти смыслъ. Дѣйствительно, чтобъ назваться чужимъ именемъ и поиграть роль знатнаго лица, для этого еще не нужно быть чудовищемъ: такихъ найдется черезчуръ много; но такіе Хлестаковы, по своей природѣ, слишкомъ прizrачивы и не способны проводить никакого дѣла, а тѣмъ болѣе бороться съ

препятствіями. Они всегда желкіе, дѣшвыне труссы, пошлыя натурн. Не таковъ былъ Димитрій первый. Это былъ человекъ вовсе не дюжинный, напротивъ чрезвычайно способный, пылкій, храбрый и неустрашимый. Непротиворѣчивъ до неосторожности, онъ по своей природѣ менѣе всего былъ способенъ играть долго роль и обманывать. Нѣкоторые поступки и черты его характера удостовѣряють въ томъ, что онъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе :

1) Когда послѣ его прихода въ Москву Шуйскій сталъ разсѣвать про него слухи, что онъ самозванецъ, Димитрій сдѣлалъ поступокъ, невиданный на Руси : онъ отдалъ это дѣло, въ которомъ замѣшался вопросъ о его собственной личности, на судъ всѣхъ сословіи Русской земли. Къ сожалѣнію, не знаемъ производства этого дѣла ; но во всякомъ случаѣ хитрый обманщикъ, который бы чувствовалъ за собою, что его могутъ обличить, не сдѣлалъ бы этого, когда того не требовали обычаи страны. Димитрій, какъ мы уже объясняли, давалъ тогда возможность обличать себя. Всѣ шансы были на сторонѣ враговъ его. Еслибъ Шуйскій и его одномысленники имѣли на своей сторонѣ какія-нибудь доказательства, они бы могли одержать верхъ. Стало быть, царь вполне былъ увѣренъ, что у враговъ нѣтъ доказательствъ, а это возможно единственно тогда, когда царь самъ былъ увѣжденъ, что онъ именно тотъ, за кого себя выдавалъ. При малѣйшемъ сомнѣніи, онъ бы никакъ не могъ на это рѣшиться.

2) Еще болѣе говорить въ его пользу то, что онъ простилъ Шуйскаго и тѣмъ приготовилъ себѣ гибель. Будучи обманщикомъ, онъ зналъ бы, конечно, что Шуйскій, производившій слѣдствіе надъ тѣломъ убитаго царевича, Шуйскій, издавна близкій къ тайнамъ правительства, наконецъ Шуйскій, по своему родовому происхожденію считавшій себя и считаемый многими за ближайшаго наследника московскаго престола, въ случаѣ прекращенія царствующаго дома, — Шуйскій ему опаснѣе всѣхъ въ Московскомъ государствѣ. Этотъ врагъ, осужденный не имъ, но голосомъ земли, идетъ на смертную казнь! Еслибъ

Димитрій быть обманщиком, онъ бы не могъ простить его: это не въ человѣческой натурѣ. Этого мало, — избавивши отъ казни, Димитрій приблизилъ къ себѣ такого опаснаго человѣка, который разъ уже обличалъ его въ самозванствѣ, приблизилъ не по принужденію обстоятельствъ, а по движению собственнаго волноудушія. Можетъ ли обманщикъ довѣряться тому, кто уже разъ обличалъ его обманъ и всегда имѣетъ возможность обличить его болѣе чѣмъ кто нибудь? По природѣ человѣческой, ничье присутствіе намъ такъ не противно, какъ того, кто видитъ нашу тайну, которую мы упорно жалаемъ скрыть. Самый активнѣйшій врагъ всякаго лица есть тотъ, кто не вѣритъ его лжи. Каково же должно было самозванцу терпѣть постоянное присутствіе Шуйскаго, показавшаго уже разъ, что его не обманули какъ другіе! Затѣмъ же этотъ влутъ на престолъ добровольно устроить себѣ такую нравственную пытку, когда сама судьба избавляла его отъ нея?

3) Самозванецъ-обманщикъ всѣми силами долженъ былъ бы поддерживать свой обманъ, не ищя никакихъ средствъ для этого, не останавливаясь ни предъ какими жестокостями. Это свойство обмана. Всякая лсжь, желающая удержать господство, прибѣгаетъ къ злу. Сознательный обманщикъ на престолѣ принужденъ былъ бы, хотя бы противъ воли, казнить и мучить людей за истину, за невѣріе его обману и за обличеніе этого обмана. Онъ неизбежно вошелъ бы во вкусъ къ жестокостямъ и скоро укоренилась бы въ немъ ненависть ко всему правдивому, честному, и сталъ бы онъ отвѣщеннымъ чудовищемъ. Димитрій продержался почти годъ. Какія жестокости учинилъ онъ? Авраамій Палицынъ и Никоневская дѣтопись говорятъ о казни дворянина Тургенева. Авраамій прибавляетъ еще къ этому Федора Колачника. Но мы уже знаемъ, что эти казни, бывшія, по свидѣтельству Авраамія, еще до суда на Шуйскій, должны были происходить еще до прибытія Димитрія въ Москву, и притомъ самъ Авраамій говоритъ, что москвичи ругались надъ казненными и кричали, что осужденіе постигло ихъ по дѣломъ. Не показывается

ли это, что казни эти возбуждали сочувствіе народа и были такъ или иначе народнымъ дѣломъ. Стрѣльцовъ, обличившихъ его не въ самозванствѣ, а въ нарушеніи вѣры, онъ не казнилъ, а отдалъ на судъ ихъ же братья, и свои товарищи изрубилъ ихъ (*Собр. юс. гр. II, 297. Нов. Лѣт. Лѣтоп. о лѣт. 100*). Говорятъ еще о дьякѣ Тимоѣѣ Осиповѣ, который исповѣдавшись, причастившись, пошелъ обличить разстригу и принялъ мученическую смерть (*Авраам. 29*). Но это событіе произошло въ день смерти Лжедмитрія, какъ указываетъ хронографное описаніе (*Четыре сказанія, 17*). По сопоставленіи съ хроникой Буссова, дьякъ Осиповъ, который по сказанію хронографа «абіе ту изсѣченъ бысть саблями», есть тотъ самый смѣлый «бояринъ», который, по извѣстію Буссова, прежде чѣмъ нахлынула на дворецъ толпа заговорщиковъ, прибѣжалъ къ Лжедмитрію съ требованіемъ выходить давать отвѣтъ народу, и быть изрубленъ имъ самимъ (*Chron. Бусс. 47*). Конечно, нѣтъ не станеть укорять за то Лжедмитрія въ томъ положеніи, въ какомъ онъ тогда находился. Его обвиняютъ въ варварскомъ убійствѣ жены Борисовой и сына его Феодора. Тутъ (надобно замѣтить) дѣло темное. Наши лѣтописцы стараются всѣми силами очернить разстригу и приписываютъ смерть ихъ его повелѣнію. Но, кажется, едва ли не справедливѣе будетъ сказаніе (если пристрастной къ нѣмцамъ, то безпристрастной къ Дмитрію) хроники Буссова (стр. 33), которая повѣствуетъ, что Дмитрій выправился тогда совсѣмъ не въ опредѣленномъ смыслѣ повелѣнія убить Годуновыхъ: «я не могу приѣхать въ столицу, прежде чѣмъ всѣ мои враги до единого не будутъ оттуда удалены; если уже болѣшую часть ихъ выпроводили, нужно чтобъ и Феодора съ матерью его тоже не оставалось; тогда я приѣду, буду вашимъ милосерднымъ государемъ». Такъ-какъ въ то время Годуновыхъ и ихъ свойственниковъ вывели изъ Москвы, то Лжедмитрій хотѣлъ только, чтобъ и семью Годунова тоже выслали. Новые его приверженцы подслужились ему, и удавили сына и мать. Важно здѣсь то, что настоящая причина ихъ смерти была скрыта

отъ народа: обвинили, будто царя и сынъ ея отравили себя ядомъ; даже морочили людей, будто Феодоръ Борисовичъ предъ смертью писалъ письмо къ Димитрію. Въ такомъ видѣ это событіе перешло въ разныя сказанія иностранцевъ. Но еслибъ Лжедимитрій велѣлъ ихъ умертвить, то для чего было ему приказывать умерщвлять ихъ тайно и распространять слухъ, что они отравили себя ядомъ,—слухъ, которому, конечно, рѣдкій изъ русскихъ могъ повѣрить въ то время? Если Лжедимитрій желалъ ихъ лишить жизни, онъ могъ сдѣлать это явно. Положимъ, еще убить царяцу казалось бы для всѣхъ жестоко; но за Феодора никто бы не осудилъ его. Онъ могъ прикрыть убійство личиною правосудія. Вѣдь онъ предлагалъ Феодору мирно уступить престолъ. Феодоръ, напротивъ, принялъ на себя званіе царя, принадлежавшее по праву наслѣдства отъ свавишемуся Димитрію, воевалъ противъ него; войско, по его повелѣнію, разорало Сѣверскую область; приверженцы Димитрія были казнены. Феодоръ въ глазахъ Димитрія былъ похититель и мятежникъ. Этихъ обстоятельствъ было достаточно въ глазахъ самыхъ некровоскадныхъ, чтобъ не считать жестокостью, если Феодору отрубать голову на площади. Для чего жъ было дѣлать бесполезное тайное убійство враговъ, когда можно явно раздѣлаться съ этими врагами? Развѣ Шуйскій менѣе былъ ему врагъ, чѣмъ Феодоръ и царяца Марія? Развѣ не великодушно поступилъ онъ съ родственниками Годуновыхъ и ихъ приверженцами, облегчивъ ихъ ссылку, а нѣкоторыхъ допустилъ даже къ должностямъ? По всему вѣроятно, если убійцы Феодора и Маріи сочли нужнымъ скрывать убійство и распространять вѣсть, будто Марія и сынъ ея отравили себя ядомъ, то скорѣе всего они желали обмануть этимъ самого царя. И кто былъ исполнителемъ этого дѣла? Василий Васильевичъ Голицынъ, одинъ изъ погубившихъ впоследствии Лжедимитрія въ соумышленіи съ Шуйскимъ, одинъ изъ низложившихъ впоследствии Шуйскаго и отдавшихъ его въ руки иноземныхъ враговъ!

4) Чрезвычайно много говорить въ пользу Лжедимитрія въ

этомъ случаѣ, отношеніе его къ матери настоящаго Дмитрія. Но прїѣздъ своемъ въ Москву, кого посылалъ онъ за нею? Михаила Скопина-Шуйскаго, родственника Василя и его братьевъ! Какъ же это, обманщикъ, чувствуя, что онъ не Дмитрій, посылаетъ за матерью настоящаго Дмитрія, которая должна окончательно рѣшить, сынъ ли онъ ея, или нѣтъ, — посылаетъ человека близкаго по крови и по связямъ къ тѣмъ, которыхъ недавно только что осудили за обвиненія его въ самозванствѣ! Какъ не вонюло къ нему опасеніе, чтобъ такой посолъ не настроилъ въ противномъ для него духѣ женщину, предъ которою онъ долженъ играть сына? Какъ рѣшился обманщикъ, безъ предварительныхъ совѣщаній, вызывать эту женщину? Когда она прибыла въ Москву, онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу при многочисленномъ стеченіи народа, — бросился ей на шею, какъ къ матери, плакалъ и обнималъ ее, шелъ возлѣ ея кареты; всѣ это видѣли, и никто не сомнѣвался, что онъ сынъ ея. Впослѣдствіи отъ имени Марей была обнародована грамота, гдѣ рассказывалось, будто Лжедмитрій говорилъ съ нею наединѣ въ шатрѣ и грозилъ ей смертнымъ убійствомъ. Это выдумано Шуйскими. Современники, описывающіе это событіе, не видѣли никакого шатра. (*Паскаль*, 34. *Bassev*, 37. *Ciampi Notizie* 120. *Inno Petricii* 83. *Никомосск.* 74). Смертнымъ убійствомъ грозить могла скорѣе она ему, чѣмъ онъ ей. Одного ея слова было достаточно, чтобъ уничтожить его. Стоило Марей, обратясь къ народу, произнести: это не мой сынъ, это обманщикъ! — ничто бы не спасло его... Послать за Марей человека изъ враждебной партіи, встрѣчать ее всенародно, изъявлять знаки сыновней любви, не спрашивая напередъ: позволить ли она играть такую комедію, — могъ только человекъ, вполне убѣжденный въ томъ, что онъ самъ ея сынъ.

б) Самозванецъ-обманщикъ, безъ сомнѣнія, осторожно показывалъ бы себя людямъ и остерегался, чтобъ его не увидѣли и не узнали прежніе знакомые. Дмитрій, напротивъ, велъ себя такъ открыто, какъ ни одинъ изъ царей московскихъ.

Онъ выходилъ пѣшкомъ, въ противность обычаю, и принималъ просьбы два раза въ недѣлю самъ лично.

6) Его предпочтеніе иноземныхъ приемовъ жизни, естественное въ молодомъ москвитянинѣ, который ознакомился съ болѣе цивилизованнымъ бытомъ, его религіозный либерализмъ, допустившій равенство вѣроисповѣданій, его неуваженіе къ старымъ предразсудкамъ, позволявшее ему не ходить въ баню и ѣсть телятину, и все что навлекло на него укоры отъ приверженцевъ старины, также показываютъ въ немъ челоуѣка, глубоко сознававшего свое царское происхожденіе, свое право. Если въ чемъ, то именно въ этомъ во всемъ ловкій обманщикъ подчинялся бы окружающей его средѣ.

7) Когда Шуйскій составилъ заговоръ, Поляки проводили о существованіи 'коварныхъ замысловъ'; были доносы и отъ Русскихъ, и отъ Нѣмцевъ. Лжедмитрій не хотѣлъ разныскивать, преслѣдовать, и даже приказывалъ наказывать доносчиковъ. Это и помогло заговору созрѣть; тогда-какъ еслибъ онъ, по сдѣланнымъ ему доносамъ, принялъ мѣры, то, по всей вѣроятности, остался бы цѣль. Еслибъ царь зналъ за собой обманъ, никакъ бы не пренебрегалъ этимъ. Объяснить такую невнимательность къ доносамъ можно только увѣренностію въ правотѣ своей.

8) Наконецъ, въ послѣднія минуты, когда его разшибеннаго, окровавленнаго принесли во дворецъ и стали допрашивать и вмѣстѣ съ тѣмъ бить, ругаться, онъ говорилъ: «спросите у матери (Hist. Russ. monum. II, 119. Bussow); выведите меня на Лобное мѣсто и дайте мнѣ говорить». Въ этихъ словахъ видна прежняя увѣренность и надежда, что дѣло его и теперь оправдается, если стануть разбирать его спокойно.

Какъ же въ самомъ дѣлѣ понимать отношеніе къ нему инокини Марены? Притворялась ли она?

Сомнѣваемся, и скорѣе готовы принимать вещи, какъ онѣ представляются сами собою. Марена признала Лжедмитрія за сына торжественно, въ виду московскаго народа, признавала его въ теченіе десяти мѣсяцевъ. Когда тѣло убитаго царя во-

ложив мимо ея монастыря, ее спрашивали: твой ли это сын? Она не отвѣчала: не мой, это обманщикъ! Она отвѣчала загадочно: «спрашивать было меня объ этомъ пока онъ былъ живъ; теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой». (Hist. Russ. monum. II, 119). Это изреченіе, вообще двусмысленное, можно объяснять и такъ, что царица хотѣла этимъ выразить прежнее свое признаніе, но не смѣла слишкомъ явно, и такъ, что она сомнѣвалась и сама себѣ не могла дать отчета: точно ли онъ сынъ ея, или нѣтъ.

Послѣ убійства Іжедимитрія, есть извѣстіе, что Марѳа во время перенесенія мощей ея дѣйствительнаго сына всенародно каялась въ томъ, что признавала разстригу своимъ сыномъ, и объявила, что онъ никакъ не былъ сынъ ея, а сынъ ея теперь сопричтенъ къ цѣлу святыхъ. Въ обоихъ показаніяхъ Марѳа могла быть искренна. Женщину эту могли увѣрить и въ томъ, и въ другомъ въ различное время. Ей могли сказать (можетъ быть по вопареніи Іжедимитрія, а можетъ быть, — что вѣроятнѣе, и раньше), что ея сына подмѣнили въ младенчествѣ. Конечно, съ перваго раза она должна была недоувѣрчиво принять такую вѣсть; но увѣренія людей близкихъ къ дѣлу на нее должны были подѣйствовать. Такова человеческая слабость, что скоро вѣрится тому, чего желается. Отъ смерти царевича прошло четырнадцать лѣтъ; а отъ того времени, когда царевича могли подмѣнить, до двадцати лѣтъ: событія прошедшія могли ступеваться въ памяти этой страдальцы, запуганной, измученной.... Вся жизнь ея была цѣпью горестей. Супружество съ Иваномъ Грознымъ было тяжелый крестъ, данный ей въ молодости. Она знала, какъ кончали свою блестящую карьеру ея предшественницы, и должна была безпрестанно опасаться, что царственный супругъ вдругъ почувствуетъ къ ней отвращеніе и заплетъ куда-нибудь въ монастырь, а то еще подъ худой часъ и утопить, какъ Долгорукую. Особенно должно было ей казаться страшно, когда Иванъ Грозный, будучи женатъ на ней, искалъ руки Маріи Гастингсъ и на счетъ своей супруги отзывался, что она не

царской крови и следовательно нечего обращать вниманіе на то, что она существует. По смерти Грознаго, ее постигли: ссылка въ Угличъ, подозрительныя наблюденія Борисовыхъ клеветовъ, насильственная смерть ея ребенка, потомъ насильное постриженіе, тяжелое заточеніе, гоненіе всего ея рода, безнадѣжное грустное житье въ одиночествѣ и изгнаніи. По-вѣстно, что не трудно ошалѣть и отупѣть отъ такой жизни существу робкому, неразвитому, какими были русскія женщины по ихъ воспитанію. Легко было такую страдальцу привести въ то неясное душевное состояніе, когда человѣкъ ни вѣрить, ни не вѣрить, ему кажется то такъ, то иначе, не достаетъ ума рѣшить въ ту или другую сторону, не достаетъ воли самому опредѣлить свои поступки, и подчиняется онъ уму и волею тому, кто имѣетъ надъ нимъ въ данную минуту силу. Марѳа могла быть именно въ такомъ неясномъ, неопредѣленномъ душевномъ состояніи: ей говорили, что сынъ ея подмѣненъ и живъ; ея сердцу было пріятно еслибы такъ было, и она поддалась этому обаянію, и мѣшалась въ ней вѣра съ сомнѣніемъ. Когда этотъ сомнительный сынъ встрѣтилъ ее съ признаками неподдѣльной, искренней сыновней любви, когда она увидѣла кругомъ себя безчисленную толпу, которая признаетъ его сыномъ ея, когда притомъ вмѣсто привычной грустной келіи она увидѣла себя въ блескѣ царскаго величія, и на старости лѣтъ отдыхала она отъ долгаго горя, а названный сынъ угождалъ ей, оказывалъ къ ней любовь, уваженіе, каждый день ходилъ къ ней, предъ начатиемъ всякаго важнаго дѣла испрашивалъ ея благословенія; тутъ сомнѣнія стали умолять въ душѣ ея: неловко и оскорбительно было высказать ихъ ему, когда она сама не считала положительно невозможнымъ, что это сынъ ея; и она свылась съ вѣрою, что это ея сынъ. Пораженная его внезапнымъ убійствомъ, она произнесла надъ нимъ сомнительный приговоръ: она тутъ гласно сказала то, что у ней было въ душѣ, то есть, ни то, ни сѣ. Тогда принялись за нее и стали объяснять, что все это былъ обманъ, призракъ, сынъ ея не воскресалъ для

всѣ; она какъ была, такъ и остается сиротствующей матерью. За то указали ей того сына, котораго она видѣла истекающимъ кровію, ей указали этого сына въ негнѣнномъ величій святости. Материнское чувство утѣшилось, слилось съ чувствомъ благочестія, возгордилось славою сына — большею чѣмъ слава царская; прежнія угасшія въ царственномъ величій сомнѣнія ожили и сдѣлались въ свою очередь вѣрою. И Марѳа, обрадовавшись чести быть матерью святого, повторила всенародно слышанное отъ Шуйскаго, что царствовавшій подъ именемъ Дмитрія былъ разстрига Гришка Отрепѣвъ, чернокнижникъ, обольстившій и ее вѣстѣ со всѣмъ русскимъ людемъ; а стыдъ своего обмана стала навинять угрозами смертнымъ убійствомъ.

Намъ могутъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: Если Лжедмитрій могъ быть человѣкъ увѣренный въ томъ, что онъ истинный царевичъ, и если обольщеніе было такъ хитро ведено, что не было возможности открыть обмана, (ибо народу представили дѣло такъ, что онъ подмѣненъ еще задолго до убійства въ Угличѣ), то, скорѣе, не настоящій ли онъ царевичъ, и не легче ли въ самомъ дѣлѣ было его спасти, чѣмъ сотворить? — Дѣйствительно, мы не считаемъ положительно невозможнымъ и страннымъ, чтобъ малолѣтняго царевича спасли и подмѣнили. Вскорѣ послѣ воцаренія Θεодора Борисъ захватилъ власть и сдѣлался несносенъ для многихъ. Въ 1586 году уже обозначались его стремленія. Тогда онъ низложилъ и, какъ думаютъ, удавилъ Шуйскихъ, заточилъ князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Быкасовыхъ и другихъ; лилась кровь на плахахъ; Діонисія митрополита и Варлаама Крутицкаго архіерея сослалъ; вмѣсто Діонисія на митрополичій престолъ возвели Іова, преданнаго Борису. Все это сдѣлалось за то, что хотѣли слабоумнаго Θεодора понудить развестись съ сестрою Бориса подъ предлогомъ безплодія, — иначе, этимъ хотѣли лишить Бориса его возникавшаго могущества. Въ это время уже могли догадываться, что Борисъ рано или поздно станетъ мѣтить на престолъ и постарается избавиться отъ важнѣйшаго соперника. Можно было уже соображать, что Борисъ покусится на

жизнь Дмитрія, для спасенія себя и своего рода. Борисъ такъ высоко сталъ, что средины для него не было: если Феодоръ умреть бездѣтнымъ и ему неудастся быть царемъ, то его ожидала гибель: другая власть не забыла бы той власти, до которой достигалъ онъ. Но по смерти Феодора долженъ быть царемъ Дмитрій. Борису либо Дмитрія нужно было свести со свѣта, либо самому дожидаться отъ Дмитрія гибели. Ни Дмитрій, ни партія Нагихъ не простили бы ему своего изгнанія. И Борисъ долженъ былъ рѣшиться на тайное убійство, для огражденія себя и своего рода отъ бѣды. Рассчитывая такимъ образомъ, легко могла въ то время хитрому Богдану Бѣльскому придти мысль удалить заранѣе Дмитрія и спасти этого малютку, котораго отецъ ему поручилъ на попеченіе. Живучи въ ссылкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, онъ конечно имѣлъ такъ много связей на Руси, что могъ черезъ своихъ соумышленниковъ и агентовъ увести Дмитрія изъ Углича, подложить на мѣсто его другого похожаго на него младенца, а настоящаго царевича отдать на воспитаніе въ чужія руки, съ надеждою объявить ему тайну когда нужно будетъ. Хотя представляется съ перваго раза, что въ такомъ случаѣ могли царевича увести маленькимъ въ Польшу, куда пришлось спроводить его взрослымъ, но можно допустить, что покровители его боялись, чтобъ Сигизмундъ его не выдать за выгоды отъ Московскаго правительства. Могли также бояться, чтобъ впоследствии Дмитрій не поддался притворно-дружелюбнымъ приглашеніямъ отъ имени слабоумнаго брата и добровольно не возвратился въ Московское государство, какъ случилось съ Марьею Владимировною и ея дочерью, и потому нашли удобнѣйшимъ спасти его укрывъ въ неизвѣстности, отдавши на воспитаніе темному человѣку. Подмѣненнаго убили. Настоящій росъ сыномъ незначительнаго человека, пока наконецъ вступилъ въ юношескій возрастъ, и тогда объявили ему кто онъ. У Бориса было много шпионовъ, и они провѣдали тайну, но не узнали гдѣ царевичъ. Борисъ, чужь противъ себя замысль, сталъ какъ звѣрь терзать всѣхъ ко-

го подозрѣвать, но не нашелъ Димитрія. Его однако поэтому нельзя было держать въ Московщинѣ, и его спроводили въ Польшу. «Понятно, что для избѣжанія Борисовыхъ пліо-новъ всего умѣстнѣе было выпроводить Димитрія изъ предѣловъ Московскаго государства въ монашескомъ платьѣ, подъ чужимъ именемъ: чѣмъ незначительнѣе и бѣднѣе челоуѣкомъ онъ казался, тѣмъ былъ безопаснѣе.» Димитрій ничего не могъ сказать о себѣ положительно, кромѣ того, что слышалъ, именно — что его спасли бояре, но кто именно, какъ — никто ему не говорилъ этого изъ опасенія какъ бы не довести ихъ до бѣды. Только о дьякахъ Щелкаловыхъ онъ узналъ какъ-то.

Все это, по нашему мнѣнію, возможно: легче было спасти, чѣмъ поддѣлать Димитрія. Но принять это положительно намъ воспрещаютъ слѣдующія обстоятельства:

1) Еслибъ такъ было, то по воцареніи Димитрія были бы объяснены народу подробности его спасенія, а участвовавшіе въ спасеніи получили бы огромныя награды и благодарность предъ лицомъ всей земли русской.

2) Еслибъ то былъ настоящій царевичъ, то, прибывши въ Польшу, онъ представилъ бы тамъ болѣе очевидныхъ доказательствъ своего царственнаго происхожденія; а то онъ до того слабъ, что имъ никто въ самомъ дѣлѣ не вѣрилъ, кромѣ развѣ самыхъ легковѣрныхъ. Люди честные совѣтывали королю не только не принимать его подъ покровительство, но не допускать чтобъ онъ набиралъ себѣ въ королевствѣ толпу для вторженія въ Московскіе предѣлы. Другіе совѣтовали даже арестовать бродягу. Мнишки увлеклись собственнымъ честолюбіемъ: они были неразборчивы въ средствахъ; это доказываетъ ихъ участіе въ дѣлѣ второго самозванца. Адамъ Вишневецкій, «бражникъ и безумецъ», какъ называется его современное показаніе, признавшій его прежде всѣхъ царевичемъ, тоже рекомендовалъ себя также плохо впоследствии, когда вступилъ въ шайку того же второго Лжедимитрія и, зная лучше другихъ въ лицо перваго, безстыдно притворялся, будто находитъ одно и тоже лицо. Тоже можно сказать и о большей части

воляковъ, служившихъ у перваго самозванца и перешедшихъ во второму. Претендентъ не нашелъ себѣ поддержки собственно въ Польшѣ, а нашелъ ее въ Украинѣ, гдѣ въ то время были готовыя элементы для всякаго набѣга, для дѣла смуты и потрясенія государственнаго порядка. Его ратная сила, составленная изъ козаковъ и Украинской шляхты, мало чѣмъ отличавшейся отъ козаковъ по склонности къ буйству и шатаю, была такого же рода, какъ и сила второго Лжедмитрія: это были толпы, готовыя пристать ко всякому бродягѣ, обѣщающему подъ своимъ знаменемъ поживу. Признали его московскіе изгнаники, поселенные въ Польскомъ королевствѣ; но имъ выгодно было признать всякаго такого претендента; ибо въ случаѣ успѣха они могли надѣяться воротиться съ честью въ отечество и найти тамъ хорошее положеніе, а въ противномъ случаѣ—ничѣмъ не рисковали. Наконецъ ласкали его въ Польшѣ католическіе духовные, особенно іезуиты, по общему стремленію пользоваться всякими — и честными и безчестными — средствами для приведенія къ папской власти страны, не входившей въ систему католическаго міра. Нельзя предположить, чтобъ дѣйствительный царевичъ явился въ чужую землю съ такими слабыми свидѣтельствами своего званія и могъ опираться только на такіа стихіи, которыя бы равнымъ образомъ послужили всякому самозванцу-обманщику.

Эти соображенія побуждаютъ насъ признать, что царствовавшій у насъ въ Москвѣ подъ именемъ Дмитрія былъ не настоящій Дмитрій, но лицо обольщенное и подготовленное боярами, партіею враждебною Борису. Люди этой партіи настроили пылаго, увлекающагося юношу въ убѣжденіи, что онъ царевичъ Дмитрій, спасенный въ младенчествѣ по наказу его родителя-царя Ивана, и вывели его изъ Московскаго государства. Это сдѣлано было на русское авось. Они, конечно, не желали замѣнить Борисовъ родъ навсегда этимъ поддѣльнымъ Дмитріемъ; но имъ достаточно было поставить Годуновымъ страшное знамя, подъ которое можно было соединить противъ нихъ народную громаду и ниспровергнуть родъ Году-

новыхъ съ престола; а потомъ можно было обвинить самозванца, выставить его обманщикомъ, сознаться въ своихъ заблужденіи, и уничтожить его. Но дѣло будетъ совершено. Бориса и рода его не будетъ на престолѣ. А это главное. Родовитость русская слишкомъ оскорблялась тѣмъ, что на престолъ взошла фамилія незнатная, даже не чисто русской, а татарской крови. Это было черезъ чуръ унижительно и для національной чести. Таковы могли быть побужденія и расчеты у тѣхъ, которые выпустили на свѣтъ самозванца.

На это могутъ возразить, что еслибъ такъ было, то бояре тотчасъ бы приняли сторону Димитрія какъ только онъ появился, тогда какъ мы видѣли, что они служили Годуновымъ, помогали имъ въ борьбѣ съ самозванцемъ девять мѣсяцевъ, и уже послѣ смерти Бориса перешли на сторону Димитрія. Это объясняется слѣдующимъ: 1) Главные виновники явленія самозванца были или истреблены Борисомъ и находились или въ могилѣ, или въ изгнаніи; 2) Другіе, если истерпѣли Бориса и готовы были пристать къ Димитрію, не смѣли на это отважиться, потому что не ручались, что за собой потянутъ народную громаду, и выжидали времени, пока имъ Димитрій охватитъ народное воображеніе своею обаятельною сидюю. Наконецъ, 3) Борисъ, пока былъ живъ, удерживалъ повиновеніе къ себѣ тою нравственною силою, какую имѣеть надъ окружающею средою человѣкъ съ сильною волею. Его не стало — и родъ его слетѣлъ съ престола. Следъ обстоятельствъ совершила то, чего хотѣли. Димитрій уничтожилъ Годуновыхъ, и самъ исчезъ какъ призракъ, открывъ за собою страшную пропасть, чуть было не поглотившую Московскаго государства.

На основаніи всего вѣдь наложеннаго мы принимаемъ слѣдующіе выводы.

1) Мнѣніе, что первый назвавшій себя Димитріемъ и Григорию Отрешевъ есть одно и то же лицо, не подтверждается ни несомнѣнными современными свидѣтельствами, ни ходомъ обстоятельствъ того времени.

2) Появление Дмитрія относится къ 7109 году, то есть къ 1600 — 1601 годамъ.

3) Эпоха казней, пытокъ и ссылокъ въ царствованіе Бориса Годунова состоитъ въ связи съ этимъ явленіемъ.

4) Дмитрій былъ орудіе враждебной Борису партіи, хотѣвшей низвергнуть родъ его, а Богданъ Бѣльскій былъ однимъ изъ главныхъ лицъ этой партіи.

5) Дмитрій не былъ обманщикъ, но вѣрилъ въ свое мнимое царственное происхожденіе.

6) Признаніе его сыномъ со стороны матери настоящаго царевича Дмитрія было искренно и легко объясняется душевнымъ состояніемъ этой женщины.

7) Обстоятельства, сопровождавшія явленіе Лжедмитрія, лишаютъ силы предположеніе, что онъ былъ истинный царевичъ.

БЫЛЪ ЛИ

ЛЖЕДИМИТРІЙ І-й

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ?

ВОЗРАЖЕНІЕ

Г. КОСТОМАРОВУ

НА СОЧИНЕНІЕ ЕГО:

КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. А. РОГАЛЬСКАГО И Ко.

1865.

а 41125 P2

Дозволено ценсурою. С.-Петербургъ, 28 ноября 1864 года.

Карамзинъ, оканчивая исторію Лжедмитрія I, говоритъ: Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедмитрія, живаго, мертваго и все еще утвердительно признавали діакономъ Григоріемъ; ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени. (Исторія Государства Россійскаго. Томъ XI. С.-Петербургъ. Въ типографіи Н. Греча, 1824. Страница 321).

Не смотря на то, нашъ извѣстный историческій писатель г. Костомаровъ возбудилъ сомнѣніе о Самозванцѣ.

Онъ самъ на первой страницѣ своего сочиненія говоритъ, что другой историкъ смутнаго времени, Бутурлинъ, выразился такъ: первымъ Лжедмитріемъ въ Россіи былъ Отрепьевъ и противорѣчить еще сему свойственно быlobы только тѣмъ, кои, увлекаясь суетнымъ мудрованіемъ, тщатся опровергать всѣ историческія истины единственно, чтобы мыслить иначе, чѣмъ мыслили ихъ предшественники.

Въ 1858 году, издалъ свой осьмой томъ о Лжедмитріи С. Соловьевъ. Онъ пополнилъ его свѣдѣніями о Лжедмитріѣ I которыя отыскались послѣ Карамзина и Бутурлина.

Соловьевъ, какъ видно изъ разсказа его о Лжедмитріѣ, признаетъ его Гришкою Отрепьевымъ. На страницѣ 84-й онъ говоритъ: «Но принимая это мнѣніе (подстановку самозванца въ Польшѣ), надобно непременно принять, что самозванецъ былъ человекъ воспитанный, подставленный въ польскихъ владѣніяхъ, а не Григорій Отрепьевъ, какъ согласно утверждаютъ всѣ русскія свидѣтельства, отвергнуть которыя чрезвычайно трудно»; а на страницѣ 86-й: «русскія свидѣтельства о походе Григорія Отрепьева, какъ мы видѣли, отвергнуть нѣтъ возможности».

Послѣ Соловьева явились нѣкоторыя данныя о Лжедмитріѣ: между ними три записки временъ Лжедмитрія, изданныя графомъ Ростопчинымъ и нѣкоторыя свѣдѣнія, помѣщенные во Временникѣ Импера-

торскаго Московскаго Общества Исторіи и древностей россійскихъ. Самое любопытное изданіе было: «Иное сказаніе о Самозванцахъ,» помѣщенное во Временникѣ секретаремъ Общества И. Бѣляевымъ; но и это сказаніе было извѣстно Карамзину по хронографамъ.

Карамзина исторія до сихъ поръ есть одна изъ самыхъ добросовѣстныхъ: онъ не хотѣлъ, какъ онъ говоритъ въ исторіи своей о Лжедмитріѣ I, доставлять пищу умамъ, наклоннымъ къ историческому вольнодумству. Кромѣ того, исторія Карамзина чрезвычайно какъ полна; онъ слѣдовалъ правилу, которое высказалъ въ предисловіи къ своей исторіи: не бѣдныя а богатые избирають. Вотъ почему мы въ указаніяхъ нашихъ на сочиненіе г. Костомарова, преимущественно будемъ слѣдовать Карамзину.

Исторія самозванца, бывшаго діакона, удивительна! Однако, изъ какого сословія въ то время вы бы искали человѣка, умнаго, который могъ бы воспользоваться чужимъ именемъ царевича: просвѣщеніе тогда преимущественно было въ рукахъ духовенства. Извѣстно, что самозванецъ принялъ католическую вѣру, къ которой не показывалъ большой привязанности, отвергъ свою и приучился къ шаткости во мнѣніяхъ. Но онъ умѣлъ все скрывать, слѣдственно понималъ искусство лицемерія, которое онъ такъ хорошо выказывалъ съ матерью царевича Дмитрія.

Мы не думаемъ, чтобы Лжедмитрій внутренно былъ убѣжденъ, что онъ былъ истинный царевичъ; хотя другіе могли его увѣрять въ томъ. Развѣ онъ не зналъ свою жизнь и отношенія свои къ родственникамъ, и какъ умный человѣкъ не могъ не видѣть обмана. Сколько обличеній могли навести его на эту мысль и какихъ сильныхъ обличеній! Въ самомъ началѣ своего поприща, онъ, какъ говоритъ Карамзинъ (страница 125-я. Тоже и въ русской лѣтописи по Никонову списку. Часть осьмая, страница 56-я, изд. Акад. Наукъ 1792 г.): «не скромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда чудовскимъ монахамъ: знаете ли, что я буду царемъ на Москвѣ: одни смѣялись, другіе плевали ему въ глаза, какъ вралю дерзкому». Мы считаемъ лицедействіемъ рѣчь его передъ битвою 1604 г. 21 декабря. Вотъ, по Карамзину, слова его: «Всевышній! ты зришь глубину моего сердца. Если обнажаю мечъ не праведно и незаконно, то сокруши меня небеснымъ громомъ. Когда же я правъ и чистъ душею, дай силу неодолимую рукъ моей въ битвѣ! а ты, Мать Божія, буди покровомъ нашего воинства.»

Отважность самозванца доходила иногда до безразсудства, онъ былъ легкомысленъ и наглъ. Прибавьте къ тому любовь къ нему народа, особенно простаго, низость нравовъ тогдашняго времени, даже у бояръ и сердечную доброту, которую нельзя отнять отъ самозванца, и вы въ исторіи его объясните многое; объясните и то, что г. Костомаровъ говоритъ (страница 50-я): «непритворный до неосторожности, онъ по своей природѣ менѣе всего былъ способенъ играть долго роль и обманывать». Вы опровергнете и слѣдующія слова Соловьева: «чтобъ сознательно принять на себя роль самозванца, сдѣлать изъ своего существа воплощенную ложь, надобно быть чудовищемъ разврата, что и доказываютъ намъ характеры (самозванцевъ) начиная со втораго».

Эти слова опровергаются еще и поведеніемъ «Лжедмитрія съ царевной Ксеніей: быть причиною смерти ея отца, матери и брата, и взять ее къ себѣ въ наложницы, это не только что низко, но омерзительно.

Хотя г. Костомаровъ (страница 52-я) говоритъ: «едвали не справедливейше будетъ сказаніе (если пристрастной къ нѣмцамъ, то безпристрастной къ Дмитрію) хроники Буссова (страница 33-я), которая повѣствуетъ, что Дмитрій выразился тогда совсѣмъ не въ опредѣленномъ смыслѣ повелѣнія убить Годуновыхъ: я не могу пріѣхать въ столицу, прежде чѣмъ всѣ мои враги до единого не будутъ оттуда удалены, если уже большую часть ихъ выпроводимъ, нужно чтобъ и Θεодора съ матерью его тоже не оставалось: тогда я пріѣду, буду вашимъ милосерднымъ государемъ». Но мы, заглянувъ въ лѣтопись Буссова или Бера, нашли, что самозванецъ ясно приказалъ убить Θεодора и мать его. Вотъ слова этой лѣтописи: «Дмитрій отвѣчалъ изъ Серпухова, что онъ вступить въ Москву только тогда, когда враги его будутъ истреблены до послѣдняго, и что если Москвитяне хотятъ быть у него въ милости, юный Θεодоръ и мать его должны быть преданы смерти» (Сказаніе современниковъ о Дмитріѣ самозванцѣ Устрялова, изд. третье. Часть 1-я, страница 46-я).

Не выписываемъ здѣсь цѣликомъ страницъ 52-й и 53-й. Пусть читатель заглянетъ въ нихъ, и онъ увидитъ слабость доказательствъ г. Костомарова.

Обстоятельства благопріятствовали самозванцу: не умри Годуновъ во время войны, дѣла, можетъ быть, приняли бы другой оборотъ. Не будь въ то время іезуитовъ и короля Сигизмунда, который имъ былъ

преданъ, самозванецъ не вступилъ бы съ польскимъ войскомъ въ Россію.

Общій смыслъ книжки г. Костомарова видѣнъ изъ выводовъ ея, онъ говоритъ: 1) Мнѣніе, что первый, назвавшій себя Димитріемъ, и Гришка Отрепьевъ есть одно и то же лицо, не подтверждается ни несомнѣнными современными свидѣтельствами, ни ходомъ обстоятельствъ того времени. Это главный вопросъ и на него мы обратимъ вниманіе. 2) Появленіе Димитрія относится къ 7109 году, то есть къ 1600—1601 годамъ. Это мнѣніе высказано Маржеретомъ и принято всѣми и даже, какъ вы думаете, въ трагедіи Лжедимитрій I, въ 10 былинахъ, вѣрной драматической хроникѣ. Оно и то, что въ 1600 году Годуновъ принималъ посла Сапѣгу, и что въ это время Сапѣга, въ Москвѣ, могъ войти въ сношенія о подстановкѣ самозванца, служить завязкою этой драмы. Такого же мнѣнія и Соловьевъ. 3) Эпоха казней, пытокъ и ссылокъ въ царствованіе Бориса Годунова состоитъ въ связи съ этимъ явленіемъ. И въ этомъ никто не сомнѣвается. Маржеретъ говоритъ: «наконецъ съ 1600 года, когда разнеслась молва о Димитріѣ Іоанновичѣ, Борисъ занимался ежедневно только истязаніями и пытками». (Сказаніе современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ. Часть 1-я, страница 292-я). 4) Димитрій былъ орудіе враждебной Борису партіи, хотѣвшей низвергнуть родъ его, а Богданъ Бѣльскій былъ однимъ изъ главныхъ лицъ этой партіи. Замѣчательно мнѣніе о Богданѣ Бѣльскомъ, которое, впрочемъ, отвергаетъ самъ г. Костомаровъ (страница 60-я). О томъ, что Димитрій былъ орудіемъ враждебной Борису партіи говоритъ Буссовъ. Карамзинъ упоминаетъ объ этомъ (страница 43-я), только тамъ же онъ говоритъ, что бояре ничего не знали о Лжедимитріѣ. Это есть главная ошибка Карамзина во всей его исторіи о Лжедимитріѣ. 5) Димитрій не былъ обманщикъ, но вѣрилъ въ свое мнимое царственное происхожденіе. Мнѣніе это мы опровергали выше. Этотъ вопросъ развивалъ Соловьевъ въ своей исторіи. Любопытно, что Шиллеръ на такомъ же предположеніи основалъ свою трагедію «Лжедимитрій». Довольно странны слова г. Костомарова по этому предмету. На страницѣ 55-й онъ говоритъ: его (самозванца) предпочтеніе иноземныхъ пріемовъ жизни, естественное въ молодомъ Москвитанинѣ, который ознакомился съ болѣе цивилизованнымъ бытомъ, его религіозный либерализмъ, допустившій равенство вѣроисповѣданій, его неуваженіе къ старымъ предразсудкамъ, позволявшее ему не ходить въ баню и

ѣсть телятину, и все что навлекло на него укоры отъ приверженцевъ старины, также показываютъ въ немъ человѣка, глубоко сознаващаго свое царское происхожденіе, свое право. 6) Признаніе его сыномъ со стороны матери настоящаго царевича Димитрія было искренно и легко объясняется душевнымъ состояніемъ этой женщины. Сомнительно, чтобы признаніе его не своею матерью было искренно. Развѣ въ томъ смыслѣ, что она желала этого. Послѣдній 7-й выводъ говорить, что обстоятельства, сопровождавшія явленія Лжедимитрія, лишаютъ силы предположеніе, что онъ былъ истинный царевичъ. Въ этомъ также нѣтъ никакого сомнѣнія. (Г. Костомаровъ, страницы 58, 59, 60, 61 и 62-я). Мы прибавимъ еще, что къ нравственнымъ доказательствамъ, что Лжедимитрій былъ самозванецъ, можно бы присоединить и физическія: самозванецъ былъ рыжій и имѣлъ лицо блѣлое, между тѣмъ какъ Шуйскій (въ грамотѣ своей въ Пермь великую изъ Москвы 1606 года, іюня, помѣщенной въ исторіи смутнаго времени Бутурлина, страница 9-я) говорить: что у царевича князя Дмитрея Ивановича: власы цѣлы, чермны. Другіе тоже подтверждаютъ. Карамзинъ (страницы 316 и 317-я) говорить: «1) Голландскій Аптекарь Арендъ Клаузендъ бывъ 40 лѣтъ въ Россіи, служивъ Іоанну, Теодору, Годунову, Самозванцу, и лично зная, ежедневно выдавъ Димитрія во младенчествѣ, сказывалъ мнѣ (пасторъ Беръ) утвердительно, что мнимый царь Димитрій есть совсѣмъ другой человѣкъ, и не походитъ на истиннаго, имѣвшаго смуглое лицо и всѣ черты матери, съ которою самозванецъ ни мало не сходствовалъ. 2) Въ томъ же увѣряла меня Ливонская плѣнница, дворянка Тизенгаузенъ, освобожденная въ 1611 году, бывъ повивальною бабкою царицы Маріи, служивъ ей днемъ и ночью, не только въ Москвѣ, но и въ Угличѣ—непрестанно выдавъ Димитрія живаго, видѣвъ и мертваго.»

Переходимъ къ подробностямъ книжки г. Костомарова. Начнемъ съ отношенія самозванца къ царицѣ матери. Вотъ какъ г. Костомаровъ говорить объ этомъ: «По пріѣздѣ своемъ въ Москву, кого послалъ онъ за нею? Михаила Скопина Шуйскаго, родственника Василя и его братьевъ. Какъ же это обманщикъ, чувствующій, что онъ не Димитрій, посылаетъ за матерью настоящаго Димитрія, которая должна окончательно рѣшить, сынъ ли онъ ея, или нѣтъ, — посылаетъ человѣка близкаго по крови и по связямъ къ тѣмъ, которыхъ только что осудили за обличенія его въ самозванствѣ! Какъ не вошло въ нему опасеніе, чтобы таковой посолъ не настроилъ въ против-

номъ для него духъ женщину, предъ которою онъ долженъ играть сына?» Будемъ отвѣчать, что, не разбирая родственныхъ отношеній Шуйскихъ, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій могъ быть отправленъ въ царицѣ Марфѣ прежде осужденія Василя Ивановича Шуйскаго. Да и Карамзинъ въ примѣчаніи 406-мъ положительно говоритъ объ осужденіи Василя Ивановича Шуйскаго: «не іюня 25, какъ означено въ хронографахъ, и не 10 іюля, какъ въ Исторіи Де-Ту: ибо ковъ Шуйскаго открылся уже послѣ самозванцева коронованія: см. Маржерета 127». А коронованіе, мы скажемъ, совершилось уже по приѣздѣ царицы Марфы въ Москву. Соловьевъ, на страницѣ 117-й говоритъ: «источники разногласятъ въ названіи лицъ, которыя убѣдили Лжедмитрія помиловать Шуйскаго: одни называютъ бояръ, другіе поляковъ, и именно секретаря царскаго, Бучинскаго, нѣкоторые Афанасія Власьева; извѣстія, что убѣдила царица Марфа, мы принять не можемъ, ибо ея не было тогда въ Москвѣ». Мы бы хотѣли знать на чемъ основывается Соловьевъ, не ввело ли его въ заблужденіе «Иное сказаніе о самозванцахъ», гдѣ на страницѣ 30-й сказано: «въ понедѣльникъ же іюля 25 день повелѣ святого великаго боярина посредѣ града смерти предати, мечемъ главу ему отсѣкнуть предъ всѣмъ множествомъ народа», и гдѣ увѣряютъ, что Шуйскій былъ схваченъ въ третій день по приходѣ самозванца въ Москву, 23 іюня. Но въ этомъ же «Иномъ сказаніи о самозванцахъ», на страницѣ 33-й, день убіенія Лжедмитрія I вмѣсто 17-го мая показанъ 18. Далѣе г. Костомаровъ продолжаетъ: «какъ рѣшился обманщикъ, безъ предварительныхъ совѣщаній, вызвать эту женщину.» Вотъ что Карамзинъ говоритъ объ этомъ (страница 220-я): «уже самозванецъ около мѣсяца властвовалъ въ Москвѣ, а народъ еще не видалъ царицы инокини, хотя она жила только въ пяти стахъ верстахъ отсюда: ибо Лжедмитрій не могъ быть увѣренъ въ ея согласіи на обманъ, столь противный святому званію инокини и материнскому сердцу. Тайныя сношенія требовали времени: съ одной стороны представили ей жизнь царскую, а съ другой муки и смерть; въ случаѣ упрямства, страшнаго для обманщика, могли задушить несчастную—сказать, что она умерла отъ болѣзни или радости, и великолѣпными похоронами мнимой государевой матери успокоить народъ легковѣрный. Вдовствующая супруга Іоаннова, еще не старая лѣтами, помнила удовольствія свѣта, двора и пышности, 13 лѣтъ плакала въ униженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ—и не усомнилась въ выборѣ». А вотъ и 380-е

примѣчаніе изъ его исторіи, въ грамотѣ царицы Марфы къ воеводамъ (въ собраніи Г. грамотъ, II, 307): «онъ (самозванецъ), вѣдая свое воровство, по насъ Вел. Государыню, не послалъ многое время, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того беречи на крѣпко, чтобъ къ намъ никто не приходилъ.... А какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привезти, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, и иныхъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ прещеніемъ, чтобъ мнѣ его не обличати, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убивствомъ», и проч. Потомъ г. Костомаровъ продолжаетъ: «когда она (царица Марфа) прибыла въ Москву, онъ (Лжедимитрій) выѣхалъ къ ней на встрѣчу при многочисленномъ стеченіи народа, бросился ей на шею, какъ къ матери, плакалъ и обнималъ ее, шелъ возлѣ ея кареты, всѣ это видѣли, и никто не сомнѣвался, что онъ сынъ ея». А между тѣмъ, мы отвѣтимъ г. Костомарову, что онъ не былъ сынъ ея. О томъ же, что Лжедимитрій наединѣ въ шатрѣ грозилъ Марфѣ смертнымъ убійствомъ, г. Костомаровъ говоритъ (страница 54-я): «что это выдуманно Шуйскими и что современники, описывающіе это событіе, не видѣли никакого шатра. (Паэрле 34. Bussov 37. Ciampi Notizie 120. Inno Petricii 83. Никоновск. 74)». Мы скажемъ, что на шатеръ могли не обратить вниманія. Отрицательныя доказательства, почему объ этомъ не упоминаютъ писатели, почему они того не видѣли, нельзя всегда считать достовѣрными.

Почему же исторія о шатрѣ выдуманна Шуйскими? Карамзинъ, примѣчаніе 383, утверждаетъ, что былъ шатеръ; Соловьевъ такъ же. Да и скорѣе можно предполагать, что былъ шатеръ. Свиданіе было лѣтомъ, могли быть жаръ, пыль, дождь, не останавливаться же въ куриной избѣ. Г. Костомаровъ продолжаетъ: «смертнымъ убійствомъ грозить могла скорѣе она ему, чѣмъ онъ ей. Одного ея слова было достаточно, чтобъ уничтожить его. Стоило Марфѣ, обратясь къ народу, произнести: это не мой сынъ, это обманщикъ! ни чтобы не спасло его». Можно ли принять это сужденіе, когда мы знаемъ, какая слабая женщина была Марфа, притомъ ей возвращали царское достоинство и мстили врагамъ ея Годуновымъ.

На страницѣ 55-й и слѣдующей, г. Костомаровъ пишетъ: «какъ же въ самомъ дѣлѣ понимать отношеніе къ нему инокини Марфы? Притворялась ли она? Сомнѣваемся». А какъ же иначе понимать, г. Костомаровъ? безъ сомнѣнія она притворялась, волею или неволею.

Далѣ г. Костомаровъ говоритъ: «когда тѣло убитаго царя волокли мимо ея монастыря, ее спрашивали: твой ли это сынъ? Она не отвѣчала: не мой, это обманщикъ. Она отвѣчала загадочно: спрашивать было меня объ этомъ пока онъ былъ живъ; теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой. (Hist. Russ. monum. II. 119). Это изрѣченіе вообще двусмысленное, можно объяснить и такъ, что она сомнѣвалась и сама себѣ не могла дать отчета: точно ли онъ сынъ ея, или нѣтъ». Напрасно такъ говоритъ г. Костомаровъ, она никакимъ образомъ не могла сомнѣваться сынъ ли онъ ея или нѣтъ. Мать лучше всѣхъ въ мірѣ можетъ удостовѣрить кто ея сынъ. Надобно замѣтить, что Вознесенскій дѣвичій монастырь, гдѣ жила царица, очень не далекъ отъ дворца въ Кремлѣ. Марфа въ началѣ возмущенія противъ самозванца могла явиться къ нему, если бы онъ былъ сынъ ея. Въ Спасскіе ворота, мимо этого монастыря, шли заговорщики, шумъ былъ слышенъ и въ монастырѣ. Г. Костомаровъ продолжаетъ: «послѣ убійства Лжедмитрія, есть извѣстіе, что Марфа, во время перенесенія мощей ея дѣйствительнаго сына, всенародно каялась въ томъ, что признавала разстригу своимъ сыномъ и объявила, что онъ никакъ не былъ сынъ ея, а сынъ теперь сопричтенъ къ лику святыхъ. Въ обоихъ показаніяхъ Марфа могла быть искренна». Какимъ же образомъ, г. Костомаровъ, она могла быть искренна? Какое нибудь изъ двухъ положеній ложно. Мы не можемъ всего выписывать, покажемъ только на этой страницѣ и на слѣдующихъ несообразности въ нѣкоторыхъ строкахъ. Напримѣръ: «событія прошедшія могли ступеваться въ памяти этой странницы запуганной, замученной». Такія событія не пропадаютъ изъ памяти, г. Костомаровъ. «Ей говорили, что сынъ ея подмѣненъ и живъ; ея сердцу было пріятно если бы такъ было; и она поддавалась этому обаянію и мѣшались въ ней вѣра съ сомнѣніемъ». Нѣтъ, г. Костомаровъ, царица знала своего сына. «На старости лѣтъ она отдыхала, прежнія, угасшія въ царственномъ величіи сомнѣнія ожили и сдѣлались въ свою очередь вѣрою». Отвѣчаемъ, что она не была стара и сомнѣнія не могли превратиться въ вѣру.

Но довольно. Посмотримъ на отношенія самозванца къ его дядѣ и къ его истинной матери Варварѣ. Г. Костомаровъ говоритъ (страница 1-я): «изъ сношенія нашихъ бояръ съ польскими послами уже черезъ полтора года послѣ воцаренія Шуйскаго видно, что тогда бояре указывали, будто въ 1604 году посылали для обличенія само-

званца дядю Гришки Отрепьева — Смирного-Отрепьева къ панамъ, требуя очной ставки съ племянникомъ; но паны не допустили его до этого. Въ отвѣтъ на это польскіе послы уличали ихъ и объяснили, что Смирной-Отрепьевъ пріѣзжалъ совсѣмъ по другимъ дѣламъ, съ двумя грамотами: одна была къ воеводѣ виленскому съ жалобою, что не посланы судьи со стороны короля для разбора дѣлъ о грабежахъ и пограничныхъ недоразумѣніяхъ, и другая къ литовскому канцлеру о томъ, что вопреки прежнимъ обычаямъ, берутъ съ московскихъ купцовъ новые поборы. О личности же Дмитрія не было ни слова; и даже самъ Смирной не сказался, чѣмъ онъ былъ посланъ—посланникомъ или гонцомъ, какъ всегда дѣлалось; а въ другой изъ грамотъ не упомянуто было и его имя. Какъ же можно, говорили поляки, чтобы Смирной, съ такими грамотами, присланный о другихъ совершенныхъ дѣлахъ, могъ домогаться очной ставки съ Дмитриемъ, котораго вы называете сыномъ его брата! Еслижъ бы онъ и домогался, то нельзя было ему повѣрить, когда въ грамотѣ объ немъ не написано. Сверхъ того вы сами говорите, что посылали Смирного тогда уже, когда воръ пошелъ въ Сѣверскую землю; то какъ же вамъ было искать его въ чужомъ государствѣ? Если бы вы хотѣли добра вашему царю Борису, то слѣдовало бы, какъ только вѣсть разнеслась о ворѣ, тотчасъ же снести съ королемъ и съ сенаторами, писать объ этомъ съ точностію и представить очевидное свидѣтельство; а то вы прислали Смирного съ порученіемъ о другомъ совсѣмъ предметѣ—о дѣлахъ пограничныхъ, стоящихъ какихъ нибудь нѣсколькихъ рублей, о такомъ же важномъ дѣлѣ не поручили ему ни слова». Все это представлено ясно даже въ упомянутой трагедіи «Лжедмитрій» въ 10 былинахъ. Можетъ показаться страннымъ, что мы относимся къ этой трагедіи, но мы убѣждены въ томъ, что еще у насъ не было драматическаго сочиненія, гдѣ бы такъ подлинно была воспроизведена исторія. Но только въ томъ дѣло, что изобличеніе самозванца Смирнымъ-Отрепьевымъ представлено въ этой драмѣ полнѣе нежели у г. Костомарова. Тамъ показано право, которое имѣлъ Смирной-Отрепьевъ изобличать своего племянника; упомянуто, что отецъ самозванца былъ давно убитъ, что мать его вышла за-мужъ за другаго и что онъ воспитывался у Смирново-Отрепьева, какъ говоритъ объ этомъ Жолѣвскій въ своей рукописи (Начало и успѣхъ московской войны, помещенной въ Библіотекѣ для чтенія, Томъ X. Отд. III, страница 6-я), слѣдующими словами: «Князь Василій Шуйскій, собравъ всѣхъ, долго

говорилъ имъ, доказывая и удостовѣряя обманъ Гришки. Въ то время былъ тамъ и Гришкинъ родной дядя, у котораго по смерти своего отца воспитывался (Гришка). Г. Костомаровъ на страницѣ 3-й продолжаетъ: «эта протестація поляковъ заслуживаетъ вѣроятія, потому, что панамъ не было необходимости въ этомъ случаѣ говорить неправду. Если бы Смирной пріѣхалъ съ порученіемъ о самозванцѣ, они бы все равно не могли удовлетворить его, и слѣдовательно нечего было и записывать, что не знали такого порученія. При томъ же они не запирались, что постникъ Огаревъ, вслѣдъ за Смирновымъ, а можетъ быть и въ одно время пріѣзжавшій въ Польшу, имѣлъ порученіе о Димитріи». Но почему г. Костомаровъ не упоминаетъ о другомъ свидѣтельствѣ, о которомъ говоритъ Карамзинъ въ примѣчаніи 601-мъ «такъ дядя Лжедимитрія, Смирной-Отрепьева, увѣрялъ въ Швеціи самого Карла IX, что сей обманщикъ былъ дѣйствительно сынъ его брата, Якова Богданова Отрепьева, шалунъ, неисправленный монашествомъ, что онъ бѣжалъ въ Литву, научился тамъ всему нужному для воина и по совѣту злыхъ людей, особенно какого-то инокъ, вздумалъ назваться Димитріемъ. Такъ говорилъ Смирной уже послѣ смерти разстриги. (См. Петрея 371).

Чтоже относится до свидѣтельства матери Гришки Отрепьева, то Авраамій Палицынъ говоритъ (Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря. Изданіе второе. Москва 1822 г., страница 24-я): «Тогда же не токмо родъ его Галичане вси обличаху, но и мати его Богданова жена, Отрепьева вдова Варвара, и съ сыномъ своимъ, съ его Григорьевымъ братомъ, и съ дядею Смирнымъ Отрепьевымъ такожде обличаху, и дядя его въ Сибирь посланъ много пріимъ озлобленія.» Г. Костомаровъ про это обличеніе говоритъ (страница 14-я): «важнѣе было бы свидѣтельство, будто самозванца обличали Отрепьевымъ мать Отрепьева Варвара, его дядя и его братъ. Но объ этомъ только и говоритъ одинъ Авраамій Палицынъ, тогда какъ всѣ самые враждебные самозванцу лѣтописцы и официальные извѣстія не упоминаютъ объ этомъ ничего; тогда какъ это было бы самымъ важнѣйшимъ укоромъ ему въ самозванствѣ». Нѣтъ, г. Костомаровъ, не одинъ Авраамій Палицынъ упоминаетъ объ этомъ обличеніи. Вотъ что сказано (Карамзинъ, примѣчаніе 410-е) въ «Legende» страница 25: «Лжедимитрій, будучи родомъ изъ Галича, велѣлъ посадить тамъ въ темницу мать свою съ ея вторымъ мужемъ и до шестидесяти родственниковъ.» Въ Степен. книгѣ Латухина и въ Морозов. Лѣт. повторено сказаніе Аврааміева: въ первой при-

бавлено, что самозванецъ въ третій день своего воцаренія уже былъ .. обличаемъ родственниками. У Карамзина, на страницѣ 232-й сказано: «тогда же разгласилось въ Москвѣ и свидѣтельство многихъ Галичанъ, единоплеменъ и самыхъ ближнихъ Григорія Отрепьева: дяди, брата и даже матери, добросовѣстной вдовы Варвары: они видѣли его, узнали и не хотѣли молчать». Г. Костомаровъ утверждаетъ, что «несообразность извѣстія Аврамія Палицына усиливается еще болѣе оттого, что Аврамій говорить, будто это обличеніе произошло до суда надъ Шуйскимъ. Судъ произошелъ черезъ нѣсколько дней послѣ Димитріева воцаренія. Слѣдовательно, обличеніе Отрепьева его семьею происходило бы тотчасъ по вступленіи самозванца въ Москву: это было до того поразительно, что не могло остаться ни кѣмъ незамѣченнымъ, кромѣ одного человѣка и то писавшаго исторію много лѣтъ спустя послѣ того какъ происходило то, что онъ описывалъ». Повѣримъ это мнѣніе г-на Костомарова. Вслѣдъ за приведенными нами словами Аврамія Палицына, онъ продолжаетъ: «мученицы же новіи явльшеся тогда, дворянинъ Петръ Тургеневъ, да Ѳедоръ Колачникъ безъ боязни того обличаху, имъ же по многихъ мучахъ главы отсѣкоша среди царствующаго града Москвы. Той же Ѳедоръ ведомъ къ посѣченію, вопіаше всему народу: се пріяли есте образъ антихристовъ, и поклонисшеся посланному отъ сатаны, и тогда разумѣете, егда вси отъ него погибнете. Москвичи же ругахуса ему, и по дѣломъ судъ тому быти глаголюще такоже и Петрову казнь ни вочтоже вмѣниша и вскорѣ по нихъ и князь Василій Ивановичъ Шуйскій на плаху осудися за ево обличеніе». Мы предоставляемъ читателямъ судить къ кому относятся слова: «и вскорѣ по нихъ» къ Тургеневу и Колачнику, или къ матери Гришки Отрепьева, и нѣтъ ли здѣсь нѣкоторой натяжки? При томъ же мы скажемъ г. Костомарову, что если приговоръ Шуйскаго состоялся послѣ прибытія царицы Марфы въ Москву, которая просила о помилованіи Шуйскаго, что и надобно полагать вопреки Соловьеву, то и несообразность обличенія матерью Варварою сына своего Гришки тотчасъ при вшествіи его въ Москву, сама собою уничтожается. Какъ ни важно свидѣтельство матери, но мы отдаемъ предпочтеніе обличенію дяди самозванца, у котораго, какъ мы сказали, онъ жилъ съ юности и воспитывался. Мать могла жалѣть его и бояться за себя.

Карамзинъ примѣняетъ къ царицѣ Марфѣ слѣдующія слова (страница 313-я): «геройство знаменитой жены лигурійской, которая

скрывъ сына отъ ярости непріятелей, на вопросъ, гдѣ онъ? сказала: здѣсь, въ моей утробѣ, и погибла въ мукахъ, не объявивъ его убій-
жища—сіе геройство, прославленное римскимъ историкомъ, трогаетъ,
но не изумляетъ насъ: видимъ мать! Не удивились бы мы также,
если бы и царица инокиня, спасая истиннаго Дмитрія, бинулась
на копья Москвитянъ съ восклицаніемъ: онъ мой сынъ.» Эти слова
Карамзина, замѣтимъ мы, скорѣй можно приписать матери Варварѣ:
могла ли она изобличать сына и царя, чтобы, можетъ быть, его
изорвали въ куски въ ее глазахъ. Подлежитъ ли сомнѣнію свидѣ-
тельство слабой женщины гласное, хотя и не громкое.

Будемъ говорить о другихъ обличеніяхъ. Можетъ быть (страница
15-я) Тургеневъ и Колачниковъ не называли самозванца Гришкою,
но не называли потому, что русскіе обращали болѣе вниманія на
то, что онъ позволялъ оскорблять православную вѣру іезуитамъ и
полякамъ, пренебрегалъ русскими обычаями, да и всѣ были увѣрены,
что онъ былъ Гришка Отрепьевъ, что и не хотѣли доказывать этого.
Аврамій Палицынъ говоритъ (страница 23-я): «той же чернецъ по
его (Годунова) смерти тогожде лѣта на царство его восходить, нари-
цаемая Дмитрій, отъ многихъ же знаемъ, яко Григорей чернецъ».
Въ другомъ мѣстѣ (страница 27-я), онъ продолжаетъ: «отъ злыхъ
же враговъ казаковъ и холопей вси умніи токмо плачуще, слова же
рѣчи не смѣюще. Аще бо на кого нанесутъ, яко ростригою нари-
цаютъ это, и той человекъ безвѣстно погибаетъ, и во всѣхъ градѣхъ
россійскихъ, и въ честныхъ монастырѣхъ, и мірстѣи и иноцы мнози
погибоша, овѣи заточеніемъ, овѣмъ же рыбная утроба вѣчный гробъ
бысть». «Въ Legende 6,» говорится: «on n'a depuis lors (послѣ ссылки
Шуйскихъ) entendu parler journellement autre chose, que des tra-
hisons et toutes sortes de conspirations, de quoy se sont entre-
suivies tant de tortures, flagellations, disgraces, relegations, confi-
scations.... que c'estait un cas estrange de les ouyr». Сколько же
было людей, которые изобличали Гришку Отрепьева? Но самое ра-
зительное изобличеніе было отъ дьяка Осипова. Вотъ какъ это опи-
сываетъ Аврамій Палицынъ (страница 29-я): «нѣкто отъ чина вель-
можска, дьякъ Тимоѣей Осиповъ нарицаемъ мужъ благочестивъ обра-
зомъ и правомъ. Той же добродѣтельный мужъ видѣ многа зла тво-
рима ростригою съ совѣтники его. Къ симъ же еще несвойственное
и великое имя на себе привлече человекъ тлѣннъ и всегда страстями
побѣждаемъ вѣшними и внутренними, а непобѣдимымъ цесаремъ

нарицаешься, и яко Богу противна являетъ себе; ревность по Бозѣ примѣ Тимошей, и въ дому своемъ постъ и молитву со слезами къ Богу принесе, и причастився честныхъ и животворящихъ таинъ пречистаго Тѣла и Крови Христа Бога нашего, и пришедъ въ полаты цареви со дерзновениемъ предъ всѣми ростригу обличивъ, яко ты, рече, во истенну Гришка Отрепьевъ рострига». Г. Костомаровъ (страница 52-я) отзывается объ Осиповѣ такъ: «говорятъ еще о дьякѣ Тимошеѣ Осиповѣ, который исповѣдавшись, причастившись, пошелъ обличить разстригу и принялъ мученическую смерть. Но это событіе произошло въ день смерти Лжедмитрія, какъ указываетъ хронографное описаніе (четыре сказанія, 17). По сопоставленіи съ хроникой Буссова, дьякъ Осиповъ, который по сказанію хронографа «абіе ту изсѣченъ бысть саблями», есть тотъ самый смѣлый «бояринъ», который по извѣстію Буссова, прежде чѣмъ нахлынула на дворецъ толпа заговорщиковъ, прибѣжалъ къ Лжедмитрію съ требованіемъ выходить давать отвѣтъ народу и былъ изрубленъ имъ самимъ». Нѣтъ, г. Костомаровъ, это очень смѣлое предположеніе! Хорошо если противъ такого извѣстнаго писателя какъ г. Костомаровъ можно привести, кромѣ своего мнѣнія, опроверженіе другаго знаменитаго историка. Карамзинъ (примѣчаніе 460) говоритъ: «въ сказаніи же содѣяся, не-справедливо отнесено убіеніе Осипова къ послѣдному дню Разстригиной жизни». Мы скажемъ, что Осиповъ не такъ поступилъ какъ Чудовскій игуменъ Пафнутіи, о которомъ упоминаетъ г. Костомаровъ на страницѣ 18-й. Аврамій Палицынъ о немъ говоритъ (страница 25-я): «а вси знающе, яко Григорій Чернецъ, якопаче же Пафнотіи Митрополитъ Крутицкій, при немъ бо въ Чудовѣ монастырѣ на крылаѣ стоялъ, и у Патріарха Іова болѣ года во дворѣ былъ служа писмомъ, и за свое еретическое воровство отъ него збѣжа въ Литву». Г. Костомаровъ объ этомъ судить такъ, что (страница 18-я) «если Пафнутіи не имѣлъ на столько гражданскаго мужества, чтобы обличить разстригу, когда послѣдній былъ въ силѣ, то, конечно, могъ имѣть на столько малодушія, чтобы говорить про него на обумъ тогда, когда прахъ его развѣяли по вѣтру, а память предали проклятію». Мы скажемъ, что Пафнутіи не имѣлъ гражданскаго мужества, но что весьма можетъ быть, что онъ не говорилъ на обумъ. Петрей говоритъ: «едва Гришка Отрепьевъ былъ коронованъ, явился въ Кремлѣ одинъ монахъ изъ того самаго монастыря, откуда бѣжалъ обманщикъ, и всенародно говорилъ, что онъ прежде зналъ новаго

царя, что этот царь не сынъ Іоанна Васильевича, а Гришка Отрепьевъ (Griska Trepeja), бѣглець обманщикъ; увѣрялъ, что самъ училъ его чтенію и письму, что знаетъ его родину, его отца и мать; знаетъ, почему родня посадила его въ монастырь, какъ долго тамъ онъ былъ и когда скрылся. Народъ, услышавъ такія рѣчи, схватилъ монаха и представилъ царю. Чернецъ не испугался, говорилъ тоже самое, и смѣло называлъ Димитрія обманщикомъ. Его казнили мучительною смертію, безъ всякаго изслѣдованія: *правда глаза колетъ*. (Сказанія современниковъ о Димитріи самозванцѣ. Часть 1-я, страница 386-я). Въ Исторіи Карамзина это обличеніе подтверждается хронографами и «Legende» 6 и 25, гдѣ сказано, что Лжедимитрій никогда не хотѣлъ заглянуть въ Чудовъ монастырь, опасаясь, чтобы тамошніе иноки его не узнали (Исторія Карамзина, примѣчаніе 404-е). Въ сказаніи и повѣсти еже содѣяся и проч., помѣщенной во Временникѣ Д. Ч. О. Бодянскимъ въ 1847 г., на страницѣ 18-й говорится: «и того же году 114, предъ Рождествомъ Христовымъ, уразумѣша мнози люди Бояре и Дворяне, что не прямой царевичъ, Димитрей Ивановичъ, но воръ Гришка Отрепьевъ Разстрига». Въ «Иномъ сказаніи о самозванцахъ», гдѣ положительно сказано: что Лжедимитрій былъ Гришка Отрепьевъ, на страницѣ 10-й говорится: «и егда жителство имый въ царствующемъ градѣ Москвѣ узнаемъ быше многими отъ мирскихъ челоувѣкъ такожь и отъ властей и отъ многихъ инокъ». Страница 30-я: «и начаша Московстїи людїе знающе его мнози познавати его».

Г. Костомаровъ говоритъ (страница 18-я): «Въ минуту его (Гришки Отрепьева) убійства, заговорщики, взявши его съ фундамента Борисова дома, внесли во дворецъ и стали допрашивать «говори ето ты таковъ? ето твой отецъ?» Не показываетъ ли этотъ вопросъ, что заговорщики не знали совершенно, что онъ Гришка Отрепьевъ; иначе за чѣмъ спрашивать его. Тогда они бы прямо обличили бы его, что онъ Гришка. Валуевъ, передъ тѣмъ какъ застрѣлилъ его, сказалъ: «и вотъ я благословлю этого польскаго свистуна». Это выраженіе какъ будто показываетъ, что Валуевъ считалъ его полякомъ, а не Гришкою Отрепьевымъ. Такія черты свидѣлствуютъ, что враги, считая его самозванцемъ, не имѣли несомнѣнной увѣренности, что онъ Гришка Отрепьевъ». Отвѣчаемъ, что хотя нѣкоторые могли предлагать такіе вопросы, но многіе знали, что онъ Гришка Отрепьевъ. Валуевъ же въ немъ видѣлъ приверженца поляковъ. А что самозва-

нецъ не сознался, тому недавно мы видѣли примѣръ въ Англіи, въ преступникѣ (Мюллерѣ), который не признавался до послѣдней минуты жизни. Кромѣ того, Лжедмитрій былъ увѣренъ, что послѣ его признанія русскіе не простятъ ему. Г. Костомаровъ на страницѣ 19-й пишетъ: «почему не вынесли его на площадь, не призвали ту, которую онъ называлъ матерью? Почему не изложили передъ народомъ своихъ противъ него обвиненій? Почему, наконецъ, не призвали матери, братьевъ и дядю Отрепьева, не дали имъ съ царемъ очной ставки и не уличили его? Почему не призвали архимандрита Пафнутія, не собрали чудовскихъ чернецовъ и вообще всѣхъ знавшихъ Гришку и не уличили его?» На это можно сказать, что народъ былъ раздраженъ; но если бы онъ былъ хладнокровнѣе, то безъ сомнѣнія любопытно было бы знать всю судьбу самозванца. Онъ самъ прежде долженъ былъ представить объясненія о себѣ. Карамзинъ говоритъ (страница 312-я): «если разстрига не былъ самозванцемъ, то, для чего онъ, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству, знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной, для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ въ теченіи двѣнадцати или тринадцати лѣтъ. Никакою безпечностію невозможно изяснить столь важнаго упущенія.» Прибавимъ еще нѣкоторыя доказательства, что самозванецъ былъ Гришка Отрепьевъ.

Устряловъ (Сказанія современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ, часть первая, страница 406-я) пишетъ: о родѣ и племени самозванца, представлено было въ послѣдствіи, въ декабрѣ 1606 года, польскимъ сенаторамъ слѣдующее обстоятельное извѣстіе посломъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, княземъ Волконскимъ:

«Онъ (самозванецъ) былъ не царевичъ Димитрій, но богоотступникъ, еретикъ, чернецъ, разстрига, Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, а въ мірѣ его звали Юшкомъ (Юріемъ). Дѣдъ его Замятна былъ постриженъ въ Чудовъ монастырь, а отца его, Богдана, зарѣзалъ Литвинъ на Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ. А онъ Юшка былъ въ холопѣхъ у бояръ у Никитиныхъ дѣтей Ромаповича, и у князя Черкаскаго, и заворовался, постригся въ чернцы, и былъ въ черцахъ въ Суздалѣ, въ Спасскомъ Еоимьевѣ мопастырѣ, и въ Галичѣ у Ивана Предтечи, и по инымъ мопастырямъ, а послѣ того былъ въ Чудовѣ монастырѣ въ дьяконѣхъ съ годъ, а оставилъ его въ дьяконы Іовъ патріархъ Московскій и вся Руссія; а потомъ взялъ его

къ себѣ Іовъ патріархъ Московскій для письма, и онъ учалъ воровать и безчинствовать, и впалъ въ еретичество, и за тѣ его богомерзкія дѣла съ собору хотѣли сослать въ заточенье на смерть, и онъ, злокозненный врагъ, свѣдавъ о томъ, сбѣжалъ въ Литву въ Кіевъ, и былъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ и въ Никольскомъ и въ Дерманѣ монастырѣ въ дьяконѣхъ же: и послѣ того тотъ воръ, по дьявольскому ученью, отвергся христіанскія вѣры, образъ ангельскій испоругалъ, чернеческое платье съ себя свергъ, и по вражью совѣту своимъ злодѣйнымъ обычаемъ и по умысленію Сендомирскаго воеводы и Вишневецкихъ и иныхъ, которые ему совѣтовали, злочестивый и скаредный свой языкъ на злодѣйское дѣло извострилъ, учалъ называться блаженный памяти великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи сыномъ, царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ». (Собр. Госуд. Грам. II, стр. 322).

Но если доказательства историческія должны быть основаны не на умствованіяхъ, а на свидѣтельствѣ людей, заслуживающихъ довѣріе, то избраніе на престолъ дома Романовыхъ намъ кажется неопровержимымъ доказательствомъ, что самозванецъ былъ Гришка Отрепьевъ.

Русскіе, утомленные смутами, рѣшились избрать царя, и чтобы дѣйствовать по совѣсти, наложили трехдневный постъ. Въ Москву съѣхались выборные, люди самые уважаемые въ государствѣ. Многіе изъ нихъ были очевидцами тогдашнихъ событій и участвовали въ нихъ. Въ избирательной грамотѣ они говорятъ, что самозванецъ былъ Гришка Отрепьевъ: они бы могли и выпустить эти слова, все уже кончилось и къ чему было обманывать Россію и потомство? Нужды въ этомъ тѣмъ болѣе не было, что Романовыхъ самозванецъ считалъ своими родственниками и благодѣтельствовалъ имъ.

Переходимъ къ дѣлу Шуйскаго и монаха Леонида.

Изъ всего, что г. Костомаровъ рассказываетъ о Шуйскомъ на 15, 16, 17 и слѣдующихъ страницахъ, намъ любопытно только знать, въ чемъ г. Костомаровъ находитъ слабыя обличенія Шуйскаго. Онъ говоритъ: «надобно обратить вниманіе, что судъ надъ Шуйскими былъ совершенъ боярами и выборными изъ всѣхъ сословій, слѣдовательно Лжедимитрій сильно рисковалъ тогда, передавая собственное дѣло на обсужденіе націи. Значить, онъ былъ твердо увѣренъ, что невозможно доказать, что онъ Гришка Отрепьевъ. По свидѣтельству нашихъ и иностранныхъ историковъ, тогда никто не оправдалъ Шуй-

скаго, никто не изъявлялъ подозрѣнія, что царь не Димитрій, а Гришка. Еслибъ были явныя улики, явились бы свидѣтельства, и царь не усидѣлъ бы на престолѣ. Этотъ судъ собора, созваннаго изъ всѣхъ сословій, фактически былъ для Димитрія законнымъ признаніемъ всей страны. Дѣло его было обсуждаемо и порѣшено въ его пользу. Онъ былъ въ рукахъ враговъ своихъ какъ нельзя болѣе; они имѣли всякую возможность обличить его, еслибъ могли; а когда не обличили, то значитъ не было у нихъ надлежащихъ доказательствъ. Кого и чего могли бояться члены собора? Польскаго отряда, подерживавшаго царя? Всего въ городѣ было нѣсколько ротъ, проводжавшихъ его; не могли же они защищать его отъ цѣлой націи. Положимъ: прежде, изъ ненависти къ Борису и его фамиліи, могли иные насильно закрывать себѣ глаза и принуждать самихъ себя признавать вѣдомаго бродягу царскимъ сыномъ, теперь Годуновыхъ уже не было. Что же могло привлекать къ Гришкѣ?

«Сообразивъ эти обстоятельства, нельзя не признать, что въ то время не было доказательствъ, что царь былъ Гришка Отрепьевъ, разстрига, бѣглець Чудовскаго монастыря». Нѣтъ, г. Костомаровъ, были доказательства, что онъ Гришка Отрепьевъ. На страницѣ 16-й вы сами говорите: «въ вариантѣ того же повѣствованія, изданномъ Оболенскимъ, подъ именемъ «Новаго Лѣтописца», прибавляется, что всѣ на соборѣ были увѣрены, что царь — Гришка Отрепьевъ, да сказать не смѣли». И мы согласны съ такими словами. Посмотрите, напримѣръ, въ новѣйшее время на многолюдныя законодательныя собранія, хотя бы во Франціи, сколько тамъ есть людей, которые много чего сказать не смѣютъ.

Почему же самозванецъ отдалъ дѣло свое на судъ народа и ничего не боялся, то это объясняется тѣмъ, что судъ надъ Шуйскимъ производился во время самой сильной привязанности народа къ самозванцу, тотчасъ, какъ г. Костомаровъ говоритъ (страницы 16-я и 17-я), послѣ прибытія Димитрія въ Москву или въ первыхъ дняхъ по его воцареніи. Если же, какъ мы полагаемъ, Шуйскій былъ осужденъ по пріѣздѣ царицы Марфы въ столицу, только что признавшей его сыномъ, то тѣмъ еще скорѣе народъ былъ отъ него въ восторгѣ. Этотъ царственный Хлестаковъ, (на это выраженіе навелъ насъ г. Костомаровъ), не думалъ скрываться и смѣло смотрѣлъ въ глаза всякому любопытному на улицахъ. (Карамзинъ страница 228-я). Кромѣ того Лжедимитрій былъ велерѣчивъ и любилъ показывать

свое красноречіе. Притомъ, какъ говорить Соловьевъ, можно полагать, что самозванецъ самъ допрашивалъ Шуйскаго (страница 117-я), слѣдственно предлагалъ такіе вопросы, какіе ему хотѣлось. Г. Костомаровъ пишетъ (страница 18-я) «по смерти его (самозванца) Шуйскій разослалъ по всему Московскому царству грамоту о низложеніи прежняго царя и собственномъ восшествіи на престолъ. Если гдѣ, то въ этой грамотѣ должны быть собраны всѣ очевидныя доказательства, что царствовавшій подъ именемъ Дмитрія былъ Гришка Отрепьевъ. И однако мы, къ удивленію нашему, не встрѣчаемъ тамъ этого; все усиліе направлено лишь на то, чтобы уличить бывшаго царя въ измѣнѣ православной вѣрѣ и русскимъ обычаямъ; наброшено на него множество обвиненій, очевидно нелѣпыхъ, какъ напримѣръ, попытка объяснить затѣваемый за городомъ турниръ — умысломъ побить всѣхъ бояръ и передать управленіе въ Московскомъ государствѣ польскимъ панамъ; но объ его самозванствѣ сказано коротко, какъ уже о фактѣ извѣстномъ и доказанномъ... *«богоотступникъ, еретикъ, разстрига, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ своимъ воровствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Улицкимъ, омраченъ бѣсовскимъ прельстилъ многихъ людей»*. Отвѣчаемъ г. Костомарову, что не та была цѣль грамоты. Шуйскій указывалъ на раззореніе государства и православной вѣры, и объявлялъ о вступленіи своемъ на престолъ. Но въ самомъ началѣ грамоты Шуйскій говорить, что Гришка Отрепьевъ многихъ православныхъ крестьянъ, которые его знали и злодѣйство вѣдали и его обличали, злой смерти предалъ. (Смѣтри въ Исторіи смутнаго времени Бутурлина, въ приложеніяхъ, грамоту царя Василія Ивановича въ Пермь великую изъ Москвы 1606 года іюня). Впрочемъ мы видѣли, что посолъ царя Шуйскаго въ Польшѣ, князь Волконскій, подробно объяснилъ, что самозванецъ былъ Гришка Отрепьевъ. Г. Костомаровъ на страницѣ 31-й и слѣдующихъ ссылается на Маржерета и Буссова и говоритъ, что оба указываютъ на другаго человѣка, который назывался Гришкою Отрепьевымъ. Самозванецъ былъ по Маржерету истинный царевичъ Дмитрій, а по Буссову человѣкъ, явившійся въ Польшѣ. Такъ Кобѣржичскій, по г. Костомарову (страница 57-я), считая самозванца отнюдь не Дмитріемъ, а обманщикомъ и пришельцемъ изъ Московія, не называетъ его Гришкою Отрепьевымъ. Другой польскій историкъ Лубенскій, считая его также обманщикомъ, изъясняетъ сомнѣ-

ніе въ тому, чтобы онъ былъ Гришка Отрепьевъ, какъ Москвитяне считаютъ его. Кто же былъ другой человѣкъ, который называлъ себя Гришкою Отрепьевымъ? Карамзинъ говоритъ (страница 320-я): «доселъ мы могли затрудняться однимъ важнымъ свидѣтельствомъ: извѣстный въ Европѣ капитанъ Маржеретъ, усердно служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ людей и происшествія собственными глазами, увѣрялъ Генриха IV, знаменитаго историка Де-Ту и читателей своей книги о Московской Державѣ, что Григорій Отрепьевъ былъ не Лжедмитрій, а совсѣмъ другой человѣкъ, который съ нимъ (самозванцемъ) ушелъ въ Литву, и съ нимъ же возвратился въ Россію, велъ себя непристойно, пьянствовалъ, употреблялъ во зло благосклонность его, и сосланный за то въ Ярославль, дожилъ до воцаренія Шуйскаго».

Мы скажемъ отъ себя, что если бы слова Маржерета были справедливы, то остроумное предположеніе г. Костомарова, что царевичъ Димитрій былъ спасенъ Бѣльскимъ, было бы весьма вѣроятно; точно также можно бы было поддерживать предположеніе, что самозванецъ былъ полякомъ или трансильванцемъ, незаконнымъ сыномъ Баторія. Но Карамзинъ продолжаетъ (страница 320-я): «нынѣ, отыскавъ новыя современныя преданія историческія, изъясняемъ Маржеретово сказаніе обманомъ монаха Леонида, который назвался именемъ Отрепьева для увѣренія Россіянъ, что самозванецъ не Отрепьевъ». И дѣйствительно Карамзинъ, въ примѣчаніи 201-мъ, подтверждаетъ это указаніемъ на лѣтописи, гдѣ сказано: въ современной рукописной «*Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ*»: «Прельсти съ собою отъити въ Кіевъ трехъ Инокъ: Черныца Мисанла да Черныца Венедикта (вмѣсто Варлаама: см. ниже, примѣч. 202-е), Черныца Леонида, Крыпецкаго монастыря — и жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, и повелъ тому Леониду зватись своимъ именемъ, Гришкою Отрепьевымъ, а самъ ложно наименовалъ себя царевичемъ Димитріемъ». Въ Морозов. Лѣт. (л. 96) тоже извѣстіе съ прибавленіемъ «и провозвѣщая о себѣ въ Кіевѣ, будто Богъ его избавилъ отъ убіенія Бориса, нѣкою женою сохраненъ бысть и отданъ былъ въ монастырь на соблюденіе». Такъ по Карамзину. А г. Костомаровъ на страницѣ 33-й пишетъ: «Морозовская лѣтопись говоритъ, что эту роль Гришки на себя взялъ чернецъ Пимень: умышленная и неудачная ложь, ибо мы знаемъ изъ патріаршей грамоты, что чернецъ Пимень былъ въ концѣ 1604 года въ Россіи (если вѣрить ей въ этомъ); проводивши Гришку

Отрепьева до границы литовской, онъ воротился назадъ. Повѣсть о Борисѣ и разстригѣ говорить, «что это былъ Леонидъ, инокъ Крыпецкаго монастыря, который сопутствовалъ самозванцу вмѣстѣ съ Михаиломъ Повадинымъ и Варлаамомъ. Но странно, что объ этомъ Леонидѣ упоминается въ одномъ только сочиненіи». Нѣтъ, г. Костомаровъ, не въ одномъ сочиненіи. Въ «Иномъ сказаніи о Самозванцахъ», на страницѣ 22-й говорится: «Борису же царю клеветницы въ слухъ приносяще на глаголющихъ, что идетъ Дмитрей, а не разстрига, да и разстригу же прямо съ собою къ Москвѣ везетъ и оказываетъ его, чтобы несумнялись люди;» а на страницѣ 28-й: «а знающа его не бе никогдѣ въ тѣхъ странахъ, а которой старецъ именемъ Леонидъ съ нимъ шелъ до Путимля, а назывался его именемъ Гришкинымъ Отрепьевымъ ино казали многимъ его въ Литвѣ и въ Сѣверскихъ предѣлахъ, и въ Путимли его въ темницы засадилъ будто за вину нѣкоторую».

Въ трагедіи «Лжедмитрій» въ 10 былинахъ, на которую мы ссылаемся, гдѣ даже рѣчи приведены изъ лѣтописей, выставленъ совѣтникомъ Гришки Отрепьева Леонидъ, потому что по всѣмъ соображеніямъ онъ принялъ на себя имя Гришки Отрепьева, хотя г. Костомаровъ и говорить (страница 33-я): «да и какъ можно вѣрить вообще, что кто-то въ угодность самозванцу, принялъ на себя имя Гришки Отрепьева».

У Карамзина на страницѣ 25-й говорится, что одинъ злой инокъ посовѣталъ Отрепьеву назваться царевичемъ Димитріемъ, и въ примѣчаніи 195-мъ къ его исторіи, сказано, что Беръ этого злого совѣтника называетъ Отрепьевымъ. Тотъ злой монахъ у Петрея (Сказанія современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ. Устрялова. Часть 1-я, страница 368-я) называется Отрепьевымъ изъ Крыпецкаго монастыря, а Леонидъ былъ изъ Крыпецкаго монастыря. Слѣдственно Леонидъ былъ и злымъ совѣтникомъ и подставнымъ Отрепьевымъ. Леонидъ былъ другой человекъ, а не Гришка Отрепьевъ, котораго имя онъ принялъ, еще потому, что Петрей рассказываетъ (Сказанія современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ. Устрялова. Часть 1-я, страница 369-я), что Гришка имѣлъ смуглое лицо и густые черные волосы, тогда какъ мы знаемъ, что дѣйствительный самозванецъ былъ рыжій, съ бѣлымъ лицомъ.

Самъ Маржеретъ утверждаетъ, (Сказанія современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ. Устрялова. Часть 1-я, страница 310-я) что «раз-

стрига до побѣга изъ Россіи, слылъ негодеи и горькимъ пьяницей». И дѣйствительно Леонидъ былъ пьяницей, а самозванецъ, какъ извѣстно изъ исторіи, не пилъ. Въ сказаніи и повѣсти «еже содѣяся» (стр. 4-я) сказано: «той же лютой волкъ отнюдь не воспрія питія, но желаше насытитися въ питія мѣсто крови Святыхъ; старца же она, Ми-саиль, и Варлаамъ, зѣло не годующи о томъ на него, яко да съ ними не пиетъ, но творить себе яко святъ.»

Можно сказать, что исторія о Леонидѣ частію сбила съ толку и современниковъ и потомство. Онъ былъ однимъ изъ важныхъ дѣятелей у самозванца, при вступленіи его въ Россію, въ пользу его волновалъ Украину, и былъ въ Ельцѣ при сдачѣ этого города самозванцу. При этомъ случаѣ Карамзинъ (примѣчаніе 254) упоминаетъ, что Гревенбрухъ и Де-Ту, называли его Гришкою Отрепьевымъ.

Высказавъ наше мнѣніе о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ, перейдемъ къ другимъ подробностямъ книжки г. Костомарова. Г. Костомаровъ на страницѣ 2-й говоритъ: «первымъ протестомъ изъ Московскаго государства противъ него, самозванца, были двѣ грамоты отъ пограничныхъ Черниговскихъ воеводъ: одна отъ Михаила Кашина-Оболенскаго, другая отъ князя Татева. Въ обѣихъ извѣщается, что называющій себя Димитріемъ былъ бѣглый чернецъ; но онъ не называется Гришкою». Отвѣчаемъ, что могли не называть его Гришкою изъ благоразумія, такъ какъ въ началѣ, при появленіи самозванца въ Польшѣ, нельзя было навѣрное сказать, что это за чело-вѣкъ? Но можетъ быть Михаилъ Кашинъ-Оболенскій и князь Татевъ не хотѣли также обижать самозванца названіемъ Гришки Отрепьева. Оба эти воеводы впослѣдствіи были пожалованы въ бояре Лжедмитріемъ, а князь Татевъ былъ его приверженцемъ и послѣ проиграннаго сраженія при Добрыничахъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ въ Рылскъ. Лжедмитрій посылалъ его также къ Сигизмунду просить о помощи.

Въ первыхъ грамотахъ не было ничего опредѣленнаго. Соловьевъ говоритъ (страница 93-я): «такъ въ 1604 году прислана была грамота къ старостѣ Остерскому отъ Черниговскаго воеводы князя Кашина-Оболенскаго, гдѣ говорилось, что царевичъ Димитрій самъ зарѣзался въ Угличѣ, тому лѣтъ 16, ибо случилось это въ 1588 году, и погребли его въ Угличѣ же, въ Соборной церкви Богородицы; а теперь монахъ изъ Чудова монастыря, вышедшій въ Польшу въ 1593 году, называется царевичемъ. Мосевичи, бывшіе при самозванцѣ, до-

казывали полякамъ, что вмѣсто царевича убили другаго ребенка въ Угличѣ въ 1591 году, и похоронили его въ Соборной церкви Св. Спаса, а не Богородицы, которой церкви нѣтъ вовсе въ Угличѣ, доказывали многими свидѣтельствами, что царевичъ ихъ вышелъ въ Польшу въ 1601 (?) году, а не въ 1593. Потомъ уже, въ 1605 году, пришла грамота, въ которой говорилось, что царевичъ умеръ въ Угличѣ тому лѣтъ 13, а князь Татевъ писалъ изъ Чернигова, что это происшествіе случилось тому 14 лѣтъ назадъ».

Г. Костомаровъ пишетъ (страница 3-я): «постникъ Огаревъ, дворянинъ, посланъ былъ Борисомъ октября 14-го. Паны въ тѣхъ же самыхъ и послѣдующихъ сношеніяхъ объяснили боярамъ, что этотъ посланникъ пріѣзжалъ съ грамотою отъ Бориса собственно о пограничныхъ недоразумѣніяхъ, но, между прочимъ, грамота касалась и того, что во владѣніяхъ короля находится бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ, называющійся Димитріемъ Углицкимъ, и посылаетъ грамоты въ украинскіе города Московскаго государства. Приглашали короля поймать его и наказать. Король отвѣчалъ, что такъ какъ этотъ человѣкъ находится уже въ предѣлахъ Московскаго государства, то тамъ его удобнѣе поймать». (Дѣла Арх. Ин. Д. № 26 и 27, suppl. ad. Hist. Russ. mon. 418).

Въ то же время въ разрядныхъ книгахъ записано, что царю «учинилась вѣсть (слѣдовательно въ первый разъ царь узналъ), что напелся въ Литвѣ воръ, который называется Димитріемъ Углицкимъ». И тутъ же слѣдуетъ заключеніе, «что этотъ воръ долженъ быть Гришка Отрепьевъ». Мы скажемъ, что въ Москвѣ съ большою вѣроятностію могли предполагать, что явившійся царевичъ есть Гришка Отрепьевъ, да и въ Польшѣ подозрѣвали это. Вотъ что говорится у Карамзина (примѣчаніе 237), см. Дѣла Польск. № 26. л. 64. на об. 73 и 77): «Король и паны накупили (на Россію) Казы-Гирея царя... и писали къ нему съ гонцомъ съ Онтономъ Черкашениномъ о разстригѣ Гришкѣ, что будто въ Литвѣ царевичъ Дмитрій, и Жигимонтъ Король отпускаетъ его на Государя нашего (Бориса) землю войною, чтобъ Крымской далъ ему помочь». Мы прибавимъ еще, что сынъ боярскій Яковъ Пыхачевъ и монахъ Варлаамъ въ Польшѣ говорили также, что явившійся царевичъ есть никто иной какъ Гришка Отрепьевъ. Но безъ сомнѣнія въ этомъ удостовѣриться совсѣмъ можно было только тогда, когда самозванецъ пришелъ въ Москву. На страницѣ 4-й г. Костомаровъ упоминаетъ о томъ, что патріархъ

для изобличенія самозванца посылалъ къ князю Острожскому Афанасію Пальчикова, а на страницѣ 5-й онъ говоритъ: «если исключить сомнительныя посольства Смирнаго и Пальчикова», то до 1605 года только въ посольствѣ постника Огарева и въ приговорѣ о высылкѣ на службу (людей) видны шаги къ тому, чтобы назвать самозванца опредѣленнымъ именемъ Гришки Отрепьева». Мы принимаемъ слова г. Костомарова «сомнительныя посольства Смирнаго и Пальчикова» въ томъ смыслѣ, что Смирной и Пальчиковъ не видѣли самозванца, но никакъ не въ томъ, чтобы самихъ этихъ посольствъ не было. О посольствѣ Смирнаго упоминается въ польскихъ дѣлахъ, у насъ, и о немъ говоритъ Паэрле. Поляки не хотѣли показывать самозванца. Въ русской лѣтописи по Никонову списку на страницѣ 60-й говорится: «Смирной же просилъ, чтобы тово вора ему показали, они же ему ево не показаша, и отпустиша ево к Москвѣ ни с чемъ. Смирной же пришедъ возвести все царю Борису, царь же Борисъ слышавъ ихъ лукавство, посла по городамъ к литовскому рубежу воеводъ своихъ со многою ратью, и повелѣ по городамъ окрепiti осады».

На страницѣ 5-й и на слѣдующихъ г. Костомаровъ подробно разбираетъ патріаршую грамоту, въ которой объявлялось, что самозванецъ Гришка Отрепьевъ, и находитъ въ ней разнорѣчія. Если лѣтописи не списаны одна съ другой, то въ нихъ всегда найдутся разнорѣчія, но г. Костомаровъ хорошо дѣлаетъ, что указываетъ на нихъ. Въ первое время патріархъ могъ ошибаться въ подробностяхъ, относительно явленія самозванца въ Польшѣ, хотя Карамзинъ говоритъ (страница 320-я): «царь Годуновъ имѣлъ способы отереть истину: тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ, когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ случаѣ столь важномъ, Борисъ легкомысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедмитрія бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на самозванца».

Въ русской лѣтописи по Никонову списку (страница 60-я) сказано: «самъ же (Борисъ) посла лазутчика въ Литву провѣдывать, хто есть онъ. И шедъ лазутчики провѣдаша про него и опознаша, и придоша возвѣстиша царю Борису, онъ же о томъ посмѣяся, вѣдая онъ то, что хотѣлъ его сослать на Соловки взаточение». А въ примѣчаніи 229 у Карамзина сказано: «Борису служили тогда лазут-

чиками многіе изъ жителей Малороссіи: между архивскими бумагами сохранилась челобитная одного тамошняго мѣщанина о награжденіи его за вѣсти о самозванцѣхъ.

Мы полагаемъ, что слова г. Костомарова (на страницѣ 13-й) что «пущенная Борисовымъ правительствомъ мысль, что бродяга, называвшій себя Димитріемъ, есть Гришка Отрепьевъ, служила однако предлогомъ для враговъ Димитрія во время его царствованія. Чуть только кто былъ не доволенъ царемъ, то имѣлъ способъ выразить свое неудовольствіе, назвавши его Гришкою-разстригою», несправедливы. Точно также какъ и слова на страницѣ 31-й «въ писанія вошли разные рассказы о явленіи перваго самозванца, ходившіе изъ устъ въ уста, а въ нихъ имя Гришки, брошенное изначала патріархомъ и Борисомъ, приняло право исторической достовѣрности, перешло во всѣ исторіи и до сихъ поръ соединяется съ личностію перваго самозванца». И на страницѣ 47-й, «когда наконецъ разнеслась вѣсть о томъ, что Димитрій открылся, Борисъ, патріархъ и всѣ ихъ клеветы—стали соображать и догадываться, кто бы это былъ изъ бѣжавшихъ; напали на имя Гришки Отрепьева, монаха, дѣйствительно бѣжавшаго изъ Чудова монастыря, стали подозрѣвать въ немъ Димитрія, а когда пришла необходимость увѣрить народъ, что явившійся подъ именемъ Димитрія, вовсе не Димитрій и назвать вора другимъ именемъ, то и употребили Гришкино имя». Мы отвѣчаемъ, что не напали на имя Гришки Отрепьева, а что безъ сомнѣнія, какъ всегда бываетъ, сначала стали соображать и догадываться, но потомъ догадки оказались вѣрными.

Г. Костомаровъ говоритъ, (страница 6-я и слѣдующая): что «Венедиктъ и Стефанъ иконники свидѣтельствовали (передъ патріархомъ), что Гришка, убѣжавши къ Адаму Вишневецкому, тамъ, по умышленію князей Вишневецкихъ и по королевскому повелѣнію, началъ называться княземъ Димитріемъ Углицкимъ».

Изъ этихъ извѣстій невозможно вывести несомнѣнно, чтобъ самозванецъ, вышедшій тогда въ Сѣверскую землю, былъ именно Гришка. Несомнѣнно, г. Костомаровъ, нельзя вывести, по чему же нельзя принять въ соображенію извѣстій Венедикта и Стефана иконника, хотя бы они основывались на слухахъ. Кіевъ городъ многолюдный, столица югозападной Руси, туда могли доходить вѣроятные слухи. Патріархъ могъ впасть въ заблужденіе потому, что какъ г. Костомаровъ говоритъ (страница 7-я) «Венедиктъ и Стефанъ икон-

никъ могли услышать, что проявился, называющій себя Димитріемъ Углицкимъ, и вспомнивъ бѣжавшаго бродягу Гришку, сообразили: ужъ не Гришка ли этотъ новоявленный Димитрій? Такъ могло быть только при полной добросовѣстности. Но сама грамота патріархова не признаетъ за ними этого качества, напротивъ, называетъ ихъ ворами, *которые товарищи его воры въ Литву, за рубежъ ея проводили и которые про него подлинно вѣдаютъ, и въ Литву съ нимъ зналися.* Если они воры, т. е. преступники, то слѣдовательно могли ждать за воровство свое наказанія. А въ такомъ случаѣ имъ было естественно дѣлать то, что можетъ избавить ихъ отъ наказанія или облегчить его тяжесть».

Г. Костомаровъ разбираетъ челобитную Варлаама. На страницѣ 20-й онъ пишетъ: среди стѣсненныхъ обстоятельствъ, когда Болотниковъ стоялъ подъ Москвою, держалъ ее въ осадѣ, а въ Москвѣ ждали только обѣщаннаго царя Димитрія, чтобъ выдать ему Шуйскаго, явилась челобитная Варлаама, того самаго, о которомъ въ окружной грамотѣ патріарха Іова было сказано, что съ нимъ убѣжалъ изъ Москвы Гришка Отрепьевъ.

Въ ней (челобитной Варлаама) говорится: «что Гришка спознался съ нимъ и убѣжалъ изъ Москвы въ 1602 году, въ великій постъ. Тогда какъ поляки сообщали, что монахъ, который объявился подъ именемъ Димитрія, уже въ 7109 году (то есть съ сентября 1600 по сентябрь 1601 года) былъ въ Кіевѣ». Будемъ отвѣчать г. Костомарову, что раньше или позже 1602 года бѣжалъ Отрепьевъ, это нисколько не опровергаетъ, чтобы Варлаамъ не сопровождалъ его. Да и самъ г. Костомаровъ на страницѣ 47-й упоминаетъ: «въ выпискѣ изъ разряда говорится, что онъ, Гришка, убѣжалъ въ 111 году, а въ челобитной Варлаама по одному списку въ 110, по другому въ 111 году». Карамзинъ также не опредѣляетъ времени, когда самозванецъ представлялся королю Сигизмунду; у него на страницѣ 133-й сказано: «вмѣстѣ съ воеводою Сендомирскимъ и княземъ Вишневецкимъ Отрепьевъ (въ 1603 или 1604 г.) явился въ Краковѣ». Г. Костомаровъ въ своихъ догадкахъ по этому предмету ссылагается также на Маржерета, но Маржеретъ говоритъ не о бѣгствѣ самозванца, а о слухахъ, которые начали о немъ ходить въ 1600 г. Г. Костомаровъ продолжаетъ: «Варлаамъ рассказываетъ, что, проживши въ Печерскомъ монастырѣ три недѣли, Гришка задумалъ идти къ князю Острожскому. Тогда Варлаамъ извѣщалъ на него архимандриту, чтобъ тотъ удержалъ его; ибо если онъ пойдетъ, то скинетъ съ себя

иноческое платье». Но архимандритъ сказалъ ему: «здѣсь земля вольная, — въ какой вѣрѣ кто хочетъ, въ той и пребываетъ». Послѣ этого самъ Варлаамъ отправился съ Гришкою въ г. Острогъ. Странно, что Гришка отправился вмѣстѣ съ человѣкомъ, который на него уже доносилъ и наблюдалъ надъ нимъ. Трудно предположить такую неосторожность въ плутѣ, затѣвующемъ важное плутовство». Отвѣчаемъ, что самозванецъ дѣйствительно былъ неостороженъ, какъ показываетъ вся его жизнь, и тогда еще онъ не могъ быть увѣренъ удастся ли его предпріятіе или нѣтъ. Все зависѣло отъ того, что его поддержали іезуиты и король Сигизмундъ. Притомъ, кажется, что Варлаамъ невольно былъ увлеченъ идти за самозванцемъ: въ челобитной Варлаама сказано: «я билъ челомъ архимандриту и братіи, чтобы дали сожителствовать мнѣ у себя въ Печерскомъ монастырѣ; архимандритъ и братія мнѣ не дали, четыре де васъ пришло, четверо и подите». Варлаамъ провожалъ самозванца до г. Острога, откуда онъ отправился въ Дерманскій монастырь, а Гришка Отрепьевъ въ Гошчу. Весьма естественно, что послѣ этого Варлаамъ могъ говорить объ Отрепьевѣ только по слухамъ. Ему можетъ быть неизвѣстно было, что князь Адамъ Вишневецкій передалъ Григорія Отрепьева брату своему Константину, и что самозванецъ поѣхалъ не въ Вишневецъ, а въ Жиложищахъ. Варлаамъ могло только поразить, что Григорій Отрепьевъ представлялся королю Сигизмунду. Г. Костомаровъ говоритъ: «Варлаамова челобитная рассказываетъ пребываніе Гришки у короля и приводитъ длинную рѣчь, которую будто-бы говорилъ Гришка королю. Изъ Кракова претендентъ уѣхалъ въ Самборъ къ Мнишку. Какимъ образомъ могъ слышать эту рѣчь Варлаамъ? Уже это одно приведеніе рѣчи въ такомъ подробномъ видѣ побуждаетъ подозрѣвать справедливость всей челобитной». Отвѣчаемъ, что самую рѣчь Варлаамъ не слышалъ, но вѣроятно о представленіи самозванца королю, говорили всѣ въ Польшѣ, и рѣчь эта не такого рода, чтобы опровергала всю челобитную Варлаама. Ее могъ бы сказать всякій русскій, который зналъ объ убіеніи царевича Димитрія. Вотъ она: «слыхалъ ли де еси про Московскаго Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи Самодержца коль былъ великъ и грозенъ, во многихъ ордахъ бысть славенъ, а язъ сынъ его присный Князь Дмитрей Ивановичъ, и какъ судомъ Божиимъ отца нашего на Россійскомъ Государствѣ не стало, а остался на Московскомъ Государствѣ Царемъ братъ нашъ Феодоръ Ивановичъ всеа Руссіи; а мени

измѣнники наши послали на Угличъ и присылали по многія времена многихъ воровъ и велѣли портети и убити, и Божіимъ произволеніемъ и его вѣрною десницею покрывшаго насъ отъ ихъ злодѣйскихъ умысловъ, хотящихъ насъ злой смерти предати; и Богъ милосердый злокозненнаго ихъ помысла не восхотѣ исполнити, и меня невидимою силою укрывъ, и много лѣтъ въ судьбахъ своихъ сохранилъ даже до лѣтъ возрасту нашего; и нынѣ я приспѣвъ въ мужество и Божію помощію помышляю итти на престолъ прародителей своихъ на Московское Государство, и говоря то проливаетъ многія слезы: а и то было тебѣ милостивый королю мощно разумѣти, какъ толѣтъ твой холопъ тебя или брати твоего или сына у тебя истеряетъ да завладѣетъ твоимъ царствомъ, каково тебѣ въ тѣ поры будетъ, разумѣй по сему и мнѣ нынѣ каково есть; и ина много ему говоря и скажу».

Г. Костомаровъ продолжаетъ: «далѣе Варлаамъ говоритъ, что онъ извѣщалъ королю о томъ, что называющій себя Димитріемъ есть Гришка Отрепьевъ. Король, не повѣривъ ему, отправилъ его къ Гришкѣ въ Самборъ. Тамъ товарища его Якова Пыхачева казнили, а его бросили въ тюрьму. Сендомирскій воевода съ Гришкою отправились въ походъ, а онъ остался въ тюрьмѣ, потомъ уже жена Мнишкова и дочь Марина освободили его. Здѣсь странно то, что Варлаамъ, разставшись съ Гришкою еще въ 1602 году и оставшись въ Дерманскомъ монастырѣ, не говоритъ, какимъ образомъ онъ услѣдиль, что называвшій себя Димитріемъ былъ Гришка, и какъ очутился въ Краковѣ у короля. Странно и то, почему одного казнили, другаго только въ тюрьму заключили, когда слѣдовало бы казнить Варлаама, ибо Варлаамъ, а не Яковъ, извѣщалъ королю, слѣдовательно Варлаамъ былъ опаснѣе Якова». На это можно сказать г. Костомарову, что изобличеніе Пыхачева было слишкомъ рѣзко: Варлаамъ въ своей челобитной говоритъ: «а онъ Яковъ и у казни называлъ его разстрогою Гришкою Отрепьевымъ». А изобличеніе Варлаама могло быть слабо, даже въ послѣдствіи онъ могъ и хвастать своимъ изобличеніемъ самозванца. Г. Костомаровъ самъ отдаетъ справедливость мягкосердію самозванца, на стр. 51-й, онъ говоритъ: «Димитрій продержался почти годъ. Какія жестокости учинилъ онъ?» Впрочемъ не самозванецъ, а Марина и жена Мнишка освободили изъ тюрьмы прежняго его товарища. Хотя же Варлаамъ, оставшись въ Дерманскомъ монастырѣ, не могъ услѣдить, что называвшій себя Димитріемъ, былъ Гришка Отрепьевъ, однако послѣ онъ могъ узнать въ немъ того же самага Отрепьева.

Важнѣе замѣчаніе г. Костомарова, что челобитная Варлаама противорѣчитъ грамотѣ патриарха Іова, что въ грамотѣ патриаршей Варлаамъ названъ монахомъ чудовскимъ, а въ челобитной онъ себя самъ называетъ постриженникомъ Пафнутьевскаго Боровскаго монастыря. Но если г. Костомаровъ самъ нашелъ, что грамота патриарха невѣрна, неосновательна, то и здѣсь противорѣчіе уничтожается.

Г. Костомаровъ указываетъ на неточность названія отца Гришки Отрепьева: одни именуютъ его Богдапомъ, другіе—Яковомъ. Карамзинъ называетъ Богданъ-Яковъ.

Что касается до бѣгства самозванца изъ Россіи, то путь, по которому онъ шелъ, въ лѣтописяхъ показывается разнымъ. Варлаамъ говоритъ, что онъ съ самозванцемъ изъ Москвы ѣхалъ до Болхова, а изъ Болхова до Карачева и изъ Карачева до Новгорода-Сѣверскаго, слѣдственно прямою дорогою, а въ Никоновской лѣтописи говорится, что самозванецъ отправился изъ Москвы въ Галичъ на Желѣзный Борокъ, оттуда въ Муромъ, а потомъ въ Брянскъ и въ Новгородъ-Сѣверской, сдѣлавши такимъ образомъ большой кругъ. Но и это противорѣчіе можно согласить, если принять слова изъ «Иного сказанія о самозванцахъ», гдѣ на страницѣ 10-й говорится: «и по малѣ времени изыде отъ Никола Чудотворца отъ Угрѣши и вселися въ предѣлахъ града Костромы вообще мѣсто въ монастырь Іоанна Предтечи на Желѣзномъ Борку, и оттуда паки прииде опять къ Москвѣ, и оттуда оставя православную вѣру христіанскую отбѣжа въ Литву, и прелсти съ собою отыти дву инокъ черныца Мисаила Повадина да черныца Варлаама».

Г. Костомаровъ на страницѣ 20-й говоритъ о челобитной Варлаама, что «когда прочитаешь ее, то съ перваго раза она какъ будто носить печать истины; но всмотрѣвшись пристальнѣе, увидишь много несообразностей, обличающихъ умышленную составленность». На это мы сдѣлаемъ обыкновенное замѣчаніе, что умышленность въ составленіи исторіи замѣтна и въ новѣйшее, просвѣщенное время у самыхъ лучшихъ писателей, даже если строго судить и у добросовѣстнаго Карамзина, если только принимать слово умышленность въ томъ смыслѣ, что Карамзинъ смотрѣлъ на исторію Россіи съ своей точки зрѣнія. «Иное сказаніе», гдѣ помѣщена челобитная Варлаама, есть одно изъ самыхъ важныхъ историческихъ предапій, не смотря на то, что въ немъ говорится будто Годуновъ былъ причиною смерти

царя Θεодора Ивановича (страница 7-я): «бѣ же и то его Θεодора преставленіе отъ несправеднаго убійства тогожъ Бориса», и что въ этомъ «Иномъ сказаніи», писатель оказывается приверженцемъ Шуйскаго.

О достовѣрности этого сказанія И. Бѣляевъ, помѣстившій его во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ, въ своемъ предисловіи говоритъ: «о достоинствахъ издаваемаго сказанія редакция Временника не имѣетъ нужды здѣсь распространяться; ибо для ученыхъ хорошо извѣстно, какъ важны историческіе источники, уцѣлевшіе въ своемъ первоначальномъ видѣ, неискаженные послѣдующими передѣлками и дополненіями, и особенно источники современные описываемымъ въ нихъ событіямъ, и притомъ подтверждаемые тутъ же помѣщенными официальными документами». А на страницѣ 37-й самъ сочинитель «Иного сказанія» говоритъ: «покусихъ же ся азъ многогрѣшный и грубый Богови и не потребный разумомъ, предати повѣсть сію писаніемъ. Не слухомъ увѣряясь кромѣ того, какъ той еретикъ и законопреступникъ былъ въ Литовстей земли, а что сотворися въ Россійскомъ Государствѣ, то вся сія зря своимъ очима».

Намъ кажется, что сомнѣніе у г. Костомарова, что самозванецъ не былъ Гришкою Отрепьевымъ зародилось у него на первой страницѣ, гдѣ онъ говоритъ: «самозванецъ, какъ мы докажемъ впослѣдствіи, появился въ Польскихъ владѣніяхъ въ 1600—1601 годахъ, а первыя заявленія о томъ, что онъ Гришка Отрепьевъ, явились въ 1604 году, и положительно только къ концу этого года». Дѣйствительно, скажемъ мы, что послѣ того какъ Гришка Отрепьевъ бѣжалъ изъ Москвы прошло болѣе года или по г. Костомарову болѣе четырехъ лѣтъ и когда въ Польшѣ появился самозванецъ, то первыя заявленія о немъ были шатки.

Но вотъ инокъ Варлаамъ, который шагъ за шагомъ, какъ тѣнь, слѣдитъ за Гришкою Отрепьевымъ, и котораго любопытныя и достовѣрныя сказанія утверждаютъ, что самозванецъ былъ Гришка Отрепьевъ.

Коснемся еще одного вопроса. Подставили ли бояре самозванца? Буссовъ (Сказанія современниковъ о самозванцѣ. Устряловъ, Часть 1-я, страница 39-я) говоритъ: «вѣсть о такомъ происшествіи (о взятіи Путивля) ужаснула Бориса. Онъ сказалъ князьямъ и боярамъ въ глаза, что это было ихъ дѣло (въ чемъ и не ошибся), что они

измѣною и крамолами стараются свергнуть его съ престола». Посольства въ Польшу Смирнаго-Отрепьева и племянника Прокофія Ляпунова показываютъ, что бояре помогали самозванцу. Извѣстія, что самозванецъ служилъ у бояръ и что принятіе имъ на себя имени царевича Димитрія совпадаетъ съ гоңніемъ ихъ Годуновымъ: такъ какъ Бѣльскій, Романовы и ихъ родственники были сосланы или судимы въ то время, когда разнесся слухъ о самозванцѣ, въ 1600 году, заставляють предполагать, что бояре подстановили его. Но по одному обстоятельству нельзя принять такого мнѣнія. Обстоятельство это есть лѣта самозванца.

Въ «Иномъ сказаніи о самозванцахъ» (на страницѣ 10-й) говорится: «острижися въ ипоческій образъ и наречеса имя ему Григорій; въ то время бысть лѣтъ 14». По этимъ словамъ, если даже считать, что самозванецъ былъ такихъ же лѣтъ какъ убитый царевичъ Димитрій, выйдетъ, что онъ постригся въ монахи прежде вступленія на престолъ Годунова. Карамзинъ (страница 317-я) говоритъ: «въ заключеніе упомянемъ о свидѣтельствѣ извѣстнаго Шведа Петрея, который былъ посланникомъ въ Москвѣ отъ Карла IX и Густава Адольфа, лично зналъ самозванца и пишетъ, что онъ казался человѣкомъ лѣтъ за тридцать, а Димитрій родился въ 1582 году и слѣдственно имѣлъ бы тогда не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ отъ рожденія». Въ такомъ случаѣ самозванецъ и давно постригся въ монахи задолго до восшествія на престолъ Годунова. Нѣтъ! бояре не подставляли самозванца, а могли знать о его поступкахъ и содѣйствовать ему. Но Карамзинъ, какъ мы выше видѣли, объ этомъ не говорить.

Указанныя нами лѣта самозванца могутъ повести къ нѣкоторымъ предположеніямъ, но мы отъ нихъ удерживаемся.

Безсовѣстность и недовѣріе были общою чертою тогдашнихъ нравовъ. Бѣльскій цѣловалъ крестъ, что Гришка Отрепьевъ есть истинный царевичъ; князь Василій Голицынъ велѣлъ связать себя и выдать самозванцу, чтобы показать, что не онъ самъ измѣняетъ. Другіе также вѣроломно переходили къ Лжедимитрію. Читая исторію Годунова и самозванца невольно спрашиваешь, много ли было въ тогдaшнее время честныхъ людей въ Россіи?

Да, такихъ людей мы находимъ въ Осиповѣ, Григоріѣ Васильевичѣ Годуновѣ и другихъ. Но они были искры въ темную ночь.

Взглянемъ на положеніе самаго Годунова, его отношеніе къ под-

даннымъ. Онъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ нашихъ царей! Добръ, уменъ, рано полюбилъ Европу. «Первые два года его царствованія, говоритъ Карамзинъ (примѣчаніе 94), казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія». Но Годуновъ по неволѣ изъ добраго государя сдѣлался тираномъ. Причиною тому была не только зависть бояръ, но и убіеніе имъ царевича Димитрія. Тѣнь Димитрія преслѣдовала его, онъ не могъ ее отогнать и наконецъ она его убила. Въ новѣйшее время нѣкоторые сомнѣвались, убилъ ли Годуновъ царевича? Да, онъ послалъ къ нему убійцъ, и какъ умный человѣкъ скрылъ свое содѣйствіе. Однако его злодѣяніе разгадали, да и на это есть прямые доказательства. Одинъ изъ приближеннѣйшихъ къ нему людей, бывшій съ нимъ въ родственныхъ связяхъ, царь Василій Ивановичъ Шуйскій, которому лучше всѣхъ было извѣстно дѣло царевича Димитрія, въ 1606 году (грамота въ Пермь Великую изъ Москвы страница 9-я) говорилъ: «въ прошломъ въ 99 году, за грѣхъ всего православнаго крестьянства, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Руссіи сынъ, благовѣрный царевичъ Князь Дмитрей Ивановичъ, по зависти Бориса Годунова яко агня незлобное заклася».

Тогдашнее состояніе Россіи, гдѣ не было опредѣленныхъ правъ, гдѣ многое основывалось на случайности, на выгодахъ, особенно ея невѣжество объясняютъ странную исторію самозванца, объясняютъ какимъ образомъ монахъ, могъ достигнуть престола и потрясти Россію въ ея основаніяхъ.

Но даже основываясь на сухихъ лѣтописяхъ, какъ мы доказали, можно быть увѣреннымъ, что самозванецъ былъ Гришка Отрепьевъ.

- Опровергая г. Костомарова мы имѣли въ виду защитить отъ нападокъ упомянутую нами трагедію «Лжедимитрій» въ 10-ти былинахъ, въ которой духъ времени при Лжедимитріѣ выраженъ чрезвычайно вѣрно и подъ образомъ драмы, сколько можно было, на театрѣ представлена тогдашняя исторія, въ главныхъ событіяхъ. Но кто могъ оцѣнить ее, если, по нашему мнѣнію, и г. Костомаровъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ историческихъ писателей, не такъ понимаетъ исторію самозванца. Но ни въ трагедіи, гдѣ имѣлась драматическая цѣль, ни въ разборѣ нашемъ сочиненія г. Костомарова не разъяснено вполне смутное время, почему мы и присовокупляемъ еще нѣсколько словъ. Если исторію Россіи слѣдуетъ раздѣлить, какъ мы думаемъ, на три періода: первый нормандскій, отъ основанія Руси до наше-

ствія татаръ, 2-й татарскій или азіатскій отъ нашествія татаръ до Петра Великаго, и 3-й европейскій отъ Петра Великаго до нашего времени, то подраздѣленіе перваго періода будетъ введеніе христіанской вѣры въ Россіи, подраздѣленія втораго періода вступленіе на престолъ Іоанна III и Михаила Ѳеодоровича Романова. Теперь спрашивается, какой смыслъ имѣло смутное время, въ слѣдствіе котораго вступилъ на престолъ Россіи домъ Романовыхъ? Безъ сомнѣнія преобразованія. Это даже мы видимъ въ попыткахъ Шуйскаго при вступленіи его на престолъ, въ его грамотѣ говорится: «мнѣ Великому Государю всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ Бояры своими, смерти не предати и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отнимати, будетъ которые съ ними въ мысли не были: также у гостей и у торговыхъ людей (въ древнемъ спискѣ, принадлежавшемъ покойному А. И. Ермолаеву, прибавлено: и у черныхъ людей), хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отнимати, будетъ съ ними они въ той винѣ не винны; да и доводовъ ложныхъ мнѣ Великому Государю не слушати, а сыскивати всякими сыски на крѣпко и ставити съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибли, а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его, что былъ взвелъ не подѣльно, тѣмъ самъ осудится». (Карамзинъ. Томъ 12-й. Примѣчаніе 4-е). Мы согласны съ тѣмъ, что говоритъ Соловьевъ (Томъ 9-й, страница 471-я) «онъ (самозванецъ) явился слишкомъ рано еще, именно столѣтіемъ раньше; люди, которые могли не оскорбиться его поведеніемъ, не составляли въ это время даже и меньшинства, они составляли исключеніе, притомъ же въ послѣдствіи открыли, что онъ былъ самозванецъ, обманщикъ, оболъститель, слѣдовательно необходимо орудіе духа лжи и оболъщенія; наконецъ явился невѣдомо какъ, достигнулъ царства изумительными, чудесными для большинства средствами».

Мы прибавимъ къ словамъ Соловьева, что не легкомысленному самозванцу можно было предпринимать преобразованія, для этого надобно было имѣть права Петра Великаго на престолъ и его жезлъную волю.

Digitized by Google